Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 9.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

☛ ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ПЕРЕВЕДЕНО СЪ БЕРСЕНЕВКИ НА НИКИТСКІЙ БУЛЬВАРЪ, БЛИЗЬ ЦЕРКВИ СВЯТАГО ΘЕОДОРА СТУДИТА, ВЪ ДОМЪ ДЮГАМЕЛЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣсти изъ армій начали постепенно доходить до Москвы. Еще въ концѣ Іюля, послѣ проѣзда ген. адъют. Кутузова, вся Москва заговорила, что двѣ наши западныя арміи не соединяются потому, что изъ главнокомандующихъ одинъ не хочетъ подчиняться другому [1]). Но извѣстіе о томъ, что обѣ арміи сошлись въ Смоленскѣ и будутъ дѣйствовать наступательно заглушило на время общественный ропотъ и внушило нѣкоторую надежду на успѣшныя дѣйствія войскъ и на то, что они преградятъ дальнѣйшее вторженіе непріятеля внутрь Россіи. Такое настроеніе продолжалось недолго. „Въ послѣдствіи я узналъ, говоритъ гр. Ростопчинъ въ своихъ Запискахъ, что Кутузову было поручено многими изъ нашихъ генераловъ просить государя смѣстить Барклая и назначить главнокомандующимъ обѣими арміями кн. Багратіона, по причинѣ существовавшаго между этими генералами разномыслія и бездѣятельности нашей арміи. Барклай былъ человѣкъ честный, благоразумный и методическій; онъ возвысился въ слѣдствіе своихъ заслугъ, былъ покрытъ ранами и всегда служилъ съ отличіемъ. У него не было другихъ заботъ, какъ сохранить армію и продолжать отступленіе въ возможно-бо́льшемъ порядкѣ. Онъ отличался необыкновенною храбростію и часто удивлялъ своимъ хладнокровіемъ. Багратіонъ, обладавшій многими дарованіями для того, чтобъ быть хорошимъ генераломъ, былъ слишкомъ необразованъ для того, чтобы быть главнокомандующимъ войсками. Онъ очень хвастался тѣмъ, что былъ ученикъ и любимецъ Суворова. Онъ хотѣлъ непремѣнно драться потому, что Барклай избѣгалъ сраженія, и еслибъ онъ начальствовалъ войсками, то непремѣнно двинулъ бы ихъ на сраженіе и, можетъ быть, погубилъ бы ихъ, упорствуя защитить Смоленскъ.“ Читая эти строки, легко понять, что они были написаны гораздо послѣ происшествій; въ то же время, когда событія совершались, самъ графъ Ростопчинъ долженъ былъ смотрѣть на нихъ съ другой точки зрѣнія. Дѣйствительно, въ современныхъ донесеніяхъ императору Александру 1-му, онъ выражаетъ иной взглядъ. „Ваше довѣріе ко мнѣ, государь, мѣсто, которое я занимаю (писалъ онъ въ началѣ Августа), даютъ мнѣ право сказать вамъ правду. Москва и войска въ отчаяніи отъ бездѣйствія и слабости военнаго министра, который совершенно подчинился вліянію Вольцогена. Въ главной квартирѣ спятъ до десяти часовъ утра. Багратіонъ почтительно держитъ себя въ сторонѣ и, повидимому, повинуется; но кажется выжидаетъ какой нибудь неудачи, чтобы

*) Первыя три главы этого труда напечатаны во второй книгѣ Р. Архива сего года.

[1]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 23 Іюля 1812 г.

объявить притязаніе на начальство надъ обѣими арміями" [2]). Въ тотъ же день, какъ писано это донесеніе государю, графъ отправилъ князю Багратіону, съ надписью: *изъ матушки каменной Москвы* слѣдующее письмо: „Ну-ка, мой отецъ, генералъ по образу и подобію Суворова, поговоримъ съ глазу на глазъ; а поговорить есть о чемъ! Чтó сдѣлано, тому такъ и быть; да не шалите вы впередъ и не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князья Трубецкой и Пожарскій: одинъ смотрѣлъ, какъ другаго били. Подумайте, что здѣсь дѣло все въ томъ, чтобъ бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты: вамъ слава безсмертная, спасеніе Отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣю рода человѣческаго! Благодаренъ зѣло за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: „Дай лишь волю, и Багратіонъ пужнетъ"; а мнѣ кажется, что *онъ* васъ займетъ да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ пить Невскую воду. Милорадовичъ съ 31-го тысячами славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску. У меня здѣсь до 10.000 рекрутъ формируется. Силы Московской въ семи смежныхъ губерніяхъ до 120 тыс., и тутъ прелихая есть конница. У Лобанова 26 тыс. свѣжей пѣхоты. Деньги есть на нужду, и хлѣба будетъ до сыта. Неужели послѣ того и со всѣмъ этимъ Москву осквернитъ Французъ? Ваше дѣло ее беречь, а наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что и самъ дивлюсь. Счастье, что любятъ и слушаются. Пошаливаютъ Французы; сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять, въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются!... Впрочемъ злоба къ Бонапарте такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ, и эта пружина лопнула; а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Я, право, въ усъ не дую; мнѣ все кажется, что это дурной сонъ; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

За симъ обнимаю
И точно пребываю,
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести,

Вамъ преданный
Графъ Ѳ. Ростопчинъ.

Тѣхъ изъ офицеровъ, кои ранены и могутъ доѣхать до Москвы, присылайте прямо ко мнѣ. Я тремъ стамъ найму покои. Въ моемъ домѣ городскомъ на Лубянкѣ 50 кроватей, и всѣ хотятъ ходить и беречь героевъ, защитниковъ Отечества."

Получивъ отъ князя Багратіона извѣстіе объ оставленіи Смоленска, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ ему: „Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо вашего сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ; ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Здѣсь очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ противъ наступающаго непріятеля. Но лучше бы ничего ему не дѣлать, чѣмъ, выигравъ баталію, предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ начальниковъ и зависти къ взаимнымъ успѣхамъ; а такъ какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣры не знаетъ, то и увѣрило само себя, что Барклай измѣнникъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска: Москва ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ, или Петербургъ; а мнѣ кажется, что онъ,

[2]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 6-го Августа 1812 г.

держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ Петербургской, и къ Московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы, пресѣкая сообщенія, нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ Русской [3]).“

Судя по этимъ выдержкамъ изъ писемъ гр. Ростопчина, едва ли можно сомнѣваться, что его сочувствіемъ въ это время пользовался не Барклай, но кн. Багратіонъ. Онъ извѣщалъ государя, что Барклай находится въ рукахъ у Вольцогена, а Вольцогена считалъ такимъ, что онъ можетъ быть измѣнникомъ, и довѣрять ему не слѣдуетъ. Выражая такое воззрѣніе, гр. Ростопчинъ не позволилъ себѣ, въ слѣдъ за общественною молвою, клеймить Барклая позорнымъ именемъ измѣнника; но мы сомнѣваемся и въ томъ, вѣрно ли его свидѣтельство, будто бы кн. Багратіонъ въ письмахъ къ нему называлъ его этимъ позорнымъ именемъ. Къ сожалѣнію, эти письма не сохранились или остаются до сихъ поръ въ неизвѣстности; но сохранились письма кн. Багратіона того же времени къ графу Аракчееву. Нисколько не смягчая своихъ выраженій о неспособности Барклая, какъ военачальника, онъ однакоже не заподозрѣваетъ его въ измѣнѣ. „Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству; но генералъ не то что плохой, но дрянной—и ему отдали судьбу всего нашего Отечества!... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Видно тотъ не любитъ государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключать миръ и командовать арміею министру. И такъ я пишу вамъ правду; готовьтесь ополченіемъ; ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи г. флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ все совѣтуетъ министру [4]).“ Въ этихъ словахъ выраженъ въ отношеніи къ измѣнѣ совершенно тотъ же взглядъ, какой выражалъ въ своихъ письмахъ къ государю въ это время и графъ Ростопчинъ. Онъ считалъ Барклая де Толли неспособнымъ начальствовать арміями, точно также какъ и Багратіонъ, по различнымъ только причинамъ. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы уже привели выписку, графъ Ростопчинъ извѣщаетъ государя: „Москва желаетъ, государь, чтобы войсками начальствовалъ Кутузовъ и двигалъ ваши силы; иначе не будетъ никакого единства, между тѣмъ какъ Наполеонъ соображаетъ все. Онъ самъ долженъ находиться въ затруднительномъ положеніи; но Барклай и Багратіонъ могутъ-ли проникнуть его намѣренія?“ „Сраженіе подъ Смоленскомъ (писалъ онъ чрезъ нѣсколько дней) есть послѣдствіе несогласія между двумя главнокомандующими и нерѣшительности Барклая. Мы перебили втрое болѣе людей, нежели потеряли сами и—мы отступили. Ваши арміи достаточны для того, чтобы остановить непріятеля; а подкрѣпленія подойдутъ со всѣхъ сторонъ. Надо защищать Москву и биться на смерть. Можетъ быть, Россія потеряетъ 300 тысячъ человѣкъ; но ея слава будетъ спасена, а вашъ престолъ укрѣпленъ“ [5]). Точно также думалъ и Багратіонъ, и его взглядъ былъ совершенно противоположенъ если не взгляду, то образу дѣйствій Барклая.

Надежды на отпоръ враговъ, возникшія въ Москвѣ послѣ извѣстія о соединеніи армій, мгновенно исчезли, лишь только узнали о паденіи Смо-

---

[3]) Письма гр. Ростопчина къ кн. Багратіону отъ 6-го и 12 Авг. 1812 г. Онѣ напечатаны у Богдановича, но съ измѣненіями (Истор. царствованія Александра I-го, т. III, прилож., стр. 64—65).

[4]) Письмо кн. Багратіона къ гр. Аркачееву отъ 7-го Августа 1812 г. изъ Михайловки.

[5]) Письмо гр. Ростопчина отъ 10 Авг. 1812 г. и прежде указанное отъ 6 Авг.

ленска. „Вѣсть о занятіи Смоленска Наполеономъ, оставленнаго Русскими войсками въ пожарномъ пламени и дымящихся развалинахъ, огромила Москву. Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: отворены ворота къ Москвѣ! Началось переселеніе изъ городовъ, уѣздовъ и селъ и деревенъ. Ѣхали и шли, а куда? Куда Богъ поведетъ [6])", говоритъ очевидецъ-современникъ.

Въ то время когда народонаселеніе Москвы, ближайшихъ къ ней городовъ и семейства помѣщиковъ изъ селъ и деревень стремились къ переселенію въ отдаленныя мѣстности имперія, въ образованныхъ кружкахъ Московскаго общества велись такого рода рѣчи: „По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами... Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму царю уничтожить порядокъ, существовавшій испоконъ-вѣку, съ другой стороны нелегко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила не выносимы для насъ Русскихъ тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у Французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по своему, то мы и потерпѣли страшное пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ, какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, если бы другъ другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и Французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ тоже съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100.000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30.000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибъ получили поддержку. Но такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по Русской пословицѣ: „Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ," то этихъ несчастныхъ кинули на произволъ судьбы. Когда Французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ, они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причи-

[6]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 32.

ною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая [7]".

Конечно, выраженныя въ этихъ строкахъ мнѣнія не принадлежатъ молодой дѣвушкѣ Московскаго образованнаго общества того времени, которая ихъ написала, но отставнымъ военнымъ старикамъ, проживавшимъ на покоѣ въ Москвѣ и судившимъ о совершавшихся событіяхъ. Невѣрные слухи давали поводъ къ неправильнымъ заключеніямъ; общая же мысль о необходимости единства въ начальствованіи надъ войсками была справедлива. Но если въ Русскихъ войскахъ сохранялось уваженіе къ долговременной службѣ военачальниковъ и наблюдалось старшинство, то не менѣе того уважались военныя дарованія, познанія и доблести. Во всѣхъ нашихъ войнахъ, точно также какъ и въ отечественной войнѣ 1812 г., можно указать на многіе примѣры, когда старшіе добровольно и охотно становились подъ начальство младшихъ по службѣ. А потому Платову, конечно, и въ голову не приходила мысль считаться старшинствомъ съ главнокомандующими арміями, и кн. Багратіонъ, хотя и самъ главнокомандующій второю арміею, охотно бы подчинился Барклаю де Толли, если бы считалъ его дѣйствія правильными или вѣрилъ его доказанной опытности какъ военачальника. Но Барклай де Толли въ первый разъ выступалъ на поприще военныхъ дѣйствій въ качествѣ главнокомандующаго

Подробное извѣстіе о сраженіи подъ Смоленскомъ гр. Ростопчинъ получилъ 8 Августа съ нарочнымъ, отправленнымъ изъ главной квартиры. „Меня разбудили въ 6 часовъ утра, говоритъ онъ. Не теряя ни минуты, я отправилъ четырехъ курьеровъ къ Милорадовичу въ Калугу, гдѣ собралось 24 тысячи войскъ, собранныхъ имъ въ Малороссіи. Онъ имѣлъ предписаніе идти съ своимъ корпусомъ къ Смоленску. Я совѣтовалъ ему немедленно выступить съ готовыми войсками и двигаться на Вязьму. Другіе курьеры съ тѣмъ же извѣстіемъ были отправлены къ начальнику резервной артиллеріи, которая была расположена по квартирамъ, по городамъ Московской и Тульской губерній, къ князю Лобанову, который устраивалъ 16 тысячной корпусъ пѣхоты во Владимірѣ и къ генералу, занимавшемуся формированіемъ двухъ полковъ въ Клину, которые должны были двинуться къ Москвѣ по Петербургской дорогѣ. Когда отправлены были курьеры, мнѣ нужно было приготовить извѣщеніе [8]) о взятіи Смо-

---

[7]) Письмо М. А. Волковой отъ 15 Августа 1812 г.

[8]) Графъ Ростопчинъ говоритъ, что 8-го Авг., въ 6 часовъ утра, ему привезено было нарочнымъ изъ арміи извѣстіе объ оставленіи Смоленска и въ тоже утро онъ написалъ это объявленіе. Слѣдовательно, оно должно было появиться въ печати въ тотъ же день или не позднѣе слѣдующаго, т. е. 9-го Авг. Въ такомъ случаѣ его обнародованіе совпало бы съ обнародованіемъ *дружескаго посланія* къ жителямъ Москвы, чтó весьма сомнительно. Самое содержаніе этого посланія показываетъ, что оно писано прежде полученія извѣстія о занятіи Смоленска непріятелемъ. Едва-ли послѣ этого извѣстія графъ Ростопчинъ написалъ бы: „не бойтесь ничего, нашла туча,—мы ее отдуемъ". Графъ Сегюръ положительно говоритъ, что посланіе было обнародовано „прежде, нежели пришло въ Москву извѣствіе о взятіи Смоленска" (Vie du c-te Rostopschine, стр. 191). Въ Запискахъ о 1812 г. графъ Ростопчинъ, въ порядкѣ разсказа о происшествіяхъ, упоминаетъ о посланіи прежде и потомъ уже объ извѣстіи объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Смоленска. Въ виду этихъ соображеній, слѣдуетъ заключить, что или посланіе было написано и обнародовано ранѣе 9-го Авг., или извѣстіе объ оставленіи Смоленска позднѣе этого числа.—Въ Запискахъ гр. Ростопчина, писанныхъ долго спустя послѣ 1812

ленска, который въ общемъ мнѣніи считался оплотомъ Москвы. Я выставилъ только геройство одного корпуса, который, какъ я выражался, защищалъ Смоленскъ въ продолженіи трехъ дней и который перешелъ Днѣпръ только съ цѣлію соединиться съ главною арміею и снова остановить непріятеля. Я воспользовался выраженіемъ Наполеоновскихъ бюллетеней, говоря, что потеря его была неизчислима. Когда къ завтраку я сошелъ внизъ къ моей женѣ, она спросила, что̀ случилось со мною и когда я сообщилъ ей о паденіи Смоленска и увидалъ судорожныя движенія ея лица и задрожавшія губы, — я хотѣлъ ее утѣшить, не догадываясь, почему это извѣстіе, которое для нея вовсе не было неожиданнымъ, произвело такое дѣйствіе. Едва произнося слова, она мнѣ сказала. „А Сергѣй? Стало быть, онъ убитъ!" Она спрашивала о сынѣ, и я не имѣлъ возможности разсѣять ея страхъ, потому что не зналъ, что̀ случилось съ нашимъ сыномъ. По счастію, курьеръ, котораго я призвалъ, видѣлъ его и объявилъ, что онъ обѣщалъ написать при первомъ случаѣ. Наша тревога прошла; но я до такой степени былъ заваленъ работою съ 6 до 10 часовъ, что мои мысли не обращались даже къ моему единственному сыну; я былъ занятъ только спасеніемъ Россіи и погибелью ея враговъ. Кромѣ этого, я ко всему былъ равнодушенъ. Когда я сѣлъ въ карету, чтобы ѣхать въ генералъ-губернаторскій домъ, то дорогою подготовлялъ свое лицо для опредѣленнаго выраженія, обдумывая и то, что̀ я долженъ говорить. Къ полудню залы наполнились, и въ первый разъ я замѣтилъ, что безпокойство, существовавшее прежде, замѣнилось страхомъ, который выражался на всѣхъ лицахъ. Что̀ я ни говорилъ о подкрѣпленіяхъ, которыя приближались къ арміи со всѣхъ сторонъ и въ слѣдствіе которыхъ она сдѣлается въ числительномъ отношеніи многочисленнѣе непріятельской, слова мои мало успокоивали и еще менѣе ободряли".

О сраженіи при Смоленскѣ графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „4-го числа императоръ Наполеонъ, собравъ всѣ свои войска въ числѣ 100 тысячь человѣкъ, пришелъ къ Смоленску, гдѣ былъ встрѣченъ за 6 верстъ отъ города корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго. Сраженіе началось въ 6 часовъ утра и къ полудню сдѣлалось кровопролитнѣйшимъ. Храбрость Русскихъ превозмогла многочисленность, и непріятель былъ опрокинутъ. Корпусъ ген. Дохтурова, пришедшій на смѣ-

---

г., смѣшаны часто самыя происшествія, а число дня легко могло быть забыто и обозначено невѣрно. Если графъ Ростопчинъ получилъ извѣстіе изъ арміи рано утромъ 8-го Августа, то оно писано было въ главной квартирѣ и отправлено не позднѣе 6-го Авг. (отъ Смоленска до Москвы 390 верстъ). Августа 6-го еще продолжалась битва подъ Смоленскомъ на правомъ берегу Днѣпра: въ 9 часовъ вечера въ этотъ день только началось отступленіе первой арміи къ Соловьевой переправѣ; вся ночь прошла въ передвиженіи войскъ; а на слѣдующій день произошло сраженіе при Лубинѣ, и 8 числа войска пришли къ Соловьевой переправѣ (военный журналъ полковника Толя). Только въ этотъ день, достигнувъ Соловьевой переправы и снова соединившись со второю арміею, могъ увѣдомить Барклай де Толли гр. Ростопчина объ оставленіи Смоленска. Это число отправленія извѣстія изъ главной квартиры гр. Ростопчинъ смѣшалъ вѣроятно съ числомъ полученія имъ этого извѣстія. Но получить его могъ онъ 10-го или 11-го Августа, смотря по тому, въ какое время дня 8-го Авг. оно было отправлено изъ главной квартиры. Это подтверждаетъ и самое извѣстіе, обнародованное гр. Ростопчинымъ, въ которомъ онъ говоритъ о расположеніи армій при деревнѣ Пневой, т. е. близъ Соловьевой переправы, что̀ и могло быть только 8 Августа. Поэтому извѣстіе графа Ростопчина могло быть обнародовано не ранѣе 11-го или 12 Августа.

ну утомленнаго, но побѣдившаго корпуса ген. Раевскаго, 5-го числа вступилъ въ битву, которая продолжалась до глубокой ночи. Непріятельскія войска вездѣ были отражаемы, и Русскіе воины съ храбростію и мужествомъ, имъ свойственною, на гибель враговъ и защиту Отечества шли съ яростію, призывая имя Господне въ помощь. Но въ сіе время городъ Смоленскъ объятъ былъ пламенемъ, и войска наши заняли позицію отъ Днѣпра къ деревнѣ Пневой и Догоробужу. Обѣ арміи стоятъ вмѣстѣ. Непріятель, разстроенный столь сильнымъ пораженіемъ, остановился и, потерявъ болѣе 20.000 чел., пріобрѣлъ въ добычу старинный городъ Смоленскъ, руками его въ пепелъ обращенный. Жители всѣ нѣсколько дней до сраженія вышли изъ города. Съ нашей стороны уронъ убитыми и ранеными простирался до 4000 человѣкъ: въ числѣ первыхъ два храбрые генерала, Скалонъ и Балла. Въ плѣнъ взято множество войска, цѣлые непріятельскіе баталіоны кидали ружья, чтобъ спасти жизнь. Три полка нашей кавалеріи и три козаковъ опрокинули 60 эскадроновъ непріятельской кавалеріи подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля“.

Очевидно, свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, полученныхъ гр. Ростопчинымъ, были весьма скудны. Блестящіе подвиги нашихъ войскъ при защитѣ Смоленска могли бы доставить болѣе любопытное содержаніе для объявленія, которое произвело бы вѣроятно иное впечатлѣніе, не ослабивъ конечно мысли о близкой опасности для Москвы. Но въ то время, когда все народонаселеніе Москвы было занято мыслью о томъ, чтобы искать спасенія въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, графа Ростопчина занимала иная мысль. „До самаго утра другаго дня я былъ постоянно взволнованъ мыслью, говоритъ онъ, что Наполеонъ остановится въ Смоленскѣ до будущей весны. Ненужно было много предвидѣнія, чтобы въ этой мѣрѣ не увидать величайшихъ несчастій для Россіи. Но Наполеонъ не останавливался и сдѣлалъ первый шагъ къ своей погибели“.

Безпокойство графа Ростопчина прошло на другой-же день, когда онъ получилъ извѣстіе о сраженіи, бывшемъ при Заболотьѣ или Валутиной горѣ. Эта мысль занимала многихъ военныхъ людей того времени. Полагали, что для Наполеона было бы выгоднѣе закончить первую кампанію взятіемъ Смоленска или даже остановиться въ Вильнѣ, занять всѣ присоединенныя отъ Польши губерніи, образовать новое Польское королевство, соединивъ ихъ съ герцогствомъ Варшавскимъ, приготовить поголовное возстаніе Поляковъ и будущею весною довершить пораженіе Россіи. Такъ разсуждали и совѣтовали Наполеону многіе изъ его маршаловъ. Конечно такая мысль могла занимать и гр. Ростопчина; но однакоже въ его письмахъ къ императору и другимъ лицамъ въ то время мы не видимъ и слѣдовъ ея. Быть можетъ, она была мимоходною и занимала его только одни сутки (какъ онъ и самъ говоритъ) отъ извѣстія о паденіи Смоленска до извѣстія о битвѣ при Заболотьѣ. Но почему же она представлялась ему въ такомъ грозномъ видѣ?

Если бы Наполеонова армія могла зимовать на удобныхъ квартирахъ, въ странѣ богатой и неопустошенной, если бы во все это время непріятель ея не тревожилъ, и она спокойно могла бы отдохнуть и пополниться новыми силами; если бы Двина и Днѣпръ и зимой, т. е. покрытыя льдомъ, могли бы представлять такую же крѣпкую оборонительную линію, какъ весною, лѣтомъ и осенью; еслибъ онъ дѣйствительно могъ возсоздать Польское королевство, поднять его противъ Россіи, и его невольныя союзницы, Австрія съ благосклоннымъ удовольствіемъ согласилась бы отказаться отъ Галиціи, а Пруссія отъ желанія возвратить назадъ потерянныя ею Польскія области, если бы не одинъ страхъ держалъ

въ его покорности не только Германію, но даже и самую Францію: тогда безъ сомнѣнія Наполеону слѣдовало бы раздѣлить кампанію на двѣ и перезимовать за Днѣпромъ [9]).

Но ни одного изъ этихъ условій не существовало, и потому всего вѣроятнѣе, что столь долгій перерывъ военныхъ дѣйствій съ его стороны обратился бы въ пользу Россіи. Почему же гр. Ростопчинъ могъ думать, что это угрожало величайшими бѣдствіями Россія? Мы не можемъ найти инаго объясненія, какъ въ его неувѣренности во внутреннемъ положеніи Россіи. Мнимые заговоры Мартинистовъ и Якобинцевъ, страхъ народныхъ волненій, если Наполеонъ превозгласитъ свободу крестьянъ, вотъ что затемняло свѣтлый умъ и мутило здравый смыслъ такого замѣчательнаго человѣка, какъ гр. Ростопчинъ. Посланіе къ Московскимъ жителямъ было главнымъ образомъ направлено къ этой цѣли. „Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за *добромъ* идетъ, а его дѣло кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу *свободу*“. Кому же могло бы придти въ голову, будто можетъ кто нибудь подумать, что непріятель, вторгнувшійся въ предѣлы Отечества, можетъ за *добромъ* идти, если бы существовавшее въ то время крѣпостное право на людей не омрачало образа мыслей даже избраннѣйшихъ людей. Къ ихъ числу принадлежалъ и гр. Ростопчинъ. *Особыя* порученія, возложенныя на С. Н. Глинку, въ томъ и состояли, чтобы возбуждать народъ противъ Наполеона, въ опасеніи, что народъ можетъ повѣрить его обѣщаніямъ, освободить его отъ крѣпостной зависимости. Въ письмѣ къ Балашеву, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, волнуемый такимъ опасеніемъ, графъ Ростопчинъ говорилъ: „Я вамъ сообщаю новое доказательство, что слово *вольность,* на коей Наполеонъ создалъ свои замыслы завоевать Россію, совсѣмъ въ пользу его не дѣйствуетъ. Русскихъ проповѣдниковъ свободы нѣтъ; ибо я въ счетъ не кладу ни помѣшанныхъ, ни пьяныхъ, коихъ слова остаются безъ дѣйствія. А сего числа одинъ Французъ, дезертёръ въ послѣднюю войну, по имени Мутонъ, живучи въ домѣ доктора Шлегеля, вздумалъ говорить слугѣ, что скоро они будутъ счастливы, и Наполеонъ имъ дастъ свободу. Вмѣсто благодарности человѣкъ Русскій ударилъ его по зубамъ, позвалъ товарищей, чтобъ тащить его на съѣзжій дворъ, и это дѣло порядкомъ разбирается“ [10]). Послѣ занятія Смоленска гр. Ростопчинъ еще надѣялся, что Наполеонъ не пойдетъ на Москву (по крайней мѣрѣ такъ скоро, какъ это случилось), но, удерживая наши войска у Днѣпра, будетъ пресѣкать ихъ сообщенія со внутреннею Россіею и стараться „потрясти духъ Русскій“, какъ писалъ онъ кн. Багратіону, прибавляя: „главная его пружина: вольность — не дѣйствуетъ, и о ней лишь изрѣдка толкуютъ пьяницы“ [11]).

Какимъ-то страннымъ теченіемъ безсознательной умственной дѣятельности увѣровавъ въ какую нибудь мысль, гр. Ростопчинъ, по свойству его природы, доводилъ ее до крайности, преслѣдовалъ постоянно и неуклонно, не смотря на то, что она находилась въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностію. Его умъ постигалъ это противорѣчіе; но онъ не сознавался въ своей ошибкѣ, увлекаемый безсознательною страстью. Онъ не могъ указать ни на какіе признаки, которые бы подтверждали его подозрѣнія противъ Мартинистовъ и Масоновъ; но, приписывая это ихъ

---

9) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVI.

10) Письмо гр. Ростопчина къ министру полиціи отъ 30 Іюля 1812 г.

11) Письмо гр. Ростопчина къ кн. Багратіону отъ 12-го Авг. 1812 г.

хитрому образу дѣйствій, усиливалъ наблюденіе за ними и, раздражаясь неуспѣшностію своихъ дѣйствій, прибѣгалъ къ мѣрамъ несправедливымъ и суровымъ. Онъ самъ, постоянно, какъ въ донесеніяхъ императору, такъ и въ перепискѣ съ другими лицами, свидѣтельствовалъ о спокойствіи народа, о его глубокой преданности Отечеству и государю и о готовности на всякія пожертвованія; а въ тоже время опасался измѣны съ его стороны, подозрѣвалъ, что онъ можетъ принять освобожденіе отъ крѣпостной зависимости изъ рукъ врага Отечества. „Говоря съ народомъ и къ народу, замѣчаетъ С. Н. Глинка, гр. Ѳедоръ Васильевичь отдалилъ отъ себя званіе главнокомандующаго. Въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ. Словомъ, онъ поставилъ себя на чреду старшины *мірской сходки*“ [12]). И, поставивъ себя на эту чреду, онъ въ тоже время питалъ самое оскорбительное для Русскаго народа подозрѣніе, и потомъ былъ увѣренъ, что его вліяніе и принятыя имъ мѣры отклонили это зло [13]).

---

[12]) Записки о Москвѣ, стр. 43.

[13]) Въ этомъ случаѣ гр. Ростопчинъ совершенно сошелся во взглядахъ съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ наиболѣе ненавидилъ и преслѣдовалъ, съ извѣстнымъ масономъ І. А. Поздѣевымъ. Этотъ *истинный* Христіанинъ (какъ называли себя наши Масоны) и филантропъ, въ письмѣ къ С. С. Ланскому изъ Вологды отъ 19-го Сентября 1812 года, говоритъ: „Одни дворяне и ихъ прикащики побуждаютъ къ повиновенію государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами Французскими и изъ Русскихъ, а нынѣ и паче Французами, знающими, что оная связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, а именно связь государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборомъ рекрутъ, милиціей и такъ называемымъ ополченіемъ нынѣ, и особливо въ Московской губерніи, которая теперь уже не наша. И слышу, пишутъ изъ подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовыхъ всѣхъ въ однѣхъ рубашкахъ вонъ теперь; а нынѣ уже зима: куда идти безъ хлѣба и одежды? Въ лѣса? замерзнуть и погибнуть съ голоду? Вотъ состояніе Россіи! А сердце государства, Москва взята, сожжена. Войска мало, предводители пятятся назадъ; научились на разводахъ только, а далѣе не смыслятъ; войска потеряли прежній духъ, а Французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ,—то и ожидай всеобщаго (возстанія). При этакомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго *бунта* противъ государя и дворянъ и *прикащиковъ*, кои власть государя подкрѣпляютъ.“ Эти строки не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія, если бы онѣ не были написаны однимъ изъ корифеевъ нашихъ Масоновъ, *вольныхъ каменщиковъ*, обладавшихъ яко бы таинственными преданіями едва не съ сотворенія міра, строителями Соломонова храма, знатоками его премудрости, благодѣтелями бѣдныхъ, сирыхъ и убогихъ, ревнителями народнаго просвѣщенія. „Гдѣ теперь безопасность? писалъ Поздѣевъ къ гр. Разумовскому нѣсколько дней спустя, 21-го Сентября: потому что и мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности, хотя и видятъ разореніе совершенное; но очаровательное слово вольность кружитъ ихъ, ибо мало смыслящихъ; а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды“. Чѣмъ же объяснить это тождество взглядовъ такихъ противуположныхъ одинъ другому людей? Всего естественнѣе конечно тѣмъ, что оба принадлежали къ числу усердныхъ защитниковъ крѣпостнаго права, весьма еще многочисленныхъ въ это время. Но къ ихъ числу принадлежалъ и А. С. Шишковъ; а между тѣмъ въ проектѣ манифеста объ ополченіи онъ написалъ: „Каж-

Къ этимъ измышленнымъ опасеніямъ могло бы въ это время присоединиться и дѣйствительное, т. е. недовѣріе къ предводителямъ Русскихъ войскъ, но гр. Ростопчинъ уже зналъ о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями. Его письмо къ императору, заявлявшее, что Москва желаетъ именно этого назначенія, встрѣтилось на дорогѣ съ рескриптомъ къ нему государя, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Я получилъ ваши письма отъ 13, 25 и 26 прошлаго мѣсяца. Объявляемый рекрутскій наборъ уравняетъ тягость казенныхъ крестьянъ съ помѣщичьими, и я надѣюсь поймутъ, что я не имѣлъ намѣренія обязанности казенныхъ сдѣлать болѣе легкими, потому что они будутъ такими же солдатами и на всю жизнь. Я призналъ полезнымъ назначить генерала Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями и надѣюсь, что отъ этого будетъ болѣе единства въ дѣйствіяхъ, нежели было до сихъ поръ, благодаря личностямъ, бывшимъ между генералами“ [14]). Получивъ этотъ рескриптъ, гр. Ростопчинъ отвѣчалъ немедленно, и въ отношеніи къ назначенію Кутузова говорилъ: „Какъ жаль, государь, что князь Кутузовъ еще не прибылъ въ армію. Не говоря уже о взаимныхъ ссорахъ, ни Барклай, ни кн. Багратіонъ не могутъ быть главнокомандующими и дѣйствовать большими силами. Они отправились искать непріятеля въ Рудню, тогда какъ, со всѣми своими силами, онъ намѣренъ былъ напасть на Смоленскъ. Если бы онъ подошелъ часомъ ранѣе, то Раевскій былъ бы предупрежденъ. Только Русскій солдатъ можетъ ходить по 40 верстъ безъ остановки и безъ отдыха вступать въ битву. Судя по письму ко мнѣ военнаго министра, онъ рѣшился дать сраженіе у Умолья. Отъ достоинства нашихъ войскъ можно ожидать побѣды“. Упоминаемое здѣсь письмо Барклая де Толли и извѣстіе о первомъ сраженіи при Полоцкѣ послужили графу Ростопчину поводомъ обнародовать слѣдующее объявленіе жителямъ Москвы, 13-го Августа:

„Я сей часъ получилъ чрезъ курьера отъ военнаго министра извѣстіе, что непріятель стоитъ на томъ же мѣстѣ. Нашъ авангардъ въ Умольѣ,

---

дый изъ военачальниковъ и воиновъ, при новомъ своемъ званіи, сохраняетъ *прежнее*, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды и, по прошествіи надобности т. е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ *возвратится*, съ честью и славою, въ *первобытное свое состояніе и къ прежнимъ обязанностямъ*“,—слѣдовательно крѣпостные люди на томъ же правѣ возвратятся къ своимъ помѣщикамъ. Могъ-ли бы написать эти строки государственный секретарь, если-бы онъ также опасался, что народъ можетъ быть вовлеченъ въ измѣну обѣщаніемъ освобожденія со стороны врага Отечества? Очевидно такая мысль и въ голову ему не приходила. Императоръ Александръ, постоянно желавшій уничтоженія крѣпостнаго права на людей, подписавъ манифестъ, не исключилъ этихъ строкъ и тѣмъ самымъ показалъ, что вѣритъ своему народу, его любви къ Отечеству и преданности ему самому. Еще въ первые дни по вторженіи Французовъ въ Россію, намѣреваясь возбудить народную войну, онъ писалъ Барклаю де Толли: „Я надѣюсь, что мы выкажемъ такую же энергію въ этомъ случаѣ, какъ Испанцы (j'espère que nous aurons autant d'énergie, que les Espagnols en déployent. Письмо изъ лагеря при Дриссѣ отъ 27 Іюня). Не отношенія къ вопросу о крѣпостномъ правѣ на людей сблизили мнѣнія такихъ противуположныхъ одинъ другому людей, какъ гр. Ростопчинъ и Поздѣевъ; но одинаковый взглядъ на народъ. „Россія не то, что́ Пруссія и Нѣмецкія земли, не то, что́ Польша еще; Россія все Татарщина“, писалъ Поздѣевъ (Русс. Архивъ 1872 г. № 10, стр. 1869 г. № 3, статья де Пуле; Записки Шишкова, т. II, стр. 109 и слѣд.).

[14]) Письмо императора изъ Петербурга отъ 8 Авг. 1812 г.

30 верстъ отъ Дорогобужа къ Смоленску. Главная квартира обѣихъ армій въ Дорогобужѣ. Непріятель отъ генеральнаго сраженія уклоняется (?). Къ намъ отъ него Нѣмцы бѣгутъ сотнями и объявляютъ, что соотчичи ихъ въ первомъ сраженіи перейдутъ къ намъ. Курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ, встрѣтилъ у Вязьмы лейбъ-драгунскаго полковника Альбрехта, посланнаго отъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна къ военному министру съ извѣстіемъ, что онъ въ 15 верстахъ отъ Полоцка напалъ на фельдмаршала Удино, дрался съ нимъ два дни, разбилъ совершенно его армію, взялъ въ плѣнъ 3 тысячи человѣкъ, убитыхъ до шести, пушекъ досталось отъ непріятеля 15. Въ первый день фельдмаршалъ Удино смертельно раненъ, а второю арміею командовалъ Сенъ-Сиръ. Наши войска въ Полоцкѣ".

Хотя Полоцкъ и не былъ занятъ нашими войсками; но эти дѣйствія гр. Витгенштейна положили предѣлъ наступательнымъ движеніямъ маршаловъ Удино и Сенъ-Сира.

Едва гр. Ростопчинъ обнародовалъ эти извѣстія, какъ получилъ письмо отъ Барклая, который извѣщалъ его, что отложилъ свое намѣреніе дать сраженіе. Взволнованной этою вѣстью, графъ на другой же день отправилъ вновь курьера къ государю съ письмомъ, въ которомъ говоритъ: „Новыя рѣшенія военнаго министра вынуждаютъ посылку этого курьера. Отъ 10-го онъ писалъ мнѣ, что, по соглашенію съ Багратіономъ, онъ рѣшился дать сраженіе непріятелю и что по выгодности положенія выбралъ Умолье. Вчера я получилъ письмо, которымъ Барклай, изъ Доргобужа, отъ 12-го, увѣдомляетъ, что, не желая подвергать судьбу государства исходу одного сраженія и что такъ какъ непріятель, владѣя многочисленною кавалеріею, намѣревается обойти его лѣвый флангъ, онъ рѣшился отступить къ Вязьмѣ, гдѣ укрѣпляетъ позицію, которую сегодняшнею ночью онъ двинется занять войсками. Совершенно не понимая этихъ необычайныхъ рѣшеній, я только нахожу одно утѣшеніе, что кн. Кутузовъ можетъ остановить это безславное отступленіе и дѣйствовать арміею, которая только и желаетъ драться" [15]). Изъ приведенныхъ словъ, кажется, несомнѣнно можно заключить о взглядѣ гр. Ростопчина на Барклая, какъ главнокомандующаго, взглядѣ совершенно несогласномъ съ тѣмъ, который онъ послѣ выразилъ въ своихъ Запискахъ. Конечно онъ могъ въ послѣдствіи перемѣнить взглядъ; но въ то время онъ его не имѣлъ. Точно также изъ приведенныхъ его словъ о Кутузовѣ видно, что, вмѣстѣ съ Москвою и всею Россіею, онъ возлагалъ на него надежды. Между тѣмъ въ своихъ Запискахъ вотъ какъ онъ разсказываетъ о его назначеніи главнокомандующимъ: „Послѣ взятія Смоленска, вражда между двумя главнокомандующими усилилась еще болѣе. Багратіонъ писалъ мнѣ письма, исполненныя жалобъ на Барклая и увѣрялъ меня, что онъ помѣшалъ ему въ разныхъ случаяхъ побить Наполеона и что, постепенно отступая передъ нимъ, онъ приведетъ его въ Москву, чего, по его мнѣнію, никогда бы не случилось, еслибъ онъ командовалъ. Барклай отовсюду, гдѣ только останавливался на 24 часа, увѣдомлялъ меня, что онъ рѣшился дать сраженіе, а на другой день я получалъ извѣстіе о новомъ его отступленіи къ Москвѣ. Я не знаю, чѣмъ бы окончилась эта вражда Багратіона къ Барклаю, еслибъ они не получили извѣстія изъ Петербурга о назначеніи генерала Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, т. е. арміями Барклая, Багратіона, Чичагова и Тормасова. Въ указѣ было сказано, что

---

[15]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 13-го и отъ 14-го Августа, 1812 г.

это сдѣлано для того, чтобы подчинить армію старѣйшему и болѣе опытному генералу и положить конецъ несогласіямъ между генералами. Эти слова были также и въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ императора [16]). Барклай, образецъ воинскаго повиновенія (subordination) молча перенесъ униженіе, скрылъ въ душѣ свою грусть и продолжалъ служить съ тѣмъ же усердіемъ. Багратіонъ, напротивъ, не зналъ мѣры въ выраженіяхъ и въ письмѣ ко мнѣ, которымъ увѣдомлялъ о назначеніи Кутузова, называлъ его негодяемъ, способнымъ измѣнить за деньги. Новый Фабій однакоже былъ уже въ дорогѣ, и Москва представила въ этомъ случаѣ доказательство своего непониманія дѣла. По полученіи извѣстія о его назначеніи всѣ опьянѣли отъ радости, поздравляли другъ друга; мущины, женщины, всѣ предавались радости. Можно было подумать, что лично одинъ Кутузовъ можетъ обратить въ бѣгство воинства Наполеона, дѣйствуя на нихъ какъ голова Медузы. Императоръ очень хорошо зналъ генерала Кутузова. Когда онъ возвратился изъ Або [17]) въ Петербургъ и нашелъ его тамъ, то онъ десять дней не принималъ его къ себѣ. Но онъ пожаловалъ его княземъ съ титуломъ свѣтлости, въ награду за заключеніе мира съ Турками. Московское общество въ это время, болѣе удивленное, нежели испуганное отступленіемъ нашихъ войскъ и начинавшее думать о возможности занятія Москвы непріятелемъ, утѣшало себя тѣмъ, что придало бѣдному и храброму Барклаю титулъ измѣнника. Крики достигли до Петербурга, и государь, болѣе съ цѣлію подчинить всѣхъ одному начальнику, назначилъ Кутузова; но Москва приписала это уваженію его къ общественному мнѣнію. Этотъ генералъ Кутузовъ, котораго тѣло погребено въ соборѣ въ Петербургѣ, которому будетъ воздвигнутъ памятникъ и котораго рѣшались называть спасителемъ Россіи, былъ 68 лѣтъ въ 1812 году. Во время войны съ Турками, когда онъ былъ еще маіоромъ, пуля прошла чрезъ его черепъ за глазами. Эта рана считалась безпримѣрною потому, что онъ не только остался живъ, но и сохранилъ зрѣніе, и возбудила къ нему сочувственное вниманіе всѣхъ. Это былъ человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, мало учившійся, но много видѣвшій и испытавшій, отличный разскащикъ, покорный слуга женщинъ, смѣлый лгунъ, низкій и пресмыкающійся, все переносившій, всѣмъ жерт-

---

[16]) Эти слова приведены выше изъ письма императора отъ 8 Авг.; но этихъ словъ нѣтъ и, конечно, быть не могло, ни въ рескриптѣ Кутузову, ни въ извѣстіи, напечатанномъ въ газетахъ (Сѣверн. Почта № 64) Рескриптъ кн. Кутузову былъ слѣдующій: „Михайло Ларіоновичь! Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами; но послѣдствія оныхъ не открываютъ мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я прошу всемогущаго Бога да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія и да оправдаются тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ. 8-го Авг. 1812 г". Отъ того-же числа данъ былъ указъ Сенату о новомъ назначеніи князя Кутузова.

[17]) Вмѣсто: изъ Або, надо бы сказать: изъ Москвы. Въ Або императоръ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го Авг., т. е. на другой день послѣ назначенія кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями.

вовавшій, чтобы быть въ милости. Онъ никогда не жаловался, но постоянствомъ и происками всегда получалъ назначенія въ то время, когда уже его считали забытымъ навсегда. Онъ пріѣхалъ въ главную квартиру при селѣ Царевѣ-Займищѣ, велѣлъ выстроить войска и, проходя передъ рядами, нѣсколько разъ сказалъ: „съ такими храбрыми воинами стыдно отступать передъ непріятелемъ“ и, возвратившись въ свою квартиру, отдалъ приказъ отступить къ Вязьмѣ. Самые ревностные его защитники поняли тогда, что весь Суворовъ уже въ могилѣ. По Москвѣ распространился слухъ, что въ то время, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, два орла парили надъ его головою; но когда узнали, что онъ приближается къ Москвѣ, также какъ и его предшественникъ, забыли о пророческихъ орлахъ, и побѣда осталась на воздухѣ“.

Эти строки писаны гораздо послѣ событій, подъ иными впечатлѣніями и при иныхъ условіяхъ. Ихъ значеніе опредѣлится въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, и потому, оставляя ихъ безъ объясненій, считаемъ нужнымъ остановиться только на отзывѣ о князѣ Кутузовѣ, который графъ Ростопчинъ приписываетъ кн. Багратіону. Тѣхъ писемъ кн. Багратіона, о которыхъ говоритъ графъ Ростопчинъ, не сохранилось; но его свидѣтельство о мнѣніи кн. Багратіона относительно Кутузова не подтверждается никакими другими свидѣтельствами современниковъ, и потому нельзя не усомниться, чтобы любимецъ и ученикъ Суворова, князь Багратіонъ могъ отзываться такъ о томъ, кого такъ уважалъ и цѣнилъ Суворовъ. Полное отсутствіе безпристрастія въ Запискахъ графа Ростопчина о 1812 г. даетъ поводъ сомнѣнію и въ этомъ случаѣ.

Послѣ взятія Смоленска, Москва почувствовала опасность, и началось выселеніе ея жителей. Всѣ спѣшили или выбраться сами, или удалить свои семейства, стариковъ, женъ и дѣтей изъ города, которому грозило непріятельское нашествіе, увезти или скрыть въ безопасныя мѣста свои имущества. Какъ-же отнесся къ этому движенію гр. Ростопчинъ? Этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія, потому что въ послѣдствіи на него сыпались упреки, что, отъ его распоряженій или нераспорядительности, въ Москвѣ осталось много имущества частныхъ людей, сдѣлавшагося добычею пламени или грабежа, много государственныхъ бумагъ, продовольственныхъ припасовъ, оружія, пороху, трофеи и Московская святыня. Что̀ касается до вывоза изъ Москвы нѣкоторыхъ государственныхъ сокровищъ и историческихъ памятниковъ, то гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по приказанію государя, непосредственно выраженному во время его пребыванія въ Москвѣ. Еще въ концѣ Іюля онъ увѣдомлялъ государя, что для этой цѣли, подъ различными предлогами, велѣно заготовить нѣсколько барокъ въ Коломнѣ. Но онъ не приступалъ къ исполненію этой мѣры до полученія извѣстія о сдачѣ Смоленска. Получивъ же это извѣстіе, гр. Ростопчинъ доносилъ: „Ко мнѣ пришли 1500 чел. изъ Вязьмы; чтобы употребить ихъ съ пользою для службы, я вооружилъ ихъ и размѣстилъ въ здѣшніе гарнизонные полки. Я принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось на тотъ случай, еслибы непріятель, по несчастію, разбилъ наши войска и занялъ бы Москву. Я послалъ Обрѣзкова узнать навѣрное, когда Леппихъ окончитъ свою машину. Если ему еще нужно время, то я считаю болѣе удобнымъ отправить его съ рабочими и снарядами чрезъ Коломну въ Нижній—водою. Валуевъ, подъ различными предлогами, будетъ укладывать всѣ драгоцѣнности; но я ничего не начну вывозить отсюда, пока непріятель не будетъ въ Вязьмѣ или на подобномъ разстояніи отсюда“ [18]). Черезъ два дня, во вновь отправлен-

[18]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 23 Іюля и 10-го Августа 1812 г.

номъ письмѣ государю, повторяя, что Леппихъ отправленъ въ Нижній, графъ писалъ: „Я подъ рукою приготовляю все, что̀ нужно отсюда вывезть; военная коммисія одна требуетъ до десяти тысячь подводъ. За исключеніемъ уѣздовъ Верейскаго, Воскресенскаго, Можайскаго и Волоколамскаго, соберу лошадей со всѣхъ другихъ и за должную плату примусь отправлять все.“ Но когда пришло извѣстіе отъ Барклая, что онъ снова отступилъ, не рѣшившись дать сраженія при Умольѣ, встревоженный графъ, на другой же день послѣ своего письма къ государю, увѣдомлялъ его: „Неопредѣленность этихъ дѣйствій вынуждаетъ меня рѣшиться отправить отсюда все, что̀ должно быть вывезено или во Владиміръ и оттуда въ Нижній, или въ Коломну, чтобы тамъ нагрузить на барки. Будутъ взяты всѣ лошади и телѣги девяти уѣздовъ, исключая только тѣхъ, которые прилегаютъ къ границамъ Смоленской губерніи. Эти должны быть употреблены подъ военныя надобности.“ Изъ этихъ словъ видно, что распоряженія о вывозѣ изъ Москвы государственныхъ драгоцѣнностей и дѣлъ начались только въ половинѣ Августа мѣсяца.

Получивъ извѣстія, что наши войска отступили уже до Вязьмы, гр. Ростопчинъ выдалъ слѣдующее объявленіе, 18-го Августа, которое извѣстило также жителей Москвы о прибытіи кн. Кутузова въ главную квартиру: „По полученнымъ мною извѣстіямъ, авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ генерала Милорадовича весь въ походѣ. Авангардъ его, изъ 8000 чел. составленный, пошелъ сегодня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою генералъ - маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово, и 13000 чел. съ кавалеріею, подъ командою генералъ-маіора Тыртова, идутъ въ Клинъ. Свѣтлѣйшій кн. Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму. Гр. Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ. Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться; а оружія тысячь на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ. Всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены. За это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряду; но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ.“

Поводомъ продажи изъ арсенала оружія, большею частію стараго и негоднаго, послужило, какъ объявилъ въ вѣдомостяхъ графъ Ростопчинъ, „преступное лихоимство Московскихъ купцовъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противъ врага.“ Безъ сомнѣнія оружіе нужнѣе было для ополченцовъ, нежели для жителей Москвы, заботившихся о томъ, чтобы уѣхать самимъ и спасти свое имущество [19]). Многіе такъ и поступали; но было довольное число и такихъ, которые, не приступая къ рѣшительнымъ мѣрамъ, присматривались къ распоряженіямъ правительства. А между тѣмъ графъ Ростопчинъ входилъ въ сношенія съ различными вѣдомствами, поручалъ приготовлять къ отправленію все, что̀ требовалось спасти и поручалъ исчислять необходимое число подводъ. Это продолжалось и во вторую половину Августа. Такъ 18 Августа Вотчинному Департаменту Сената онъ писалъ: „Вотчинный Департаментъ долженъ уложить всѣ свои дѣла и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ

---

[19]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 75.

чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора." На другой день Вотчинный Департаментъ постановилъ: „по справкѣ оказалось, что кромѣ текущихъ дѣлъ, которыя можно оставить на произволъ судьбы, въ Вотчинномъ Департаментѣ находится еще много самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ, частію, въ связкахъ и сверткахъ, всего числомъ 42.160: то, по вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь по 18 пудовъ, необходимо до тысячи лошадей". Вотчинный Департаментъ представилъ свое опредѣленіе оберъ-прокурору графу Дмитріеву-Мамонову, который съ своимъ отношеніемъ поручилъ члену департамента Бестужеву-Рюмину лично доставить его графу Ростопчину.

„Отъ кого?" спросилъ онъ Бестужева, подававшаго ему пакетъ на его дачѣ въ Сокольникахъ.—„Отъ гр. Дмитріева Мамонова", отвѣчалъ тотъ. Главнокомандующій не распечатавъ бросилъ пакетъ на столъ и потомъ поручилъ ему сказать, что самъ будетъ въ Сенатѣ [20]). Такъ разсказываетъ Бестужевъ-Рюминъ, объясняя образъ дѣйствій графа Ростопчина нерасположеніемъ его къ графу Дмитріеву-Мамонову и обвиняя его въ томъ, что архивъ Вотчиннаго Департамента не былъ вывезенъ. Но если графъ Ростопчинъ вообще не былъ въ особыхъ ладахъ съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ; то въ это время, когда онъ на свой счетъ составлялъ цѣлый конный полкъ, сочувствуя его порыву любви къ Отечеству, онъ отнесся бы къ нему снисходительнѣе. Вина оставленія на жертву непріятелю вотчиннаго архива можетъ падать и на его членовъ и оберъ-прокурора, потому что въ заявленіи графа Ростопчина прямо было сказано, чтобы съ требованіемъ о подводахъ отнеслись непосредственно къ гражданскому губернатору, которому и было поручено удовлетворять подобныя требованія. Но еще болѣе вина эта падала бы на Министерство Юстиціи, не выказавшее въ этомъ случаѣ особенной дѣятельности [21]), еслибы не было другой, болѣе сильной причины, а именно недостатка подводъ и краткости времени. „Иностранцамъ можетъ показаться невѣроятнымъ, говоритъ графъ Ростопчинъ, что девять уѣздовъ Московской губер-

---

[20]) Тамъ-же, стр. 80.

[21]) И. И. Дмитріева, Взглядъ на мою жизнь: „Непріятель уже подходилъ къ Смоленску. При всемъ напряженіи патріотизма, можно было ожидать худыхъ послѣдствій. На всякой случай я заготовилъ проэктъ секретнаго ордера всѣмъ Московскимъ оберъ-прокурорамъ, чтобы собраны были, безъ малѣйшей огласки, нужнѣйшія и важнѣйшія бумаги какъ по Сенату, такъ и по Вотчинному Департаменту и Государственному Архиву, дабы, въ случаѣ опасности Москвы, они могли быть тотчасъ отправлены, куда будетъ назначено. По *новости предпріятія* и уваженія моего къ комитету (министровъ), я внесъ мой проэктъ на его утвержденіе; но предсѣдатель онаго, безъ *сомнѣнія по внушенію* г. Молчанова (статсъ-секретаря, управлявшаго дѣлами комитета), не хотѣлъ согласиться даже и на то, чтобы проэктъ мой хотя прочтенъ былъ въ засѣданіи комитета, сказавъ мнѣ, что я хозяинъ въ моемъ министерствѣ, слѣдовательно могу предписывать подчиненнымъ мѣстамъ безъ вѣдома комитета. И что же? Около того-же времени принимается отъ министра просвѣщенія записка о разрѣшеніи на перекрышку на Аптекарскомъ островѣ согнившей кровли на прачешномъ дворѣ. Жалкое противорѣчіе!" (стр. 205). Такіе канцелярскіе разсчеты заставили министра юстиціи отложить свои распоряженія, хотя графъ Салтыковъ, облеченный въ это время обширною властью, уполномочивалъ его на это.

ніи, которые не были заняты непріятелемъ, съ 15 Августа по 30-е, поставили 52 тысячи лошадей и столько же телѣгъ, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, половина не возвратилась къ ихъ владѣльцамъ. Я рѣшилъ, что при отступленіи нашихъ войскъ, ихъ прибытіе въ Гжатскъ послужитъ указаніемъ къ вывозу изъ Москвы всего, что предположено было вывезть. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ все прибыло въ назначенныя мѣста и какъ въ поставкѣ и перемѣнѣ лошадей не произошло затрудненій. Кромѣ судовъ, Сената, Военной Коммисіи, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, учрежденій императрицы Маріи, сокровищъ казны, Оружейной Палаты и патріаршихъ соборовъ, монастырей Троицкаго и Воскресенскаго и сверхъ того 96 пушекъ, все это выѣхало въ продолженіи 10 дней въ Нижній Новгородъ, въ Казань и въ Вологду. Надо было закрыть глаза на нѣкоторыя злоупотребленія. Чиновники требовали тройнаго количества лошадей и подводъ. Я встрѣчалъ многіе обозы, выѣзжавшіе изъ Москвы и видѣлъ телѣги, нагруженныя дрянною мебелью, которая Богъ знаетъ кому принадлежала и которую хотѣли спасти. Открыто было, что многіе изъ этихъ мелкихъ чиновниковъ отдавали въ наймы подводы, предназначенныя для ихъ собственнаго употребленія. Я спорилъ каждое утро, и мнѣ удалось сократить на половину число требуемыхъ подводъ. Необходимо было, чтобы все совершалось правильно, потому что, какъ только дѣлалось распредѣленіе подводъ и назначался срокъ выѣзда, я давалъ знать гражданскимъ губернаторамъ во Владимірѣ и Нижній, чтобы собрали и поставили на границахъ своихъ губерній достаточное число лошадей для каждаго обоза, чтобы они могли слѣдовать далѣе. Независимо отъ лошадей, я сдѣлалъ распоряженіе въ Коломнѣ заготовить столько большихъ барокъ, сколько было возможно ихъ собрать, чтобы нагрузить на нихъ государственныя сокровища, имущество Опекунскаго Совѣта, зависившаго отъ Воспитательнаго Дома, и отправить ихъ Окою въ Нижній Новгородъ. Я уберегъ 10 изъ этихъ большихъ барокъ для перевозки раненыхъ, которые помѣщались въ трехъ главныхъ госпиталяхъ въ Москвѣ. Все пріѣхало въ порядкѣ, ничто не было затеряно. Только Военная Коммисія и большая аптека ничего не спасли по глупости генералъ-лейтенанта Татищева, въ завѣдываніи котораго они находились: онъ потерялъ время, поручивъ все дѣло своимъ чиновникамъ, которые допустили, что непріятелю досталось нѣсколько барокъ, нагруженныхъ полотномъ, и потомъ въ донесеніи военному министерству оцѣнилъ потерю въ два милліона рублей, включивъ и такіе предметы, которыхъ и не было, какъ доставшіеся непріятелю, потому что въ рѣкѣ сбыла вода".

Хотя, кромѣ имущества Военной Коммисіи, осталось за недостаткомъ подводъ и краткостью времени еще 2 тыс. [22]) человѣкъ раненыхъ; но все та-

---

[22]) Графъ Ростопчинъ, Правда о пожарѣ Москвы, изд. Смирдина, стр. 284. Михайловскій-Данилевскій полагаетъ, что оставлено въ Москвѣ до 10 тысячь раненыхъ. Собр. Сочин. т. IV, стр. 504.—Отчетъ о дѣйствіяхъ интендант. управленія въ войнѣ противъ Французовъ въ 1812, 1813 и 1814 гг. Канкрина, изд. въ общемъ „Отчетѣ за войну 1812 — 1815 г." вѣроятно Барклаемъ де Толли, безъ обозначенія года (190 стр.). Подъ отчетомъ Канкрина подписано: Варшава, Марта 3-го дня 1815 г.; подъ рапортами Барклая государю, при которыхъ онъ представлялъ этотъ отчетъ: 24 и 25 Марта 1815 г. Вѣроятно эта книга и напечатана въ этомъ году и, можетъ быть, въ Варшавѣ. Канкринъ говоритъ: „Въ Москву, гдѣ больные должны были поступать во внутреннее вѣдомство, были посланы предувѣдомленія о прибытіи ихъ и прошено было собрать повозки, на коихъ они туда и пріѣхали. По пріѣздѣ моемъ въ Москву (передъ самымъ ея оставленіемъ),

ки нельзя действительно не удивляться, какъ много было вывезено изъ Москвы и еще болѣе, какъ возможно было, не производя никакихъ волненій, обобрать почти всѣ перевозочныя средства населенія девяти уѣздовъ, жителямъ которыхъ самимъ уже приходилось покидать свои жилища. Это показываетъ, каково было настроеніе народа, рѣшившагося на самопожертвованія и потерю всего своего достоянія для спасенія Отечества. Подобное распоряженіе совершенно удалось и не только въ одной Москвѣ, но и повсюду въ Россіи, что̀ доказываетъ, что всѣ обозы вѣрно и безъ препятствій достигли мѣстъ своего назначенія. Вслѣдствіе ли нераспорядительности или оплошности, нѣкоторые предметы не были вывезены; но едвали и возможно было вывезть все въ такой короткой срокъ. Если бы и не съ того даже времени, какъ государь указалъ на необходимость этой мѣры графу Ростопчину, но хотя бы и съ первыхъ числъ Августа, послѣ взятія Смоленска и не дожидаясь приближенія нашихъ войскъ къ Гжатску, гр. Ростопчинъ началъ приводить въ исполненіе эту мѣру: то онъ избѣжалъ бы важнаго неудобства, а можетъ быть не подвергся тѣмъ упрекамъ, какими осыпали его въ послѣдствіи Московскіе жители. Во вторую половину Августа, когда всѣ лошади и телѣги были забраны для казенной надобности, въ какомъ положеніи въ отношеніи къ перевозочнымъ средствамъ должны были находиться частные люди?—„Послѣ взятія Смоленска, говоритъ графъ Ростопчинъ, многіе хотѣли уѣхать изъ Москвы; другіе удовлетворялись только тѣмъ, что держали на готовѣ лошадей и экипажи. Благодаря напередъ принятымъ мѣрамъ и точному исполненію моихъ предписаній, мнѣ не пришлось взять ни одной лошади у частныхъ лицъ и сказать кому бы то ни было, что надо уѣзжать изъ Москвы; но я только старался распространить страхъ, опасность долго оставаться въ городѣ, намекая, что обстоятельства могутъ заставить меня взять всѣхъ лошадей, какія только имѣются въ Москвѣ для военныхъ надобностей“.

Москва въ то время, какъ прежде и долго послѣ, была средоточіемъ дворянскихъ семействъ, куда съѣзжались они на зиму съ разныхъ концовъ Россіи. Болѣе достаточные изъ нихъ имѣли свои домы; другіе жили въ наемныхъ квартирахъ. Каждую осень тянулись изъ селъ и деревень обозы въ Москву, съ помѣщичьею утварью и разными запасами, и каждую весну точно такіе же обозы развозили все это снова по деревнямъ и селамъ. Эти семейства конечно могли запастись перевозочными средствами; но въ какомъ положеніи должно было оказаться все торговое населеніе и бѣдные постоянные жители Москвы (со стороны которыхъ и слышались въ послѣдствіи жалобы на графа Ростопчина) съ 15 Августа, когда всѣ подводы были обязательно забраны для казенной надобности?—

видно было, что раненые, особенно пѣшіе, впускаемы были прямо въ столицу, безъ билетовъ на госпитали и безъ всякого препровожденія, такъ что они, разсыпаясь по улицамъ, тревожили жителей зрѣлищемъ несчастнаго положенія, въ какомъ находятся раненые при ретирадѣ. Тутъ нужны были для соблюденія возможнаго порядка приличныя мѣры; но тогдашнее время, способы, вообщій упадокъ духа и обстоятельства всѣмъ распоряженіямъ были противны. Противъ ожиданія рѣшилось 2-го Сентября вечеромъ оставленіе столицы. Черезъ ночь, сколько можно было посадить раненыхъ на повозки—посажено; а поутру уже всѣ коммиссіонеры и прислуга Московскихъ госпиталей разсыпались, и *много кажется* оставалось больныхъ, которыхъ поднять уже не было возможности.“ стр. 110—111. Едва-ли и можно было навѣрное опредѣлить число раненыхъ, оставленныхъ въ Москвѣ.

„Чѣмъ болѣе приближалось время къ окончательной развязкѣ, т. е. къ сраженію, которое все еще возвѣщалъ Кутузовъ, говоритъ графъ Ростопчинъ, эмиграція дворянъ изъ Москвы усиливалась. Я велѣлъ представить мнѣ вѣдомость, сколько ежедневно экипажей выѣзжаетъ изъ заставъ Ярославской, Петербургской, Владимірской и Рязанской, и оказалось, что число бричекъ, каретъ и колясокъ простиралось до 1320 каждый день, не считая при этомъ простыхъ троичныхъ кибитокъ. Держались долѣе всѣхъ купцы и неохотно оставляли городъ, гдѣ у нихъ были дома, движимое имущество и торговля. Торговавшіе предметами нетяжелыми по вѣсу платили до 8 руб. съ пуда для перевозки ихъ въ Ярославль или Муромъ, за разстояніе въ 240 верстъ; но торговцы желѣзомъ, мѣдью должны были оставить весь свой товаръ въ Москвѣ, потому что перевозка стоила бы дороже самыхъ товаровъ. Многіе изъ знакомыхъ мнѣ богатыхъ купцовъ приходили ко мнѣ на дачу справляться, тамъ ли еще находятся моя жена и дѣти, и ихъ присутствіе убѣждало, что опасность еще не такъ близка. Въ послѣдніе четыре дня до оставленія Москвы, платили до 800 р. вмѣсто 30 или 40, за дорогу въ 240 верстъ изъ Москву во внутрь страны. Цѣна ужасная; но надо было платить, чтобы избавиться отъ посрамленія и спасти жизнь цѣною имущества.“ Но платить такія цѣны могли немногіе. „Въ Москвѣ въ это время такъ вздорожалъ наемъ извощичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади 300 руб. и болѣе, потому что богатые господа и купцы всѣхъ лошадей забрали, слѣдовательно обремененный семействомъ человѣкъ по недостатку своему поневолѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою“ [23]). Это говоритъ свидѣтель событій. При такомъ положеніи дѣлъ весьма благоразумно поступало Московское начальство, что смотрѣло сквозь пальцы на мелкія злоупотребленія чиновниковъ, требовавшихъ болѣе сколько нужно было подводъ подъ казенные грузы. Эти злоупотребленія были вызваны силою самихъ обстоятельствъ, въ слѣдствіе распоряженій Московскаго начальства. Спасая казенныя имущества, естественно каждый желалъ спасти и свое собственное, а особенно свои семейства и близкихъ людей.

Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, подъ начальствомъ которой были женскія учебныя заведенія и всѣ другія находившіяся подъ вѣдомствомъ Опекунскаго Совѣта, еще въ началѣ Августа предписывала принять мѣры „на случай возможнаго несчастія“, для вывоза этихъ заведеній изъ Москвы. Послѣ извѣстія объ оставленіи Смоленска, Опекунскій Совѣтъ рѣшился приступить къ исполненію предписаній императрицы и перевезти въ Казань всѣхъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, оставивъ въ Москвѣ только отдѣленіе малолѣтныхъ Воспитательнаго Дома, въ виду большихъ затрудненій при его передвиженіи въ отдаленную мѣстность. Получивъ донесеніе предсѣдателя Совѣта, почетнаго опекуна А. М. Лунина, императрица писала къ почетному опекуну Н. И. Баранову: „Я съ душевнымъ прискорбіемъ вижу, что наступило время принять тѣ мѣры осторожности, которыя я предписала на случай несчастія; но съ тѣмъ вмѣстѣ съ утѣшеніемъ вижу, что рѣшились на перевозъ дѣтей изъ обоихъ дѣвичьихъ училищъ, которыя не взяты родителями и родственниками, и что вы, согласно съ желаніемъ моимъ, слѣдуете съ ними вмѣстѣ въ путь. Благодаря васъ чувствительно за усердіе ваше и о сихъ заведеніяхъ попеченіе, я препоручаю дѣвицъ особливому старанію вашему,

---

[23]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 80.

наипаче въ путешествіи водою, дабы приняты были всѣ возможныя мѣры предосторожности предохранить ихъ отъ простуды при наступающей довольно суровой погодѣ“. Заботясь о дѣвицахъ, императрица писала, что она „увѣрена, что Воспитательный Домъ оставленъ въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ и поручала Баранову увѣдомлять ее, какъ во время путешествія, такъ и по пріѣздѣ въ Казань. Выражая всю силу своей заботы о дѣвицахъ, она собственноручно приписала къ этому письму: „будьте отцомъ у сихъ дѣтей и вашимъ попеченіемъ уменьшите мои заботы и душевную печаль, въ чемъ я совершенно надѣюсь на ваше усердіе“. Въ послѣдствіи, узнавъ о подробностяхъ распоряженій по этому случаю, она писала ему: „Признаюсь вамъ откровенно, что не только не могу одобрить всего, при семъ случаѣ учиненнаго, но нѣкоторое усмотрѣла съ чувствительнымъ прискорбіемъ. Чтó возможно еще поправить,то я перемѣнить стараюсь, какъ-то увольненіе всѣхъ учителей, съ оставленіемъ и дѣвицъ даже безъ священника, и предложеніе взрослымъ воспитанникамъ Воспитательнаго Дома вступить въ военную службу. О первомъ я уже писала къ Ю. А. Нелединскому, который инспектора, священника и нѣкоторыхъ по выбору его учителей отправитъ въ слѣдъ за институтами, а о послѣднемъ къ главному надзирателю Тутолмину“. Конечно, оставляя Москву на неопредѣленное время, слѣдовало подумать о томъ, чтобы дѣвицы могли продолжать свои учебныя занятія въ новомъ мѣстѣ ихъ пребыванія. Что-же касается до отдачи въ военную службу взрослыхъ питомцевъ Воспитательнаго Дома, то императрица отмѣнила это распоряженіе по слѣдующимъ причинамъ: „Вамъ извѣстно (писала она), что отдача въ военную службу по нашимъ узаконеніямъ есть строжайшее для питомца наказаніе и, хотя нынѣшнія обстоятельства конечно поставляютъ вступленіе въ военную службу въ иномъ видѣ, однако не должно было Совѣту приступать безъ моего вѣдома и утвержденія къ положенію, предоставляющему воспитанникамъ свободу выбрать себѣ состояніе прежде достиженія *совершеннолѣтія* и имѣющему при томъ послѣдствіемъ разрушеніе всѣхъ плодовъ ихъ образованія“. Отмѣнивъ тѣ мѣры, которыя было еще возможно, императрица писала далѣе: „Чего я къ крайнему прискорбію моему отмѣнить уже не могу и о чемъ не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ, это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей Россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда? изъ столицы Россійской! Пусть такъ, что необходимость принудила прибѣгнуть къ сему экипажу для воспитанницъ Александровскаго училища, дочерей нижнихъ офицерскихъ чиновъ и подобнаго сему званія или еще ниже онаго людей; а для дѣвицъ изъ лучшаго дворянства неужели бы не нашлось въ обширной, изобильной Москвѣ способа достать хотя наймомъ потребнаго числа каретъ, въ дополненіе данныхъ отъ усердныхъ къ симъ заведеніямъ особъ, которыхъ имена я съ признательностію видѣла въ доставленномъ вами спискѣ? И могъ ли Совѣтъ пожалѣть на то издержекъ, не весьма значущихъ? Я признаюсь, что я не понимаю, какъ могли рѣшиться возить сихъ дѣвицъ на телѣгахъ, и я истинно со стыдомъ представляю себѣ, какое дѣйствіе произвело сіе позорище“ [24]). Это обстоятельство сильно озабочивало и огорчала императрицу. Въ рескриптѣ къ Нелединскому-Мелецкому, какъ почетному опекуну, она писала тоже, чтó и Баранову, поручая ему отправить въ Казань священника, инспектора и нѣкоторыхъ изъ учителей институтовъ. Но какъ къ человѣку, который пользовался особеннымъ ея расположеніемъ, она при-

---

[24]) Письма императрицы къ Н. И. Баранову отъ 19-го и 26 Августа 1812 г. Русс. Архивъ 1870 г. № 8—9, стр. 1499—1503.

ложила собственноручное письмо, въ которомъ еще съ большею силою выразила свои чувства. „Знаете-ли, мой добрый старикъ Нелединскій, что я въ первый разъ въ жизни на васъ сержусь и хочу побранить васъ за то, что доставили чувствительное огорченіе. При мысли объ отправленіи институтовъ ноетъ мое сердце; я полагаю, что необходимость вынудила васъ поспѣшно приступить къ этой мѣрѣ, не посовѣтовавшись даже со мною о способахъ ея исполненія. Но какъ могло случиться съ вашими нѣжными чувствами, мой добрый Нелединскій, какъ могли вы подписать такое жестокое рѣшеніе, чтобы отправить на телѣгахъ дѣвицъ Екатерининскаго института, дочерей дворянъ? Эта мѣра была бы ужасна и въ отношеніи къ Александровскому институту; но можно придти въ отчаяніе, узнавъ, что она примѣнена къ дѣвицамъ Екатерининскаго, и я увѣряю васъ, мой добрый Нелединскій, что я плакала горючими слезами. Боже мой! Какое зрѣлище для столицы имперіи: цвѣтъ дворянства вывозится на телѣгахъ! Я понимаю, что въ такое тревожное время каждый нуждается въ своемъ экипажѣ, и поэтому намъ дали ихъ мало; но слѣдовало нанять, чтó въ Москвѣ не было бы затруднительно. Г-жа Переттъ (начальница института) очень виновна, что не воспротивилась рѣшительно этой мѣрѣ, равно какъ и увольненію всѣхъ учителей".

Нелединскій получилъ это письмо уже въ послѣднихъ числахъ Августа, когда и ему самому скоро пришлось оставить Москву; но его отвѣтъ любопытенъ потому, что онъ описываетъ состояніе Москвы послѣ того, какъ получено было извѣстіе объ оставленіи Смоленска. Онъ писалъ: „Уже часъ ночи, и въ это время я получилъ приказаніе вашего императорскаго величества. Завтра утромъ я соберу всѣ свѣдѣнія и приму всѣ мѣры для ихъ исполненія съ возможною поспѣшностію; но теперь, пользуясь спокойными часами ночи, отвѣчаю на ваше милостивое письмо, въ которомъ благодѣющая душа, украшающая то высокое положеніе, въ которое поставило васъ Провидѣніе, выразилась во всемъ ея блескѣ, но изъ котораго я вижу, что вы не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи Москвы послѣ потери Смоленска. Обстоятельства, сопровождавшія эту потерю, произвели сильное вліяніе на всѣхъ. Мысль объ измѣнѣ была всеобщею, и прежде нежели узнали о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ, всѣ не находившіеся на службѣ и имѣвшіе экипажи рѣшились оставить Москву и въ продолженіи многихъ дней по дорогѣ къ Троицѣ тянулись непрерывными рядами экипажи, какъ это бываетъ на гуляньяхъ. Графъ Ростопчинъ говорилъ мнѣ, что въ продолженіи трехъ дней выѣхало изъ Москвы до 4-хъ тысячь каретъ и колясокъ. Общее недовѣріе усилилось еще болѣе, когда узнали, что наши войска, не потерпѣвшія потерь, кромѣ двухъ корпусовъ, отданныхъ на жертву подъ Смоленскомъ, отступили до Вязьмы, т. е. 160 верстъ, въ четыре или пять дней. Вязьма была также оставлена, какъ и Смоленскъ; еще отступили и хотя прибытіе кн. Кутузова и возбудило надежды, но городъ въ это время уже былъ оставленъ всѣми, которые не имѣли особыхъ обязанностей, имѣли лошадей или могли ихъ достать. Въ самый день, когда было получено извѣстіе о паденіи Смоленска, цѣны на наемъ лошадей поднялись въ четверо. При такомъ положеніи дѣлъ, когда надо было отправить институты, въ Москвѣ уже не было никого изъ тѣхъ, у кого можно бы попросить каретъ. Считая долгомъ всегда говорить правду вашему величеству, осмѣливаюсь васъ увѣрить, что и въ то время, когда еще никто ни оставлялъ Москвы, мы не могли-бы получить болѣе каретъ, сколько мы получили въ это время, когда охотно ихъ давали, чтобы спасти отъ грабежа и получить когда нибудь обратно. Что касается до найма экипажей, то купцы на это не соглашались въ

виду неизвѣстности, возвратятся ли онѣ и когда. Они готовы были продать кареты; но это обошлось бы въ 50, 60, а можетъ быть и болѣе тысячь рублей,—расходъ, о которомъ нельзя было и думать, когда Лунинъ постоянно заявлялъ о недостаткѣ денегъ. Однимъ словомъ, государыня, мы были озабочены только желаніемъ спасти институты и поскорѣе удалить ихъ отъ опасности, которая увеличивалась со дня на день" [25]).

Между тѣмъ въ это время графъ Ростопчинъ только началъ заботиться о приготовленіи перевозочныхъ средствъ казенной надобности и хотѣлъ начать вывозъ различныхъ предметовъ изъ Москвы тогда только, когда наши войска отступятъ до Вязьмы и будутъ находится въ 227 верстахъ отъ Москвы, т. е. на такомъ разстояніи, которое при самомъ медленномъ отступленіи войскъ могло быть пройдено въ одну недѣлю. Сомнительно, чтобы достало какихъ бы ни было средствъ для вывоза изъ Москвы въ такое короткое время всего, что должно бы спасти отъ грабежа непріятелей. Если графъ Ростопчинъ и питалъ такую надежду, то потому только, что изъ его соображеній ускользало обстоятельство, что по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ къ Москвѣ и для нихъ потребуется значительное количество лошадей, для подвоза продовольствія войскамъ, боевыхъ снарядовъ и особенно для спасенія раненыхъ. Когда войска приблизились къ границамъ Московской губерніи, онъ не расчитывалъ уже на перевозочныя средства трехъ уѣздовъ, смежныхъ съ Смоленскою; но, забравъ всѣ эти средства изъ остальныхъ уѣздовъ, тѣмъ самымъ лишилъ войска подводъ, такъ что они вынуждены были оставить значительное число раненыхъ въ Можайскѣ и удовлетворилъ требованію различныхъ вѣдомствъ и учрежденій въ Москвѣ только на половину. Очевидно, что при такихъ условіяхъ могли остаться въ Москвѣ архивъ Вотчиннаго Департамента, библіотека и всѣ ученые кабинеты Московскаго Университета [26]), святыни и трофеи.

Спасеніе имущества, какъ государственнаго, такъ и частныхъ людей, безъ сомнѣнія, важно; но еще важнѣе — личное спасеніе. Быть можетъ, чтобы не усилить вдругъ эмиграція изъ Москвы и такимъ образомъ не дать повода возникнуть безпорядкамъ, графъ Растопчинъ (по его собственному свидѣтельству) никогда прямо не говорилъ, что надо оставить Москву, но косвенными средствами дѣйствовалъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы постепенно какъ можно болѣе жителей удалить изъ Москвы. Такъ онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ; но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Уже послѣ того, какъ онъ рѣшился вывозить казенное имущество и драгоцѣнности изъ Москвы, 18 Августа, появилось слѣдующее объявленіе *отъ главнокомандующаго въ Москвѣ:* „Здѣсь есть слухъ, и многіе ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить ни мужей, ни братьевъ, ни родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то *непристойно*; а если нѣтъ ея, то *стыдно*. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ по чему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и

---

[25]) Подлинники этихъ писемъ находятся въ домашнемъ архивѣ Н. Ѳ. Самарина, которому приношу искреннюю благодарность за дозволеніе ихъ обнародовать. См. ниже въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

[26]) С. П. Шевырева, Исторія Москов. Университета, стр. 414—415.

свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникомъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тыс. славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тыс. пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи; графъ Марковъ черезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тыс. нашей военной силы, а остальныя 7 тысячь въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тыс. пѣхоты. А если жъ мало этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну дружина Московская! *пойдемъ и мы*. И выведемъ *сто тысячъ* молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ и кончимъ дѣло все вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150 тыс. кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобы иные радовались, а другіе успокоились; а больше еще тѣмъ, что и государь императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте: понять можно все, а толковать нечего".

Въ письмахъ къ императору графъ Ростопчинъ извѣщалъ его между прочимъ, что послѣ взятія Смоленска „дамы потеряли голову, и многія уѣхали, чему я конечно очень радъ". Въ тоже время онъ писалъ князю Багратіону, что извѣстіе о взятіи Смоленска поразило всѣхъ, и нѣкоторые оставляютъ Москву, „чему я чрезмѣрно радъ, ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ". Въ письмѣ къ гр. А. Толстому въ Нижній Новгородъ онъ говорилъ: „Москва спокойна и тверда, но пуста; ибо дамы и мущины женскаго пола уѣхали [27])".

Графъ Ростопчинъ снисходительно относился къ выѣзду изъ Москвы женщинъ и дѣтей, а мужчинъ называлъ трусами, говоря, что имъ и *стыдно* и *непристойно* оставлять Москву. Н. М. Карамзинъ, бывшій въ это время въ Москвѣ, писалъ своему брату въ деревню: „Живемъ въ неизвѣстности, ждемъ главнаго сраженія, которое должно рѣшить участь Москвы. Добрые наши поселяне идутъ на службу безъ ропота. Безпокоюсь о любезномъ Отечествѣ, безпокоюсь и о своемъ семействѣ; не знаю что̀ съ нами будетъ. Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности; не хочу служить *примѣромъ робости*". Около мѣсяца спустя, онъ писалъ, „что силою рѣшился отправить жену съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остался здѣсь и живу въ домѣ у главнокомандующаго Ѳедора Васильевича, но безъ всякого дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ. Поэтому не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится [28])". Этого мало: онъ даже самъ думалъ вступить въ ряды войскъ. Въ письмѣ, писанномъ въ тоже время къ Дмитріеву, онъ говоритъ: „Я переѣхалъ въ городъ, отправивъ жену и дѣтей въ Ярославль съ брюхатою княг. Вяземскою; самъ живу у гр. Ѳ. В. Ростопчина и готовъ умереть за Москву, если такъ Богу угодно. Наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ: уѣзжаетъ множество. Хорошо, что имѣемъ градоначальника умнаго и добраго, котораго люблю искренно, какъ патріотъ патріота. Я радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ удалою Московскою дружиною примкнуть къ нашей арміи. Не говорю тебѣ о чувствахъ, съ которыми отпустилъ мою безцѣнную подругу и малютокъ; можетъ быть, въ здѣшнемъ мірѣ не увижу ихъ. Въ первый разъ завидую тебѣ: ты не мужъ и не отецъ. Впрочемъ душа моя довольно тверда. Я простился и съ Исторіею:

---

[27]) Письма графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг., къ кн. Багратіону отъ 12 Авг., къ гр. Толстому отъ 24 Авг. 1812 г.

[28]) Письма Н. М. Карамзина отъ 29 Іюля и 27 Авг. 1812 г. (Атеней 1858 г., т. III, стр. 485 и слѣд.)

лучшій и полный экземпляръ ея отдалъ женѣ, а другой въ Архивъ Иностранной Коллегіи. Теперь, безъ Исторіи и безъ дѣла, читаю Юма о происхожденіи идей" [29]). Н. М. Карамзинъ, по родственнымъ связямъ и давнему знакомству, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ гр. Ростопчину, и очевидно раздѣлялъ въ это время его взглядъ на выѣздъ изъ Москвы, рѣшаясь оставаться въ ней *безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы*. Понятно, что такой взглядъ главнокомандующаго могъ задерживать постепенный выѣздъ изъ Москвы ея жителей и вывозъ имущества и поэтому довести дѣло до того, что когда уже онъ самъ желалъ, чтобы какъ можно большее число жителей оставило Москву, это сдѣлалось крайне затруднительнымъ и для многихъ просто невозможнымъ. Понятно, что шелъ слухъ, будто выѣздъ былъ даже запрещенъ, что даже графъ Ростопчинъ „далъ письменное предложеніе Магистрату не давать паспортовъ купцамъ и мѣщанамъ [30])". Основываясь на словахъ его самого, что запрещенія никакого имъ дано не было, однакоже возможно предполагать, что, зная его взглядъ, самъ Магистратъ распоряжался подробнымъ образомъ его именемъ, чтобы угодить ему. Такой взглядъ изъ Москвы распространился и по окрестностямъ. „Удалявшіеся изъ Москвы находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ большей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: Куда бояре бѣжите съ своими холопами? Или невзгоды и на васъ пришли, и Москва въ опасности вамъ уже не мила?" Которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то они вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить за овесъ и сѣно въ три—дорога и сверхъ того за постой, не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ обыкновенно платили, но по рублю и болѣе и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ ихъ побѣга освирѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалившихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись на дорогѣ и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества". Конечно это были исключительные случаи; но вообще „выѣзды изъ Москвы крайне сердили и раздражали народъ [31])".

Въ народѣ, конечно, было весьма понятно это чувство раздраженія; не потому только, что наши дворяне, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, спасали и своихъ гувернеровъ-иностранцевъ, какъ замѣчаетъ С. Н. Глинка. Можетъ быть и это обстоятельство съ досадою замѣчено было народомъ; но главное чувство, руководившее имъ, было желаніе защитить Москву, во что бы то ни стало. Подмосковные крестьяне не оставляли въ это время своихъ селъ и деревень и готовились сопротивляться врагу. Это чувство подкрѣплено въ нихъ было дѣйствительно графомъ Растопчинымъ, по порученію котораго въ этихъ видахъ дѣйствовалъ на народъ особенно С. Н. Глинка, объѣзжая постоянно Московскія окрестности и возбуждая противъ Наполеона. Эту его дѣятельность графъ Ростопчинъ считалъ чрезвычайно важною. С. Н. Глинка записался первымъ ратникомъ Мос-

---

[29]) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. СПБ. 1866, № 151, стр. 165.

[30]) Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 78—79.

[31]) С. Н. Глинки, Записки о 1812 г., стр. 41; Русс. Вѣстн. 1814 г., кн. 9. Состояніе Москвы отъ отъѣзда Государя до Бородинскаго сраженія.

ковскаго ополченія и состоялъ въ полку генерала Чичерина. Когда 15 Августа полкъ этотъ долженъ былъ выступить изъ Москвы, то Чичеринъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „графъ Ѳ. В. Васильевичъ именемъ государя предписываетъ вамъ остаться въ Москвѣ, гдѣ нужна ваша служба“. Конечно Глинка повиновался и просилъ только не исключать его имени изъ списковъ ополченія [32]).

Но, затрудняя своимъ неодобрѣніемъ выѣздъ изъ Москвы, какую цѣль имѣлъ гр. Ростопчинъ? Быть можетъ, до Бородинской битвы онъ дѣйствительно былъ увѣренъ, что *злодѣй* не *будетъ* въ *Москвѣ* и назначеніе Кутузова главнокомандующимъ его ободрило; но послѣ? Послѣ, съ 25 Августа до 2-го Сентября (день занятія Москвы Французами) оставалось уже немного времени, и опасность значительно усилилась. Но, кромѣ этой увѣренности, въ которой онъ даже клялся торжественно, у него были другія соображенія. Получивъ извѣстіе о взятіи Смоленска, графъ Ростопчинъ, въ первой половинѣ Августа, писалъ государю: „Теперь Москва и ея жители, которые исполнены вѣрности вамъ, за одно съ арміями будутъ защищать вашу наслѣдственную собственность и вашу славу, не согласятся повергнуться вѣчному стыду и, если непріятелю удастся овладѣть Москвою, исторія Россіи и ваше царствованіе будутъ запятнаны такимъ несчастіемъ, о которомъ одна мысль приводитъ меня въ бѣшенство. Но если Провидѣніе указало, что это должно случиться, вы пожалѣете о тысячахъ хорошихъ людей, которые пойдутъ на вѣрную смерть съ преданностію и вѣрностію въ душѣ. Я искалъ вашего довѣрія для того, чтобы быть вамъ полезнымъ и служить Отечеству. Если мнѣ не удалось его пріобрѣсть, то я докажу, что былъ достоинъ имъ пользоваться“ [33]). Смущенный вслѣдъ за тѣмъ дѣйствіями или, лучше сказать, бездѣйствіемъ Барклая де Толли, онъ, на другой же день послѣ приведеннаго письма, извѣщалъ государя: „Я предувѣдомилъ и военнаго министра, и кн. Кутузова, что послалъ нарочнаго извѣстить Милорадовича о взятіи Смоленска непріятелемъ и что необходимо движеніе войскъ на Вязьму. Онъ долженъ былъ вчера выступить изъ Калуги съ 28 баталіонами пѣхоты и своею артиллеріею. Въ тоже время графъ Марковъ пойдетъ на Можайскъ, Верею и Рузу съ своими дружинами. Сегодня вечеромъ выступили отсюда 5000 ратниковъ въ Можайскъ, и всѣ шли какъ на праздникъ. Здѣшніе жители требуютъ оружія, и оно будетъ у меня на готовѣ; но я раздамъ его по рукамъ не иначе, какъ наканунѣ дня, въ который будетъ рѣшена судьба Москвы. Если Провидѣніе попуститъ Наполеону войти въ нее, то онъ нечего не найдетъ для удовлетворенія своей жадности. Деньги будутъ унесены, а вещи зарыты. Армія и Москва будутъ дѣйствовать за одно для спасенія Отечества“ [34]). Приведенныя выписки не оставляютъ сомнѣнія, что графъ Ростопчинъ намѣревался вмѣстѣ съ *Москвою* драться противъ Французовъ, соединившись съ войсками. Но кого-же онъ разумѣлъ подъ словомъ Москва? Дружины Московскаго ополченія, какъ Карамзинъ, онъ разумѣть не могъ, потому что они всѣ уже выступили на соединеніе съ арміями; войскъ въ ней не было, исключая весьма незначительнаго числа оставленныхъ для внутренней службы. Онъ разумѣлъ *жителей* Москвы: потому и затруднялъ ихъ выѣздъ, потому и намѣревался раздать имъ оружіе. Но оружія въ Москвѣ не было, его не доставало даже для вооруженія ополченій, кромѣ стараго брака, или совершенно брошеннаго, или котораго не успѣли еще поправить и передѣлать, какъ свидѣтельствуетъ

[32]) Глинки, Записки, стр. 48—49.
[33]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг. 1812 г.
[34]) Письмо его же отъ 14 Авг. 1812 г.

самъ графъ Ростопчинъ [35]). Какимъ же образомъ возможно было драться плохо вооруженному, а большею частію и совсѣмъ безоружному народонаселенію? Позднѣйшее свидѣтельство графа Ростопчина о томъ, что въ Московскомъ арсеналѣ не было оружія, невѣрно. Въ Москвѣ осталось въ добычу непріятелю болѣе 80 тысячь ружей и до 60 тысячь холоднаго оружія, изъ которыхъ половина была негодныхъ [36]). Да и могъ ли онъ писать государю, что раздастъ оружіе народу, если бы его не было? Но почему же оно не было роздано ополченію? Стараясь усиливать всеобщій порывъ народа къ защитѣ Отечества, воображая, что его возбуждаетъ своимъ вліяніемъ, онъ до такой степени безсознательно увлекся самъ этимъ порывомъ, что дѣйствительно думалъ идти на бой вмѣстѣ съ народонаселеніемъ Москвы и ея окрестностей и для нихъ приберегалъ это оружіе.

Послѣ прибытія кн. Кутузова къ войскамъ, народонаселеніе Москвы было взволновано ожиданіемъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ: каждый пріѣхавшій изъ арміи, каждый курьеръ привезшій письма, возбуждалъ всеобщее вниманіе и служилъ поводомъ къ различнымъ слухамъ, вѣрнымъ или невѣрнымъ, но быстро распространявшимся по городу. Источникомъ всѣхъ свѣдѣній была пріемная генералъ-губернаторскаго дома, куда по утрамъ открытъ былъ доступъ всѣмъ. Въ это время, когда неожиданный пріѣздъ отъ дѣйствующихъ войскъ атамана Донскихъ козаковъ Платова возбудилъ всеобщее вниманіе, появилось 22 Августа слѣдующее объявленіе графа Ростопчина: „Здѣсь мнѣ поручено было отъ государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ куда захотятъ, по вѣтру и противъ вѣтра; а что̀ отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя; а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели. Генералъ Платовъ, по приказанію государя и думая, что его императорское величество уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ, ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобы тамъ пѣть благодарственный молебенъ и Тебе Бога хвалимъ.“

Это было первое заявленіе жителямъ Москвы, нѣсколько поднимавшее таинственную завѣсу, за которой старались скрыть работы иностранца Леппиха надъ воздушнымъ шаромъ. Но работы эти производились въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы и не могли не сдѣлаться извѣстными. О нихъ всѣ говорили; но не знали, въ чемъ они заключались. Леппихъ предпринялъ соорудить воздушный шаръ, управляемый по произволу воздухоплавателя и который могъ поднять значительное количество разрывныхъ снарядовъ и потомъ съ воздушной высоты, бросая ихъ на непріятеля, истреблять безъ боя его войска. Это предпріятіе занимало не только современныхъ жителей Москвы, но почти всѣхъ писавшихъ о происшествіяхъ 1812 года. Одни полагали, что завѣренія изобрѣтателя такъ сильно подѣйствовали на Русское правительство, что (нѣкоторое, покрайней мѣрѣ, время) оно дѣйствительно вѣрило въ возможность осуществленія этой мысли и потому предоставило Леппиху всѣ способы для работы. Другіе, напротивъ, полагавшіе глубже вникнуть въ дѣло и объяснить его точнѣе, предполагали, что это сказка, съ умысломъ распространенная въ народѣ Русскимъ правительствомъ и особенно графомъ Ростопчинымъ, для того чтобы отвлечь его вниманіе отъ настоящей цѣли тѣхъ работъ, которыя были препоручены Леппиху; а эта цѣль, по ихъ мнѣнію, заклю-

[35]) La vérité sur l'incendie de Moscou, въ изд. Смирдина, стр. 286.

[36]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин., т. IV, стр. 503.

чалась въ томъ, чтобы подготовить горючіе матеріалы для предположеннаго сожженія Москвы въ случаѣ, если бы пришлось ее отдать непріятелю. Неужели однако нужно было предпринимать чрезвычайныя средства для того, чтобы сжечь городъ большею частію деревянный, въ лѣтнюю сухую пору, оставленный жителями и наполнившійся громаднымъ количествомъ грабителей? Неужели для этого нужно было приготовлять, особымъ, невѣдомымъ для всѣхъ способомъ, химически, поджигательные матеріалы, и недостаточно было простаго хлопка или пучка пакли, обмоченной въ смолу или деготь? Неужели, наконецъ, для этой цѣли нужно было выписывать изъ-заграницы особаго искусника, тратить сотни тысячъ и столько заботъ со стороны правительственныхъ лицъ, чтобы удобно помѣстить его, снабдить рабочими, оградить отъ любопытства народнаго, какъ это было на самомъ дѣлѣ? „Какая была нужда учреждать особую фабрику для приготовленія зажигательныхъ веществъ, когда солома и сѣно гораздо сподручнѣе для поджигателей, нежели искусственно приготовленные поджигательные снаряды, которые трудно скрыть и съ которыми еще труднѣе обращаться людямъ непривычнымъ?" говоритъ графъ Ростопчинъ [37]). Казалось бы, нѣтъ нужды и говорить о такомъ мнѣніи; а говорить о немъ должно потому, что его выражаютъ писатели достойные вниманія. Но безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ нужно не опровергать его и доказывать всю его несостоятельность, но объяснять только, какъ могло породиться такое мнѣніе. Наполеонъ, въ бюллетеняхъ великой арміи, постоянно называя графа Ростопчина поджигателемъ Москвы, говоритъ: „Пойманы 300 человѣкъ поджигателей. У нихъ были ракеты, каждая въ шесть дюймовъ величины, укрѣпленная между двумя кусками дерева. У нихъ были также снаряды, которые они бросали на кровли домовъ. Этотъ презрѣнный Ростопчинъ велѣлъ приготовить такія зажигательныя средства, распустивъ слухъ, что приготовляютъ воздушный шаръ, съ котораго польется огненный дождь на Французскія войска и истребитъ ихъ" [38]). Легенда о Наполеонѣ еще была такъ сильна даже до послѣдняго времени, что сбивала весьма дѣловыхъ людей съ пути простаго здраваго смысла.

Остается предполагать, что наше правительство того времени, если и не вѣрило положительно въ возможность осуществленія предположеній Леппиха, то во всякомъ случаѣ считало ихъ на столько важными, что рѣшилось испытать ихъ на дѣлѣ.

Францъ Леппихъ родился въ Нижней Франконіи, въ г. Мюдесгеймѣ, въ 1775 г., отъ крестьянскихъ родителей. Учился онъ въ школѣ въ Мюннерштадтѣ и былъ выгнанъ изъ нея. Бродя по Европѣ, онъ женился въ Альтонѣ на дочери одного купца и жилъ въ его домѣ. Но когда умерла его жена, то тесть удалилъ его изъ своего дома. Леппихъ съ первой молодости постоянно занятъ былъ разными изобрѣтеніями. Сначала онъ устроилъ особаго рода фортепьяны, потомъ музыкальный инструментъ подъ названіемъ *панмелодиконъ*. Съ этимъ-то инструментомъ, послѣ того какъ тесть выгналъ его изъ дому, онъ разъѣзжалъ по всей Европѣ и попалъ въ Парижъ. Желая поддѣлаться и заслужить благосклонность воинственнаго императора Французовъ, онъ предложилъ ему свой проэктъ о воздушномъ шарѣ, который могъ бы поднимать такое количество разрывныхъ снарядовъ, что посредствомъ ихъ можно было-бы истреблять цѣлыя непріятельскія арміи. Наполеонъ выгналъ его изъ Франціи; но, узнавъ потомъ, что Леппихъ, возвратившись въ Германію, въ Тюбенгенѣ началъ пригото-

---

[37]) La vérité sur l'incendie de Moscou, стр. 206 и 261.

[38]) Бюллетени великой арміи 20-й и 21-й.

влять такой шаръ, велѣлъ схватить его и доставить во Францію. Узнавъ объ этомъ и возненавидя Наполеона, Леппихъ, весною 1812 года, обратился къ нашему посланнику при Штутгардскомъ дворѣ Алопеусу съ предложеніемъ услугъ Русскому правительству [39]).

Преслѣдованіе, начатое Наполеономъ противъ Леппиха, конечно и послужило поводомъ къ тому, что, по извѣщенію Алопеуса, императоръ могъ предположить, не заключаетъ ли его изобрѣтеніе дѣйствительной важности, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Парижѣ производились постоянно опыты надъ воздушными шарами [40]). Извѣстіе о Леппихѣ и его изобрѣтеніи Алопеусъ (чтобы вѣрнѣе сохранить тайну) отправилъ нашему правительству въ концѣ Марта мѣсяца съ совѣтникомъ посольства Шредеромъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Шредеръ не нашелъ тамъ ни императора, ни канцлера и отправился къ нимъ въ Вильну. „Я очень радъ, отвѣчалъ графъ Румянцевъ Алопеусу, сообщить вамъ, что императоръ весьма доволенъ, что вы употребили особенную ревность для того, чтобы воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ, которое обѣщаетъ важныя послѣдствія, и обратить его въ пользу службы его величества. Чтобы доставить вамъ способы привесть въ исполненіе ваше предположеніе и немедленно отправить въ Россію какъ механика Леппиха, такъ и его рабочихъ, которые трудились надъ постройкою шара въ половину уже готоваго, императоръ согласился на всѣ ваши предложенія и вполнѣ полагается на вашу ревность къ его службѣ.“ При этомъ Алопеусу были посланы бланки для паспортовъ на проѣздъ Леппиху и его рабочимъ и векселя на полученіе денегъ, необходимыхъ для путешествія. Въ частномъ письмѣ, отправленномъ въ тоже время, графъ Румянцевъ повторилъ Алопеусу, что императоръ очень доволенъ его дѣйствіями и поручалъ ему „какъ можно скорѣе воспользоваться важнымъ изобрѣтеніемъ. Я увѣренъ въ той пользѣ, которую оно можетъ принесть, писалъ онъ, особенно потому, что вы его предлагаете. Весьма важно прежде всѣхъ другихъ воспользоваться выгодами этого новаго открытія, которое, какъ кажется, во многомъ должно измѣнить военное искусство“ [41]).

Приведенныя слова могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что какъ императоръ, такъ и канцлеръ, если и не вполнѣ были увѣрены въ изобрѣтеніи Леппиха, то во всякомъ случаѣ считали его настолько важнымъ, чтобы воспользоваться имъ прежде другихъ. Но прежде нежели Шредеръ довезъ бумаги канцлера до Штутгардта, не переѣхавъ еще границы, въ Луцкѣ, онъ встрѣтилъ Леппиха, который, опасаясь преслѣдованій Наполеона, поспѣшилъ оставить Германію. „Считая нужнымъ продолжать мой путь (писалъ Шредеръ канцлеру), я просилъ князя Багратіона доставить Леппиха съ фельдъегеремъ въ Вильну. Онъ будетъ просить ваше сіятельство сдѣлать распоряженія, чтобы въ Радзивиловѣ не задержали его рабочихъ, которые находятся уже въ дорогѣ. Князь Багратіонъ,

---

[39]) Minerva, ein Journal für Geschichte, Politik etc. v. F. Bron, 1848 г. Jena, Февраль, стр. 274—300, статья профессора Гессельбаха изъ Вюрцбурга. Разсказавъ жизнь Леппиха, ученый Нѣмецкій профессоръ заключилъ глубокомысленно: „Пожаръ Москвы не есть дѣло графа Ростопчина, ни жителей, ни Французовъ, но дѣло одного Нѣмца. Леппихъ далъ первую мысль о сожженіи Москвы императору Александру“.

[40]) Moniteur westphalien, прилож. къ № 146“.

[41]) Нота Алопеуса 22 Марта (3 Апр.) 1812 г. Отвѣтъ канцлера графа Румянцева. См. въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

обративъ вниманіе на мои сообщенія объ этомъ механикѣ, вызвался съ своей стороны также написать къ директору Радзивиловской таможни“ [42]).

Въ половинѣ Мая фельдъегерскій прапорщикъ Іорданъ привезъ Леппиха въ Москву и передалъ его, съ собственноручнымъ письмомъ императора, Московскому губернатору Обрѣзкову. Императоръ поручалъ ему тайно въ окрестностяхъ столицы помѣстить Леппиха и снабдить средствами для производства его работъ, не сообщая объ этомъ главнокомандующему графу Гудовичу. Обрѣзковъ помѣстилъ Леппиха въ селѣ Воронцовѣ, находящемся въ 6 верстахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ и принадлежавшимъ кн. Н. Г. Репнину и вошелъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ отпускѣ суммъ для издержекъ по этому предпріятію. Леппихъ назвался докторомъ Шмидтомъ, а Іорданъ Курляндцемъ Фейхнеромъ. „Пребываніе Леппиха и Іордана въ Москвѣ, доносилъ Обрѣзковъ государю, и перемѣщеніе въ подмосковную не обращаютъ ничьего вниманія, ниже любопытства, какъ о людяхъ никому здѣсь незнаемыхъ“. Въ слѣдъ затѣмъ съ фельдъегеремъ Винбергомъ пріѣхали и мастеровые Леппиха и, не въѣзжая въ Москву, по распоряженію Обрѣзкова, были препровождены въ Воронцово. „Всѣ движенія по сему дѣлу производятся съ большою осторожностію, доносилъ Обрѣзковъ императору, и смѣю надѣяться, что истинное дѣло до самого окончанія сохранится въ совершенной тайнѣ“ [43]).

Въ это время состоялась уже отставка графа Гудовича, и потому императоръ поручилъ Обрѣзкову сообщить всѣ свѣдѣнія о предпріятіи Леппиха графу Ростопчину и съ тѣмъ же фельдъегеремъ написалъ о томъ ему самому. Императоръ писалъ: „Теперь я обращаюсь къ предмету, который ввѣряю вашей скромности, потому что въ отношеніи къ нему необходимо соблюденіе безусловной тайны. Нѣсколько времени тому назадъ, ко мнѣ былъ присланъ очень искусный механикъ, сдѣлавшій открытіе, которое можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія. Во Франціи дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы достигнуть того открытія, которое, какъ кажется, удалось сдѣлать этому механику. Во всякомъ случаѣ, позволительно, чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлать опыты, которые онъ предлагаетъ. Дѣло стоитъ труда. Отправляя его въ Москву и желая, чтобы его работы рѣшительно никому не были извѣстны, я не хотѣлъ вводить въ это дѣло фельдмаршала, опасаясь, чтобы *докторъ* (т. е. Сальваторъ) не узналъ объ этомъ тотчасъ. Поэтому я поручилъ его губернатору Обрѣзкову. Я пишу ему сегодня, что съ вашимъ назначеніемъ храненіе тайны въ отношеніи къ генералъ-губернатору уже прекращается и поручаю ему сообщить вамъ всѣ бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, которыя у него находятся. Изъ нихъ вы узнаете всѣ подробности. Я не желалъ бы, чтобы еще *третій* кто либо узналъ объ этомъ и потому поручаю вамъ употреблять по этому дѣлу Обрѣзкова, такъ какъ онъ уже знаетъ о немъ. Я желалъ бы, чтобы Леппихъ не являлся въ вашъ домъ и чтобы вы видѣлись съ нимъ гдѣ нибудь такъ, чтобы это не было замѣтно. Будьте внимательны къ нему и облегчите ему, во сколько это будетъ отъ васъ зависить, привесть въ исполненіе его дѣло, удаляя всѣ препятствія. Съ фельдъегеремъ, который доставитъ вамъ это письмо, ѣдутъ семь человѣкъ рабочихъ этого механика. Ему приказано не ввозить ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока Обрѣзковъ не переговоритъ съ вами и не передастъ вамъ бумагъ и пока вы не назначите, куда отвезти ихъ“ [44]).

---

[42]) Письмо Шредера изъ Луцка отъ 1-го Мая 1812 г.

[43]) Рескриптъ императора Обрѣзкову изъ Вильны 10 Мая 1812 г.

[44]) Письмо государя изъ Вильны къ графу Ростопчину отъ 24 Мая 1812 г.

Это было первое дѣло, которымъ занялся графъ Ростопчинъ еще до окончательнаго вступленія въ должность Московскаго генералъ-губернатора. „Въ числѣ непріятныхъ занятій, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ, особенно я долженъ упомянуть о несчастномъ воздушномъ шарѣ, о которомъ такъ много толковали и который по историческимъ разсказамъ имѣлъ важное значеніе въ заговорѣ о сожженіи Москвы. Вотъ повѣсть объ этомъ аеростатѣ, не взлетѣвшемъ на воздухъ, и объ его презрѣнномъ творцѣ. Одинъ Русскій дипломатическій агентъ, г. Алопеусъ увѣдомилъ государя, по пріѣздѣ его въ Вильну, что одинъ инженерный офицеръ Виртембергской службы сообщилъ ему объ открытомъ имъ способѣ по произволу направлять движенія воздушнаго шара; что шаръ, который онъ намѣревается построить, подниметъ въ лодкѣ 50 человѣкъ и ниже ихъ ящики съ многочисленными разрывными снарядами, которые можно бросать внизъ на опредѣленное мѣсто: падая и разрываясь, эти снаряды должны были производить страшныя опустошенія. Онъ требовалъ, чтобы его открытіе сохранялось въ величайшей тайнѣ и предлагалъ свои услуги императору Александру, изъ ненависти къ Наполеону (какъ онъ увѣрялъ), чтобы истребить этого завоевателя. Его предложеніе было принято, и онъ пріѣхалъ, отправленный къ Московскому гражданскому губернатору Обрѣзкову, подъ именемъ Шмидта. Обрѣзковъ устроилъ его въ деревнѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы, подъ предлогомъ, что тутъ заводится фабрика для приготовленія новоизобрѣтенныхъ зарядовъ для пушекъ. Этотъ Шмидтъ привезъ съ собою многихъ рабочихъ Нѣмцевъ и требовалъ еще бо́льшаго числа для работъ по его указанію. Надобно было этотъ деревенскій домъ окружить сильною стражею, не столько для поддержанія порядка, сколько для того, чтобы преградить всякое сообщеніе съ городомъ и помѣшать наплыву праздношатающихся любопытныхъ. Этотъ Шмидтъ увѣрялъ, что онъ уже тайно поднимался на маленькомъ шарѣ съ полною удачею, что̀ и служитъ ему ручательствомъ, что и попытка съ большимъ шаромъ непремѣнно будетъ успѣшна. Но когда онъ мнѣ объяснилъ теорію этого удивительнаго шара, то я ему возразилъ, что тяжесть переломитъ пружины, и я не ошибся: потому что опыты, которые онъ дѣлалъ два раза на маленькихъ шарахъ, ему не удались: рессоры ломались при первыхъ ударахъ веселъ. Онъ сваливалъ вину на дурное качество желѣза; я доставилъ ему лучшаго Англійскаго, которое ломалось точно также. Наконецъ онъ потребовалъ желѣза, изъ котораго дѣлаются математическіе инструменты; скуплены были всѣ такіе инструменты, какіе только можно было найти, и опытъ точно также былъ неудаченъ. За 24 часа до вступленія непріятеля въ Москву, я отправилъ Шмидта въ Петербургъ со всѣми его рабочими и съ его огромнымъ шаромъ изъ тафты. Онъ хотѣлъ возобновить свои опыты, производилъ ихъ въ Ораніенбаумѣ и также безуспѣшно. Мнѣ говорили, что когда онъ возвратился въ Германію, то обманулъ нѣкоторыхъ купцовъ, которые повѣрили, что посредствомъ его шара можно перевозить товары. Шмидтъ стоилъ 320 тысячъ франковъ, и горючіе матеріалы, найденные послѣ него, послужили предлогомъ, за который съ жадностію ухватились, чтобы доказать, что въ этой лабораторіи приготовлялись зажигательные матеріалы для сожженія Москвы“. „Шмидтъ (говоритъ графъ Ростопчинъ въ другомъ своемъ сочиненіи), который полагалъ, что открылъ способъ по произволу управлять воздушными шарами, дѣйствительно приготовлялъ такой шаръ и, какъ шарлатанъ, требовалъ, чтобы его работы сохранялись въ тайнѣ. Исторія уже слишкомъ много придала значенія этому шару, для того только, чтобы

выставить Русскихъ въ смѣшномъ видѣ. Между ними мало легковѣрныхъ, и конечно никто бы изъ жителей Москвы не повѣрилъ, что Шмидтъ съ такого шара, какой употребляли Французы при Флерюсскомъ сраженіи (Fleurus), уничтожитъ Французскую армію" [45]).

Приведенныя строки писаны графомъ Ростопчинымъ уже долго послѣ самого происшествія. Быть можетъ, и память ему нѣсколько измѣнила; а можетъ быть, предназначая эти свои сочиненія для иностранцевъ, онъ и не хотѣлъ разсказывать всю правду. Изъ его словъ прежде всего видно, что будто бы онъ никогда не вѣрилъ въ изобрѣтеніе Леппиха и считалъ его невозможнымъ, а самого изобрѣтателя шарлатаномъ и по обязанности только занимался этимъ непріятнымъ для него дѣломъ. Но это совершенно несогласно съ тѣмъ, что́ дѣйствительно было. Получивъ приказаніе императора принять въ свое вѣдѣніе работы Леппиха, онъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Немедленно по полученіи приказаній вашего императорскаго величества относительно г. Леппиха, я имѣлъ свиданіе съ губернаторомъ Обрѣзковымъ и видѣлъ всѣ находящіяся у него бумаги. Вы уже извѣщены, государь, о пріѣздѣ механика, объ устройствѣ его въ одной изъ отдѣльныхъ деревень, въ семи верстахъ отъ Москвы, за Калужской заставой. Леппихъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда своихъ работниковъ изъ Вильны, которые и пріѣхали 31 Мая и, не въѣзжая въ городъ, съ послѣдней станціи, проселочными дорогами, были привезены туда, гдѣ будетъ строиться машина. Это доставило большую радость изобрѣтателю. Такъ какъ я не хотѣлъ, изъ опасенія разглашенія тайны, нанимать въ Москвѣ двухъ кузнецовъ и четырехъ слесарей, нужныхъ для него, то и отправилъ Іордана, на другой же день по полученіи вашихъ предписаній, въ Петербургъ, чтобы тамъ нанять шестерыхъ мастеровыхъ и, чтобы предупредить затрудненія, которыя могли бы встрѣтиться со стороны желающихъ наняться, я поручилъ Обрѣзкову дать ему отъ своего лица полномочіе нанять ему мастеровыхъ для постройки мельницы въ его имѣніи. Такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что Іорданъ хорошо исполнитъ данное ему порученіе, то я полагаю, что онъ возвратится не позднѣе 12 числа. Чтобы показать, по какому поводу онъ отправляется въ Петербургъ, я далъ ему два письма къ фельдмаршалу графу Салтыкову и генералу Вязмитинову, въ которыхъ я увѣдомилъ ихъ о моемъ назначеніи. Леппиху нужно 5000 аршинъ тафты, особеннаго тканья. Она будетъ готова въ продолженіи 15 дней: нѣкто Киріяковъ употребитъ на это дѣло почти всѣхъ работниковъ своей фабрики. Количество заказываемой матеріи и требуемая скорость работы могли возбудить любопытство Киріякова; но случайно онъ напалъ на мысль, что Леппихъ основываетъ фабрику для приготовленія пластырей и просился къ нему въ сообщники по его торговлѣ. Одна тафта будетъ стоить 20 тысячь рублей. Сверхъ того ему нужно на 50 тысячь купоросу и на столько же желѣзныхъ опилокъ. Все будетъ готово. Незнаніе цѣнъ нужныхъ для него матеріаловъ было причиною того, что Леппихъ обманулся въ своихъ разсчетахъ въ отношеніи къ издержкамъ. Но, чтобы не замедлить уплаты, а тѣмъ самымъ и окончанія такой важной работы, мнѣ кажется, что полезно было бы дать предписаніе Папкову, директору отдѣленія Московскаго банка, отпускать по моему требованію суммы, на которыя я буду выдавать ему росписки въ полученіи; а я уже буду получать такія же росписки отъ Леппиха. У Папкова всегда имѣются значительныя суммы въ мелкихъ ассигнаціяхъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что ми-

---

[45]) La vérité sur l'incendie de Moscou, стр. 260—261.

нистръ финансовъ отвѣчалъ уже Обрѣзкову, что онъ еще не получалъ отъ васъ, государь, повелѣнія отпускать деньги по его требованіямъ. Я еще не видалъ Леппиха; но завтра, подъ предлогомъ, что ѣду къ кому нибудь обѣдать въ ту сторону, гдѣ онъ помѣщенъ, я отправлюсь къ нему и пробуду долго. Для меня будетъ праздникомъ знакомство съ человѣкомъ, котораго изобрѣтеніе сдѣлаетъ безполезнымъ военное ремесло, избавитъ родъ человѣческій отъ его адскаго разрушителя (т. е. Наполеона) и васъ сдѣлаетъ рѣшителемъ судебъ царей и царствъ и благодѣтелемъ человѣчества [46])".

Приведенное письмо конечно не доказываетъ, чтобы графъ Ростопчинъ съ самого начала недовѣрчиво относился къ выдумкѣ Леппиха. Напротивъ, по самому характеру своему, способному увлекаться всѣмъ, выходившимъ изъ общаго порядка дѣлъ, онъ вполнѣ повѣрилъ въ возможность осуществленія этого изобрѣтенія на дѣлѣ и предвидѣлъ уже великія отъ него послѣдствія для судебъ всего человѣчества. Поэтому онъ съ жаромъ и усердіемъ принялся за доставленіе всѣхъ средствъ для работъ Леппиху, обдумывая напередъ всѣ способы для устраненія препятствій, которыя могли встрѣтиться и затруднить или замедлить ходъ этого дѣла.

Спустя много лѣтъ послѣ 1812 года, когда уже извѣстна была неудача дальнѣйшихъ опытовъ Леппиха въ Ораніенбаумѣ и потомъ въ Германіи, безъ сомнѣнія на его предпріятіе нельзя было смотрѣть иначе, какъ на обманъ или шарлатанство, хотя и вовсе незлонамѣренное; но въ то время, въ виду страшной опасности, возможно было хвататься и за соломенку и не упускать изъ виду никакихъ средствъ для обороны. Вѣроятно однакоже, что и въ то время многіе изъ Москвичей не вѣрили, что Леппихъ съ воздушнаго шара истребитъ Наполеоновскую армію, какъ говоритъ графъ Ростопчинъ; но самъ онъ положительно вѣрилъ въ возможность его изобрѣтенія, что̀ доказываетъ еще болѣе дальнѣйшая его переписка съ императоромъ о Леппихѣ. Онъ слишкомъ былъ самолюбивъ, чтобы позднѣе сознаться въ своей ошибкѣ, и еще предъ иностранцами. Въ началѣ Іюня онъ писалъ императору: „Я видился съ Леппихомъ; это человѣкъ очень способный и хорошій механикъ. Онъ разрушилъ всѣ мои сомнѣнія насчетъ рессоръ, которыя двигаютъ крыльями машины,—дѣйствительно адской и которая въ послѣдствіи могла бы причинить еще болѣе зла человѣчеству, нежели самъ Наполеонъ, если бы построеніе шара не было такъ затруднительно. Леппихъ усердно проситъ ваше величество дать приказанія, чтобы отыскали въ Вильнѣ нѣсколько ящиковъ, отправленныхъ туда въ слѣдъ за рабочими, которыхъ онъ вызвалъ. Въ нихъ находятся льняные шнуры и тесемки, какихъ здѣсь онъ не думаетъ найти. Такъ какъ невозможно совершенно скрыть существованіе заведенія съ 60-ю рабочими въ семи верстахъ отъ Москвы, то мы уговорились съ Обрѣзковымъ, что онъ съ Леппихомъ, подъ именемъ Шмидта, заключитъ договоръ, по которому онъ обяжется приготовить ему большое количество моделей земледѣльческихъ машинъ, которыя должны быть готовы къ новому году. Это сбавитъ любопытство, если-бы оно и возникло въ слѣдствіе какихъ нибудь неожиданныхъ обстоятельствъ. Мнѣ приходитъ мысль, которую повергаю вашему вниманію: когда машина будетъ готова, Леппихъ намѣренъ отправиться на ней въ Вильну. Можно ли вполнѣ положиться на него, чтобы не подозрѣвать возможности измѣны съ его стороны, что онъ не обратитъ этого открытія въ пользу вашихъ враговъ [47])?"

---

[46]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 7 Мая 1812 г.

[47]) Его-же письмо отъ 11 Іюня 1812 г.

Одобренный покровительствомъ и участіемъ графа Ростопчина, Леппихъ самъ писалъ къ государю, извѣщая его, что, преодолѣвъ многочисленныя трудности, запасшись необходимыми для его работъ матеріалами, по прибытіи его рабочихъ иностранцевъ, онъ съ успѣхомъ продолжаетъ свое дѣло. Но такъ какъ цѣны на матеріалы здѣсь гораздо дороже, нежели въ чужихъ краяхъ, то машина обойдется не въ 20 тыс. какъ онъ предполагалъ, но покрайней мѣрѣ въ 40. „Умоляю ваше величество, писалъ Леппихъ, поставить меня въ такое положеніе, чтобы я немедленно могъ получить необходимыя для меня деньги. Я бывалъ уже въ затруднительномъ положеніи въ этомъ отношеніи и выходилъ изъ него только по милости Обрѣзкова, который или давалъ мнѣ свои деньги, или ручался за меня. Теперь, когда дѣло развивается, я счелъ нужнымъ устроить канцелярію и выбралъ секретаремъ честнаго человѣка. Сверхъ того прошу ваше величество позволить мнѣ взять къ себѣ, въ качествѣ директора физическихъ и химическихъ принадлежностей, доктора Шеффера, который находится на вашей службѣ“ [48]). Шефферъ былъ товарищемъ его молодости и случайно встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ. Графъ Ростопчинъ также свидѣтельствовалъ объ успѣшномъ ходѣ работъ Леппиха. Онъ писалъ государю

[48]) Sire! Ayant surmonté plusieurs difficultés et comme mes ouvriers du pays étranger sont arrivés heureusement, je suis enfin tant avancé dans l'entreprise, que je travaille avec succès.

Il y a des matériaux nécessaires qui manquent ici, donc j'étais forcé de prendre des mesures qui m'ont empêchés dans mes progrès; mais je me suis pourtant fourni plusieurs articles et j'ai ordonné tout ce que est nécessaire.

Je me suis supposé que la somme pour la machine ne surmontera vingt milles roubles en argent; mais puisque les prix des matériaux et surtout de taffetas et de l'huile de vitriol, ne ce comparent point avec ceux des pays étrangers, c'est pourquoi la machine coûtera bien quarante milles roubles en argent.

Je supplie donc V. M. de me vouloir bien mettre en état, que je pourrai toucher sans délai les fonds nécessaires, d'autant plus puisque j'étais quelquefois fort en peine à cet égard et je dois bon gré à s. ex. m-r le gouverneur Obreskof qui non seulement m'a fourni de ses propres fonds la somme de dix neuf mille roubles, mais en tout cas où il faut d'argent contant, il donna caution; sans cela je serai fort empêché dans mes progrès.

Comme l'entreprise s'avance, j'ai trouvé nécessaire à établir une chancellerie et j'ai choisi pour secretaire un sujet bien attesté de sa probité. Outre celui je supplie V. M. de m'accorder comme directeur des objets physiques et chimiques le docteur Schäffer, lequel j'ai trouvé ici au service de la couronne. J'ai passé la jeunesse avec lui et dans les cours de quelques années, je n'entends pas autre de lui, que de bonne renommé et par conséquence je l'ai choisi comme aide dans des objets physiques et chimiques. Dans l'intervalle que tous sera terminé, il me peut être très utile, sans savoir à quelle destination et il est tant modeste, qu'il ne tâche pas savoir d'avantage. Il m'a déjà rendu des services considérables, quoiqu'il n'est pas encore instruit dans le mystère. Je joins avec soumission l'attestat de ses services ici, et plusieurs autres se trouvent dans l'expédition de médecine à Pétersbourg. Il est connu comme auteur aux pays étrangers et bien estimé des létteraires distingués. Juin 1812 г. Это письмо Леппиха печатается вѣрно съ подлиннымъ.

въ концѣ Іюня: „Начну съ важнаго предмета, ввѣреннаго моему попеченію, съ машины Леппиха. По его приглашенію, послѣ завтра я отправлюсь къ нему, чтобы видить опыты не въ большемъ еще размѣрѣ. Онъ въ восторгѣ, что ему удалось найти лѣсъ, который сушился пять лѣтъ. Всѣ рабочіе въ сборѣ, работа подвигается; но въ виду тщательности и точности, съ какою производятся, она не можетъ быть окончена ранѣе конца Августа мѣсяца. Я совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Не смотря на множество людей, употребляемыхъ для работъ, покупки, заказы, разъѣзды для нихъ, никто ничего не знаетъ, и слухъ, пущенный о томъ, что это фабрика для земледѣльческихъ орудій, имѣлъ полный успѣхъ, не возбудивъ никакого любопытства. Тамъ находятся теперь полицейскій унтеръ-офицеръ съ шестью солдатами; но черезъ мѣсяцъ, когда надо будетъ открыть машину и наполнить газомъ шаръ, я днемъ и ночью буду содержать сильную стражу, чтобы никого ни пропускать. Я подружился съ Леппихомъ, который меня также полюбилъ; а машину его люблю, какъ мое собственное дитя. Леппихъ предлагаетъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ путешествіе на ней; но я не могу рѣшиться на это безъ вашего позволенія, хотя поводъ хорошъ: ваша слава и спасеніе Европы“ [49]). Черезъ четыре дня онъ снова увѣдомлялъ государя: „Третьяго дня я провелъ вечеръ у Леппиха; онъ очарованъ неожиданнымъ открытіемъ: это свернутые листы желѣза, которыми замѣняются желѣзныя опилки, и это сокращаетъ на $^3/_4$ количество купороса нужнаго для газа и требуетъ для того,чтобы наполнить имъ шаръ, вдесятеро меньше времени, чѣмъ требовалось прежде. Большая машина будетъ окончена къ 15 Августа. Черезъ десять дней онъ произведетъ опытъ въ небольшихъ размѣрахъ съ крыльями и, какъ ограда около того мѣста, гдѣ будутъ соединяться отдѣльныя части, будетъ готова къ тому же времени, то я отправлю туда на всякой случай двухъ офицеровъ и 50 солдатъ, чтобы дневать и ночевать тамъ. Я дамъ Леппиху также артиллерійскаго офицера, который бы наполнилъ ящики разрушительными снарядами (de remplir des caisses de destruction), которые онъ возметъ съ собою. Въ концѣ мѣсяца надо ему составить экипажъ изъ 50 человѣкъ. Я полагаю лучше взять для этого солдатъ съ хорошимъ офицеромъ. Они, прежде нежели отправиться къ войскамъ, могутъ пріобрѣсть навыкъ дѣйствовать крыльями. Испрашиваю на это приказаній вашего величества. Леппихъ истратилъ уже 72 тысячи рублей. Хотя большая часть необходимыхъ ему вещей оплачены; но на всякій случай я оставилъ у себя 40 тыс. рублей, которые въ общія пожертвованія внесли двое купцовъ Усачевыхъ, и отдамъ въ нихъ отчетъ впослѣдствіи. Нельзя не удивляться дѣятельности Леппиха: онъ встаетъ первымъ и ложится спать послѣднимъ. Рабочіе трудятся по 17 часовъ въ день; ихъ уже болѣе ста чел. въ его мастерской. Теперь разсказываютъ, что приготовляется лодка, которая будетъ ходить подъ водою. Черезъ шесть недѣль увидятъ, что она пойдетъ повыше. Леппихъ изобрѣлъ пику, которой древко внутри пустое; она шести аршинъ длины и гораздо легче и сподручнѣе для дѣйствія и прочнѣе нашихъ казацкихъ. Такъ какъ приготовленіе такихъ пикъ незатруднительно, то можетъ быть ваше величество прикажете послать для образца вновь образуемымъ казацкимъ полкамъ“ [50]).

Эти выдержки изъ писемъ, кажется, достаточны для того, чтобы свидѣтельствовать, до какой степени графъ Ростопчинъ способенъ былъ увлекаться и до какой степени тогдашнее его мнѣніе о Леппихѣ и его ма-

---

[49]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 30 Іюня 1812 г.

[50]) Его же письмо отъ 4 Іюля 1812 г.

шинѣ было противуположно тому, какое онъ приписывалъ себѣ въ послѣдствіи. Очарованіе продолжалось недолго, и съ такою же быстротою и рѣзкостью послѣдовало разочарованіе. Но въ какихъ отношеніяхъ находился гр. Ростопчинъ къ Леппиху, когда императоръ пріѣхалъ въ Москву, оставивъ Дрису? Конечно, при личныхъ совѣщаніяхъ съ императоромъ, онъ сообщалъ ему тѣже самыя мнѣнія, какія выражалъ письменно нѣсколько дней тому назадъ. Сохранилось сказаніе, что императоръ вмѣстѣ съ б. Штейномъ посѣтилъ мастерскую Леппиха въ селѣ Воронцовѣ [51]). Его письмо къ гр. Ростопчину въ началѣ Августа, написанное по пріѣздѣ въ Петербургъ, можетъ служить доказательствомъ, что онъ надѣялся на успѣхъ предпріятія Леппиха. „Только что Леппихъ окончитъ свои приготовленія, писалъ ему императоръ, составьте ему экипажъ для лодки, изъ людей надежныхъ и смышленыхъ и отправьте нарочнаго съ извѣстіемъ къ генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я уже сообщилъ ему объ этомъ предпріятіи. Но прошу васъ поручить Леппиху наблюдать осторожность при опущеніи шара въ первый разъ на землю, чтобы не ошибиться и не попасть въ руки непріятелю. Необходимо, чтобы свои движенія онъ соображалъ съ движеніями главнокомандующаго; поэтому, прежде нежели онъ начнетъ свои дѣйствія, необходимо, чтобы онъ опустился въ главной квартирѣ и переговорилъ съ нимъ. Скажите ему, чтобы, спустившись на землю, принялъ предосторожность поднять шаръ, укрѣпивъ его за веревку; въ противномъ случаѣ, къ нему могутъ собраться любопытные изъ войскъ, а между ними могутъ оказаться и непріятельскіе шпіоны“ [52]). Гр. Ростопчинъ, смущенный потерею Смоленска и движеніемъ войскъ къ Москвѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія работъ Леппиха. Отвѣчая на письмо императора, онъ увѣдомлялъ его, что машина будетъ готова черезъ 15 дней. „Леппихъ собяраетъ теперь въ одно цѣлое ея части: тафта уже сшита, и два маленькіе шара, которые будутъ слѣдовать за большимъ, готовы. Несмотря на то, я собралъ отъ него справки, сколько нужно будетъ ему времени для того, чтобы уложить всѣ его снасти. Онъ увѣрилъ меня, что ему достаточно для этого трехъ дней. Онъ много тратитъ денегъ; ему выдано уже 130.000 руб.; но еслибы удалось его предпріятіе, то можно бы не пожалѣть и милліона. Если придется вывозить его отсюда, то я отправлю его въ Нижній, до Коломны на подводахъ, а потомъ водою“.

Срокъ приближался, работы не оканчивались, и Леппихъ рѣшился сдѣлать опытъ съ маленькимъ шаромъ, который совершенно былъ готовъ. Въ ожиданіи этого опыта, гр. Ростопчинъ издалъ свое объявленіе и увѣдомилъ государя: „Леппихъ окончилъ маленькій шаръ, который поднимаетъ пять человѣкъ. Завтра будетъ опытъ, о чемъ я извѣстилъ городъ и, чтобы не пугались, заявилъ, что это дѣлается противъ непріятеля. Князю Кутузову я писалъ объ этомъ“ [53]).

Объявленіе Московскаго главнокомандующаго конечно возбудило любопытство, но прошло около недѣли въ напрасномъ ожиданіи. „Къ заглушенію мысли о предстоявшей опасности (какъ предполагалъ С. Н. Глинка)

---

[51]) Заслуженный профессоръ Петербургскаго университета, В. В. Шнейдеръ въ 1812 г. былъ студентомъ Московскаго университета и репетиторомъ при двухъ другихъ студентахъ (моложе его), знаменитомъ потомъ Грибоѣдовѣ и Панинѣ. Онъ много разсказывалъ объ этомъ времени любопытныхъ подробностей. Одинъ изъ его разсказовъ о Леппихѣ помѣщается въ Приложеніяхъ къ этой главѣ.

[52]) Письмо императора къ гр. Ростопчину изъ Петербурга отъ 8 Авг. 1812 г.

[53]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 13 и 23 Августа 1812 г.

занимали умы народа сооруженіемъ какого-то огромнаго шара, который, по словамъ разгульной молвы, поднявшись надъ войсками Наполеона, польетъ огненный дождь, особенно на артиллерію. Шутя или не шутя предлагали мнѣ мѣсто на этомъ огненномъ шарѣ. Я отвѣчалъ: какъ первый ратникъ Московскаго ополченія, я стану въ срочный часъ въ его ряды; но признаюсь откровенно, я не привыкъ ни въ чиновничьему возвышенію, ни къ летанію на воздухѣ. У меня на высотѣ закружится голова" [54]).

Молва о шарѣ конечно скоро затихла: въ это время прогремѣла Бородинская битва, усиливалось оставленіе Москвы ея жителями, и городъ наполнялся множествомъ раненыхъ. Не время было думать о воздушномъ шарѣ; а между тѣмъ гр. Ростопчинъ не переставалъ о немъ заботиться, пока не убѣдился въ неудачѣ. „Съ прискорбіемъ извѣщаю ваше величество о неудачѣ Леппиха, писалъ онъ государю. Онъ построилъ шаръ, на которомъ должны были находиться пять человѣкъ и назначилъ мнѣ часъ, когда онъ долженъ былъ подняться. Но вотъ прошло пять дней, и ничего не готово; вмѣсто десяти часовъ, какъ онъ говорилъ, въ три дня едва онъ успѣлъ наполнить его газомъ; шаръ не поднималъ и двухъ человѣкъ. Затѣмъ послѣдовали безконечныя затрудненія. Потребовалось какое-то особенное желѣзо, крылья оказались слабыми. Большая машина не готова и, кажется, надо отказаться отъ надежды на успѣхъ, котораго ожидали отъ этого предпріятія. Менѣе всего конечно можно пожалѣть объ истраченныхъ на него деньгахъ. Леппихъ—сумасшедшій шарлатанъ, а Алопеусъ слишкомъ былъ увлеченъ своимъ Финскимъ воображеніемъ" [55]).

Послѣ этой неудчи графъ Ростопчинъ отправилъ Леппиха и Іордана въ Петербургъ, а рабочихъ и всѣ шары съ ихъ принадлежностями въ Нижній Новгородъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

I. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Ю. А. Нелединскому.

Ce 26 Août 1812.

Savez-vous, mon bon vieux Nélédinsky, que pour la première fois de ma vie je suis fâchée contre vous: j'ai envie de vous gronder et je dois vous dire que vous m'avez causé la peine la plus vive. Le départ des Instituts me déchire déjà le coeur. Je dois le croire nécessaire, parce que vous tous l'avez rendu si prompt que vous ne m'avez pas consulté sur aucune des mesures à prendre pour le départ. Mais comment ce peut-il que vous, mon bon Nélédinsky, avec la délicatesse de vos sentiments, vous ayez pu souscrire au cruel arrangement de faire partir nos demoiselles de l'Institut de S-te Catherine, toutes filles de gentilshommes, enfin toutes nobles—sur les charettes? Cette mesure était désolante déjà pour l'Institut d'Alexandre; mais la voir exécutée pour les demoiselles de S-te Catherine, c'est de quoi faire désespérer; aussi je vous avoue, mon bon Nélédinsky, que j'en ai versé des larmes amères. Grand Dieu! Quel spectacle pour la capitale de l'empire que de voir emmener la fleur de la noblesse sur les charettes! Je conçois très bien que dans ce moment d'angoisse chaque particulier a bésoin de son équipage et que

---

[54]) Записки о 1812, стр. 43—44.

[55]) Письма гр. Ростопчина къ императору отъ 29 Авг. и 1-го Сент. 1812 г.

là est la raison pourquoi on nous en prête si peu; mais il fallait en louer et à Moscou on peut en trouver tant qu'on veut. M-me de Perette est très coupable de n'avoir pas protesté en forme contre cette mesure, tant comme contre celle du renvoi de tous les maîtres, et vous, mon bon vieux Nélédinsky, vous, chargé de cette partie, vous laissez partir l'Institut sans prêtre, sans inspecteur des études, sans aucun maître, pas même celui des langues étrangères; comment cela a-t-il était possible? Mais enfin, ce qui est fait est fait. Il s'agit de réparer le mal autant que possible. J'écris par ce courrier à m-r de Baranof de tâcher de louer des voitures à Wladimir, enfin partout où il peut en trouver; ensuite vous, mon bon vieux Nélédinsky, je vous charge, après avoir dit: виноватъ, de réparer vos fautes, de soigner de l'envoi de notre excellent prêtre que vous munirez de nos vases sacrées et images (si vous le trouvez nécessaire), ensuite de notre inspecteur des études, de même que du meilleur de nos maîtres des langues étrangères et d'un de nos bons maîtres d'histoire et de géographie. Je suppose que l'université de Kazan fournira des maîtres d'arithmétique, de grammaire russe, de réthorique; au reste, l'inspecteur une fois arrivé à Kazan, vous avertira s'il faut lui envoyer tel ou tel maître.

Je vous remercie de la voiture que vous avez prêtée à l'Institut; dites à tous ceux qui en ont fait de même que je leur en suis des plus obligées. J'ai vu avec une grande sensibilité les noms de Chovansky comme vous prêtant et du pr. Jousoupof à qui vous le direz bien expressement. Adieu mon bon Nélédinsky; je n'ai pas besoin de vous exprimer ce qui se passe dans mon coeur: les paroles le rendent mal. Cependant soyez persuadé que je suis remplie d'espoir et de confiance dans la bonté divine: ce Dieu de la Russie, que je chéris, respecte et vénère de tout mon coeur, ne nous abandonnera pas. Les temps sont pénibles, mais le bonheur renaîtra, et la gloire de la Russie sera à son comble. Ah, mon bon Nélédinsky, que je serais heureuse, lorsque je saurais de nouveau nos enfants en chemin pour revenir à Moscou! Que je les saurais y arrivés et que celles rendus aux parents se réuniront de nouveau à eux! Informez vous, je vous en prie, de quelle sorte et comment va la petite Snietkof qui a été si malade; dites-moi si les parents quittent Moscou; enfin ayez un oeil protecteur sur les leurs et dites aux parents que je vous ai prié de m'en donner des nouvelles. Adieu, mon bon Nélédinsky. Tous les détails pécuniers vous les trouverez dans ma lettre officielle; celle ci est tracée à quelqu'un auquel je veux beaucoup de bien, quoique je l'ose trouver en défaut; mais je me dis que c'est par trop de zêle. Portez-vous bien et soyez persuadé que je serai à jamais votre bien affectionnée

Marie.

II. Отвѣтъ Нелединскаго на предъидущее письмо, списанный съ черноваго собственноручнаго подлинника.

Moscou, ce 29 Août 1812.

Madame! Il est une heure après minuit, et dans ce moment je viens de recevoir les ordres suprêmes de V. M. I-le du 26. Dès demain matin je m'occuperai à prendre toutes les informations et toutes les mesures qui pourront servir à les exécuter le plus promptement possible; mais en attendant je profiterai du loisir que la nuit me laisse pour répondre à la lettre très gracieuse de V. M. I-le, lettre où cette âme bienfaisante

qui embellit le rang suprême où le Ciel vous a placée se peint dans tout son éclat; mais par laquelle je suis forcé de conclure que Votre Majesté est mal informée de ce qui concerne Moscou depuis la perte de Smolensk. Les circonstances de cette perte ont influé généralement sur tout le monde. On a sû que Smolensk n'a pas été pris, mais abandonné après que l'ennemi en avait été repoussé. Dès ce moment l'idée de trahison a rempli toutes les têtes et avant qu'on ait sû, que le prince Koutousof était nommé commandant en chef, tout ce qui ne tenait point au service et avait un équipage a pris le parti de fuir de Moscou, au point que le chemin de Troitza pendant plusieurs jours était couvert de voitures qui allaient à la file, comme dans un jour de promenade. Le comte Rostopschin me dit que dans trois jours consécutifs il était sorti de Moscou près de 4 milles, tant carosses que calèches. La défiance générale s'est accrue lorsqu'on a vu que sans le moindre combat nos armées intactes, à l'exception de deux corps qui ont été sacrifiés à Smolensk, ces armées, dis-je, ont reculées jusqu'à Wiasma, ce qui fait 160 verstes, dans l'espace de 4 ou 5 jours. Wiasma a été livrée comme Smolensk; on a encore reculé et quoique l'arrivée du pr. Koutousof ait ranimé les espérances, mais la ville était déjà abandonnée par tout ce qui ne tenait à rien, avait ou été en état de se procurer des chevaux, dont le loyer, le jour même de la nouvelle de Smolensk, a quadruplé. Dans cet état de choses, quand il a été question de faire partir des Instituts, il ne restait presque plus personne à qui l'on puisse demander des voitures. Faisant profession de parler toujours vrai à V. M. I., je j'oserai l'assurer que dans des circonstances tranquilles et quand la ville était pleine, à peine aurions nous pu trouver à emprunter le nombre de carosses qu'on a prêté dans cette occasion, où ne sachant qu'en faire on a été bien aise de les sauver de pillage avec la certitude de les ravoir un jour. Quant à l'expédient d'en faire louer, il eut été difficile d'y faire consentir les marchands de voiture, vu la difficulté de les faire revenir et même d'y assigné un terme. Les marchands n'auraient voulu donner leurs carosses qu'en vente, et c'eut été un objet de 50 à 60 milles roubles ou davantage: dépense à laquelle il était impossible de songer dans un moment où m-r de Lounin se plaignait constamment de la pénurie dans laquelle se trouvait la caisse de la maison. En un mot, m-me, nous ne pensions qu'à sauver les Instituts et à les éloigner le plutôt possible du danger qui tous les jours augmentait de plus en plus. Le 26, à 110 verstes de Moscou, nous avons eu une bataille où l'ennemi a perdu en tués et blessés entre 40 à 50 milles hommes, notre perte n'est que la moitié, et nous avons gardé le champ de bataille. L'avantage est donc de notre côté. Eh bien, depuis ce temps, dans trois jours, sans nous être battus, nous avons reculés de 75 verstes, et maintenant notre armée n'est qu'à 35 v. de Moscou (затѣмъ въ черновомъ письмѣ вырѣзана часть листка). Sur l'article des maîtres et de l'inspecteur de classes, je n'ai que des pardons à demander à V. M. I-le. Ses bontés habituelles me font espérer qu'elle daignera me l'accorder et excuser en même temps le désordre de ma lettre. Il vient d'une cause qui trouvera, je n'en doute point, grâce à ses yeux. Mon fils, profitant de sa proximité, est venu me voir; il a obtenu un congé seulement de 6 heures, et je vais moi-même le reconduire à son poste.

III. Оффиціальное письмо императрицы того-же времени.

Юрій Александровичъ! Я получила съ последнею Московскою почтою донесенія о сдѣланномъ обоими совѣтами распоряженіи въ слѣдствіе предписанныхъ въ письмѣ моемъ къ Александру Михайловичу Лунину, отъ 9-го сего мѣсяца, мѣръ предосторожности на случай несчастія, и хотя вообще я отдаю полную справедливость дѣятельности и усердію оказаннымъ въ исполненіи по моимъ предначертаніямъ, я не могла однако не замѣтить дѣйствія нѣкоторой торопливости, отъ чего произошли два положенія касательно отправленія институтовъ, которыхъ я не только бы не утвердила, если бы они могли прежде дойти до моего свѣдѣнія, но одно изъ нихъ непремѣнно желаю поправить. Я истинно вамъ признаюсь, что я не знаю, какъ Совѣтъ могъ на сіи двѣ статьи рѣшиться и вы на то согласились. Какъ могли вопервыхъ допустить, чтобъ благородныхъ дѣвицъ отправить на тѣлегахъ? Уже довольно мнѣ прискорбно, если необходимость заставила возить на тѣлегахъ воспитанницъ Александровскаго училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и подобнаго состоянія дѣтей; а дочерей лучшаго дворянства на тѣлегахъ не могу себѣ представить безъ огорченія и, прямо сказать, стыда и даже слезъ. Неужели въ обширной, изобильной всѣмъ Москвѣ, не можно было, если не ссудою, то наймомъ, достать потребнаго числа каретъ? Или Совѣтъ могъ-ли остановиться незначущимъ на то расходомъ? Для исправленія сего, сколько возможно, я предписала Николаю Ивановичу Баранову нанять кареты, гдѣ только на пути найдетъ къ тому возможность. Какъ во вторыхъ, вы яко попечитель о просвѣщеніи сихъ дѣвицъ, позволили отправить ихъ безъ учителей, даже безъ духовника и инспектора классовъ? Я чистосердечно вамъ скажу, что я сему весьма удивилась и, при другихъ спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ, я бы вамъ всѣмъ изъявила о томъ мое сожалѣніе, въ чемъ останавливаюсь однако, видя усердіе ваше въ снабженіи институтовъ собственными каретами. Но теперь подумать должно только, какъ исправить сію ошибку. Я просила министра просвѣщенія, чтобы позволилъ инспектору классовъ Цвѣтаеву, по вѣдомству его отъ Московскаго университета, дать отпускъ для слѣдованія за институтами въ Казань и прилагаю при семъ письмо его къ попечителю университета по сему предмету, которое прошу васъ ему доставить. Вашему же попеченію предоставляю достойнаго нашего священника Екатерининскаго училища, съ согласія Московскаго викарія, епископа Августина, равно какъ и лучшихъ учителей, т. е. особенно такихъ, какихъ нѣтъ надежды найти въ Казани, какъ я полагаю, учителя иностранныхъ языковъ принять опять въ службу сихъ заведеній, отъ которыхъ по напрасну уволены, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы выберете, такъ какъ и инспектора Цвѣтаева, отправить въ Казань въ слѣдъ за институтами, для продолженія ученія по прибытіи на мѣсто, на каковой конецъ снабдить ихъ прогонными деньгами изъ суммъ, оставленныхъ въ распоряженіи главнаго надзирателя Тутолмина и о томъ увѣдомить Александра Михайловича Лунина, дабы онъ могъ дополнить нужныя главному надзирателю на другіе предметы деньги. Препоручая сіе особливому вашему ревностному исполненію, я увѣрена, что вами со всякимъ стараніемъ и дѣятельностію и притомъ всевозможнымъ сбереженіемъ издержекъ выполнено будетъ. Я съ удовольствіемъ въ доставленномъ отъ Николая Ивановича Баранова спискѣ особъ, ссудившихъ институты наши экипажами, видѣла имя ваше, чего хотя отъ васъ и сочленовъ вашихъ ожидала, но тѣмъ не менѣе благодарю васъ искренно за таковое усердіе и прошу васъ объявить мою признательность прочимъ особамъ, въ семъ вспоможеніи учавствовавшимъ, какъ то князю Николаю Борисовичу Юсупову, княжнѣ Хованской, г-жѣ Анненковой и генералъ-маіору Шепелеву, и съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонною.

Въ Таврическомъ дворцѣ. Марія.

Августа 26 дня, 1812 года.

IV. Разсказъ Шнейдера.

Въ это время я жилъ на хлѣбахъ у купца, торговавшаго сукномъ, Данкварта. Выходя изъ своей квартиры, я вѣшалъ ключь въ магазинѣ и возвращаясь, проходя къ себѣ чрезъ магазинъ, бралъ свой ключь. Однажды, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, снимая съ гвоздя ключь, я увидѣлъ, какъ вошли въ магазинъ двое мужчинъ, одинъ высокаго роста, весьма красивый, бѣлокурый и даже нѣсколько рыжеватый, одѣтый въ штатское платье, но казавшійся военнымъ; другой малорослый, полный и нѣсколько неуклюжій. Первый изъ нихъ, войдя въ магазинъ, обратился къ Данкварту, говоря: представляю вамъ моего друга доктора Шмидта; мы украли изъ Австріи 40 рабочихъ, и намъ нужно ихъ одѣть. Есть ли у васъ хорошее сѣрое сукно?"

Это странное заявленіе обратило мое вниманіе, и за обѣдомъ я спросилъ моего хозяина, кто этотъ красивый покупщикъ.—Это капитанъ Фигнеръ, отвѣчалъ мнѣ Данквартъ, сказавъ, что купленное имъ сукно и приготовленныя потомъ изъ него одежды онъ долженъ доставить на дачу Репнина.

Будучи 18-ти лѣтнимъ юношей, я удовлетворился отвѣтомъ и потомъ забылъ о происшествіи.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ императоръ. 15 Іюля, въ день собранія дворянства и купечества въ залахъ Слободскаго дворца, утромъ часу въ первомъ, послѣ уроковъ Латинскаго языка въ одномъ изъ домовъ, возращаясь домой, я вышелъ на Ордынку, которая была наполнена народомъ и вдали увидалъ приближающуюся къ намъ коляску: это ѣхалъ императоръ. Я вышелъ на средину улицы, чтобы ближе на него посмотрѣть; когда коляска проѣзжала мимо, я увидалъ, что рядомъ съ государемъ сидѣлъ человѣкъ въ черномъ фракѣ и со звѣздой, въ которомъ я узналъ барона Штейна.

Вотъ почему я узналъ въ спутникѣ императора б. Штейна. Передъ тѣмъ за нѣсколько дней я былъ у профессора Буле. Входя въ его квартиру, я встрѣтилъ одного неизвѣстнаго мнѣ человѣка. Когда я вошелъ къ профессору, онъ мнѣ сказалъ: „какъ жаль, что вы не пришли ко мнѣ нѣсколькими минутами ранѣе; вы имѣли бы удовольствіе найти у меня нашего знаменитаго соотечественника, б. Штейна". Онъ былъ его товарищемъ по университету и потому, пріѣхавъ въ Москву, посѣтилъ его.

Это обстоятельство помогло мнѣ сейчасъ же узнать въ спутникѣ императора б. Штейна. Я поспѣшилъ возвратиться въ тотъ домъ, гдѣ давалъ уроки, и съ балкона въ зрительную трубку мы наблюдали, какъ коляска государя проѣхала Калужскую заставу и направилась на дачу Репнина. Тутъ я припомнилъ посѣщеніе магазина моего хозяина Фигнеромъ и Шмидтомъ и подумалъ, что если самъ государь поѣхалъ на дачу Репнина, то вѣроятно тамъ приготовляется что нибудь очень важное.

Когда потомъ я возвратился домой, за обѣдомъ я разсказалъ объ этомъ хозяевамъ, и что видѣлъ въ самой близи императора. Данквартъ сказалъ: „А я едва-едва не столкнулся съ нимъ". Онъ находился на дачѣ Репнина въ то время, когда туда пріѣхалъ императоръ вмѣстѣ съ б. Штейномъ. Затѣмъ начался разговоръ, который возобудилъ мое любопытство, такъ что я началъ просить Данкварта, чтобы онъ взялъ меня съ собою, когда поѣдетъ на Репнинскую дачу. „Это невозможно, отвѣчалъ онъ на мою просьбу: туда пускаютъ по билетамъ, а у меня только одинъ билетъ для меня лично".—„Но возмите меня съ собой, какъ вашего мастероваго".—„Да, это можно", отвѣчалъ онъ мнѣ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней я отправился съ нимъ на Репнинскую дачу. Это былъ праздникъ; работы не производились, и Леппихъ съ своими сотрудниками были въ саду и упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Данкварта позвали туда, а я остался въ домѣ, великолѣпныя залы котораго были превращены въ ма-

стерскія и по роскошнымъ паркетамъ разбросаны были разные матеріалы и инструменты. Передъ окнами на дворѣ висѣла раззолоченная гондола и какія-то большія крылья. Дача охранялась стражею, и мы проѣхали нѣсколько карауловъ, прежде нежели попали туда. Они пропускали насъ по предъявленію билета Данквартомъ.

Пока мой хозяинъ находился въ саду, а я разсматривалъ окружавшіе меня предметы въ домѣ, ко мнѣ подошелъ живой, нѣсколько рябоватый господинъ и съ улыбкою сказалъ: „Вы слишкомъ любопытны, молодой человѣкъ“. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ съ Данквартомъ и что я его рабочій. „Рабочій! замѣтилъ онъ, а кто каждый день гуляетъ по Ордынкѣ съ Грибоѣдовымъ и Панинымъ? Вы изъ университета“. Я покраснѣлъ и смутился до такой степени, что кажется и не нашелся что̀ отвѣчать. Моя молодость и смущеніе вѣроятно произвели хорошее впечатлѣніе на моего собѣседника; онъ улыбаясь сказалъ мнѣ: „Ну, Нѣмецъ Нѣмца не выдастъ, только никому ни полъ-слова не говорите о томъ, что вы здѣсь были и что̀ услышите“. Это былъ докторъ Шефферъ, который и разсказалъ мнѣ, что здѣсь приготовляется воздушный шаръ, котораго движенія посредствомъ крыльевъ можно направлять по произволу. Онъ подыметъ ящики съ разрывными снарядами, которые, будучи сброшены съ высоты на непріятельскую армію, произведутъ въ ней страшное опустошеніе“.

Конечно военный, котораго Шнейдеръ видѣлъ вмѣстѣ съ Леппихомъ былъ не извѣстный Фигнеръ, находившійся въ это время въ дѣйствующихъ войскахъ, а Іорданъ (фельдъегерскій прапорщикъ), принявшій прозваніе Фейхнера.

V. Бумаги о Леппихѣ.

Письмо графа Н. П. Румянцева къ Алопеусу.

M-r de Schröder vous dira, m-r, qu'ayant rejoint ici Sa Majesté à travers des boues et des chemins impraticables et par un fort mauvais temps, j'ai gagné en arrivant ici une fluxion épouvantab'e; mais quelque peine qu'elle me donne, je ne veux pas manquer une si bonne occasion de vous écrire et de vous confier que S. M. est très satisfaite du zè'e et de l'intelligence que vous manifestez à son service. Quant à moi, vous savez combien je vous suis gré et quelle opinion je me suis faite de vous.

Je désire que les réponses que vous porte m-r Schröder vous mettent à même de vite terminer l'acquisition importante que vous désirez que S. M. fasse. J'ai toute confiance dans l'utilité de cette acquisitiou, parce que c'est vous qui la proposez. Il serait bien avantageux d'être les premiers à tirer un parti important de cette nouvelle découverte qui peut, il me semble, changer en l'art de la guerre beaucoup de choses.

Je vous envoie une lettre pour le ministre des affaires étrangères du roi, pour le cas, que vous le jugiez nécessaire de constater que votre départ de Stuttgard n'a rien de subit, ni de prompt. Elle me parait sans ce motif tout-à-fait inutile; aussi dépend-il de vous de la supprimer.

En date de Paris on parle toujours comme si on était prêt à préférer la voie des négociations à celle des armes. J'ai de la peine à croire que l'on médite autre chose que la guerre; mais on se peut que la situation de la France corresponde mal dans le moment à un pareil projet.

Je vous prie de me rappeler au souvenir de m-me Alopeus, d'être persuadé de celui que je conserve à v. ex. et de continuer par conséquant à m'écrire souvent.

J'ai été fort content de m-r Schröder, dont j'avais déjà une très bonne opinion.

Nos relations avec la Suède sont très bonnes.

Vilna ce 26 Avril 1812 г.

*

Вмѣстѣ съ этимъ частнымъ письмомъ графъ Румянцевъ отправилъ къ Алопеусу слѣдующую ноту отъ того же числа:

En expédiant le conseiller de la cour Schröder, à qui v. ex. avait confié ses dépêches en date du 22 Mai (3 Avril), je suis bien aise d'avoir l'honneur à vous dire que l'empereur vous soit un gré particulier de l'empressement que vous avez mis à vous emparer d'une invention qui promet des résultats aussi importants, dans la vue de la faire tourner au profit du service de Sa M. I.

Pour vour gêner d'autant moins dans l'exécution des mesures à prendre pour faire passer sans délai en Russie le mécanicien Leppich et les ouvriers qui ont déjà été employés à la construction du ballon à moitié achevé, l'empereur accorde tout ce que vous proposez à cet égard et s'en remet absolument au zèle dont il vous sait animé pour son service.

Quant au rappel du poste que vous occupez, S. M. I. pense que tout en vous menageant les moyens de vous en obsenter pour le moment et de nous amener vous-même s'il le faut les personnes en question, il sera possible peut-être de vous faire reprendre plus tard vos fonctions auprès d'une cour où vous êtes parvenu à vous consilier le suffrage du roi. En conséquence, je joins ici une lettre de ma part au ministre des relations extérieures par laquelle je lui annonce que l'empereur vous ayant autorisé à faire un voyage aux eaux dont l'usage vous avait été recommandé par les médecins, vous vous absenterez pour quelque temps de votre poste et que vous y retourniez, aussitôt que votre santé vous le permettrait. Il dépendra ensuite de vous d'y retourner effectivement ou de rester ailleurs, si nous apprenons que vous avez été compromis et que votre présence à Stuttgardt peut-être désagreable au roi.

V. ex. trouvera de plus sous ce pli 10 blancs de passeport qui suffiront sans doute au différens individus à faire entrer en Russie. Elle disposera de l'un en faveur du ministre, si depuis le départ du m-r Schröder il n'a pas changé d'avis, et vous êtes autorisé à lui dire qu'il aura une bonne place en Russie, s'il persiste à s'y transporter et qu'il peut compter sur la générosité de l'empereur.

Pour ce qui concerne l'argent que vous avez démandé, je n'ai dans ce moment pour vous en munir d'autre moyen que d'angager m. de Stakelberg à prendre à Vienne des lettres de change du montant de la somme nécessaire et de vous transmettre par Schröder. Afin de ne rien abandonner au hazard, je joins encore ici pour tous les cas une lettre à m-r Maurice de Bethmann à Francfort que j'autorise à vous fournir la somme dont il s'agit, et ce sera à lui que v. ex. pourra s'adresser, si des circonstances imprévues mettent le c-te de Stackelberg hors d'état de se procurer les fonds en question.

*

Донесеніе Обрѣзкова государю отъ 27 Мая 1812:

Всемилостивый Государь! Всевысочайшее В. И. Величества повелѣніе чрезъ фельдъегерскаго прапорщика Іордана сего 14 Мая имѣлъ счастіе получить.

Прибывшаго съ нимъ механика Леппиха ввезъ въ Москву подъ именемъ доктора Шмидта, его-же Іордана подъ названіемъ Курляндца Фейхнера.

Обще съ Леппихомъ пріискалъ удобное мѣсто для производства его работы въ 6 верстахъ отъ столицы, въ нанятой подмосковной, куда онъ и помѣстился. На

отпущенныя ему отъ меня 8000 руб. заготовляетъ матеріалы и пріискалъ часть мастеровыхъ, дабы немедленно приступить къ настоящей работѣ. Ожидаемые же имъ изъ чужихъ краевъ мастеровые еще не прибыли.

Пребываніе Леппиха и Іордана въ Москвѣ и перемѣщеніе въ подмосковную не обращаютъ ничьего вниманія, ниже любопытства, какъ о людяхъ никому здѣсь незнаемыхъ.

О дальнѣйшихъ успѣхахъ по сему буду имѣть счастіе В. И. В. всеподданнѣйше доносить.

*

На рескриптъ императора отъ 24 Мая 1812 Обрѣзковъ отвѣчалъ:

Получивъ Высочайшее повелѣніе В. И. В. по возложенному порученію на механика Леппиха, въ тоже время сообщилъ я лично наединѣ графу Ростопчину полное свѣдѣніе по всѣмъ бумагамъ у меня имѣющимся, и съ объясненіемъ теченія самого дѣла.

Привезенные фельдъегеремъ Винбергомъ мастеровые, минуя Москву, препровождены на дачу, Леппихомъ занятую.

Къ числу теперь имѣющихся у него до 12 мастеровыхъ, нужно еще 6 человѣкъ; за неотысканіемъ таковыхъ въ Москвѣ, признали нужнымъ послать для найма оныхъ въ Петербургъ, куда и отправленъ для сего фельдъегерскій прапорщикъ Іорданъ подъ видомъ порученностей отъ военнаго губернатора графа Ростопчина.

Матеріалы нужные къ составу работы пріисканы Леппихомъ въ Москвѣ, часть изъ оныхъ куплена, другіе-же заказаны и уже приготовляются. По цѣнамъ на вещи, купленныя и заказанныя Леппихомъ, полагаю, что издержки простираться будутъ болѣе 100 тысячь рублей. Министръ финансовъ на требованіе мое о присылкѣ денегъ отозвался, что объ ассигнованіи оныхъ не имѣетъ повелѣнія. Посему и осмѣливаюсь всемилостивѣйше просить В. И. В. предписанія о присылкѣ суммы, дабы за недостаткомъ оной не сдѣлать затрудненія Леппиху. Всѣ движенія по сему дѣлу производятся съ большою осторожностію, и смѣю надѣяться, что истинное дѣло до самого окончанія сохранится въ совершенной тайнѣ. Іюня 6 дня, 1812 г. въ Москвѣ.

Сравни Д. Н. Свербеева, о Московскихъ пожарахъ 1812 г. (Вѣстн. Евр. 1872, кн. II, стр. 303—320).

(Продолженіе будетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЬ МЕНШИКОВЪ *.

IV. ШВЕДСКАЯ ВОЙНА. 1706—1709.

Устроивъ свадьбу своего друга и преданнѣйшаго слуги, Петръ сдѣлалъ высоконравственное дѣло. Лучшей подруги Меншикову нельзя было найти. Подобно Екатеринѣ, Дарья Михаиловна была то что называется полковою дамою: она способна была выносить всѣ трудности походной жизни, подвергаясь личной опасности и случайностямъ войны. Заботливая и любящая хозяйка окружала мужа удобствами и ни на минуту не забывала о немъ. Есть извѣстіе, что она даже совершала походы верхомъ.

Петръ, обвѣнчавъ Меншикова, ускакалъ изъ Кіева съ Екатериною въ свой парадизъ, который потѣшилъ своего учредителя наводненіемъ, на другой же день его пріѣзда: во дворцѣ, въ комнатахъ Петра, воды было выше полу на 21 дюймъ, а по улицамъ открылось свободное плаваніе на лодкахъ. „Зѣло было утѣшно, писалъ Петръ Меншикову, что люди на кровляхъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но и бабы" [1]). Петръ любовался наводненіемъ и, будучи въ веселомъ настроеніи, посылалъ поклоны Меншикову отъ себя и Екатерины, и отъ любимой своей собачки Лизеты [2]).

Меншиковъ съ женою оставался при войскахъ. Въ это время Карлъ XII вступилъ въ Саксонію и началъ собирать съ нея великую контрибуцію; въ Польшѣ же оставалось Шведскаго войска только 4.000 ч. конницы и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ Мардефельдта. Меншикову поручено было уничтожить этотъ отрядъ. Усиленными переходами Меншиковъ двинулся по направленію къ Познани.

12 Сентября, въ мѣстечкѣ Крыловѣ, Меншиковъ узналъ о вступленіи Карла XII въ Саксонію и спѣшилъ соединиться съ королемъ Августомъ. Въ этотъ день онъ написалъ письмо къ Шафирову, доказывающее, какъ онъ выходилъ изъ ряду своихъ современниковъ, какъ понималъ, что ученіе необходимо Русской молодежи. „Прошу вашей милости, изволь моего шурина (Ивана Михаиловича Арсеньева) взять отъ Алексѣя Ивановича Нарышкина и отдать въ нашу школу и прикажи его учить Нѣмецкому и Французскому языку. О нашемъ поведеніи буди извѣстенъ: въ настоящемъ походѣ, слава Богу, въ добромъ обрѣтаемся состояніи и кончая въ будущему

---

*) См. вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 233.

[1]) Письмо Петра отъ 11 Сентября 1706. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) За эту Лизету пострадалъ въ 1708 году одинъ священникъ Козловскаго уѣзда. Возвратившись домой изъ Москвы, онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ: „Былъ я на Москвѣ и видѣлъ великаго государя, какъ онъ съѣхалъ съ двора князя Александра Даниловича Меншикова, и въ карету его вскочила маленькая собачка, и онъ государь, взявъ ту собачку, поцѣловалъ въ голову". Черезъ нѣсколько времени на попа донесли въ Преображенскій Приказъ, что онъ говоритъ непристойныя слова про государя. Священника привезли въ Приказъ, и на допросѣ онъ повторилъ свой разсказъ. (Дѣла Преобр. Приказа, Архивъ Минист. Юстиціи 1708 года). У царя была еще другая собачка Лента; когда она ощенилась, то Петръ изъ похода въ 1707 году приказывалъ Апраксину, чтобъ онъ велѣлъ кому нибудь изъ иноземцевъ, охотниковъ до собакъ, выучить щенковъ: 1) Чтобъ носили поноску; 2) Шапку снимать; 3) Подъ птицами въ воду ходить; 4) Чрезъ палку скакать; 5) Чтобъ умѣла ѣсть просить и сидѣть (Въ письмахъ къ Апраксину 10-го Октября 1707 г. Госуд. Арх. Каб. I, кн. 24, стр. 91).

Вторнику надѣемся быть въ Люблинѣ, куда и его королевское величество, чаю, съ нами вмѣстѣ будетъ; для того и походъ свой мы медлимъ. Однакоже чаемъ, что приходомъ своимъ въ Люблинъ ускоримъ. Третьяго дня прибылъ къ намъ отъ его величества генералъ-маіоръ Гольцъ, который у насъ въ Кіевѣ былъ и привезъ ко мнѣ отъ его королевскаго величества, также и отъ Долгорукова, письма, въ которыхъ пишутъ, что подлинно король Шведской вступилъ въ Саксонію; а что̀ тамъ чинитъ, о томъ еще не вѣдомо. Однакоже королевское величество послалъ туда указы, чтобъ отнюдь контрибуціи ему не давать, хотя жестокія разоренія терпѣть; а наша партія отъ нихъ въ 15-ти миляхъ. Вчерашняго дня изъ мѣстечка Сакаль отпустили мы въ Кіевъ 11 пушекъ мѣдныхъ, которыя оставили въ томъ мѣстечкѣ Шведы, такимъ же образомъ какъ и въ Дубнѣ. — Я слышалъ, что помянутый мой шуринъ уже въ школѣ; того ради прошу, дабы ваша милость въ особливое свое призрѣніе его взялъ и надлежащее стараніе имѣлъ, чтобъ безпрестанно учился. Также какову книжку далъ препозитусъ женѣ моей, а именно Олексиконъ, изволь таковуюжъ прислать ко мнѣ немедленно".

Въ Люблинѣ Меншиковъ засталъ короля Августа. „Королевское величество, пишетъ Меншиковъ Петру, зѣло скучаетъ о деньгахъ [3]) и со слезами на одинъ у меня просилъ, понеже такъ обнищалъ: пришло такъ, что ѣсть нечего". Меншиковъ уже на столько былъ богатъ, что далъ королю взаймы собственныхъ денегъ 10 т. ефимковъ.

Бросая за собою обозы, Меншиковъ спѣшилъ нагнать отступавшаго непріятеля. 4-го Октября (1706) онъ былъ уже въ Петроковѣ и отсюда послалъ Петру въ подарокъ 20 бочекъ Венгерскаго вина, „которое, надѣюсь, что будетъ милости твоей благоугодно: понеже, чаю, что въ Петербургѣ такого вина нѣтъ".

15-го Октября Меншиковъ настигъ Мардефельта подъ Калишемъ и спѣшилъ успокоить княгиню свою, которая слѣдовала за нимъ въ обозѣ: „Непріятель отъ насъ стоитъ за рѣкою; для Бога, обо мнѣ не сумнѣвайтесь; во истинну, въ баталіи самъ не буду, и о томъ не печальтесь. Извольте къ намъ прислать сюда немедленно двѣ телѣги съ потребными намъ запасы, а которое что̀ взято съ нами, и то уже придержалось; а больше прикажите отпустить хлѣбовъ, понеже здѣсь въ томъ есть вящшая нужда".

18-го Октября, въ два часа по полудни, началось знаменитое Калишское сраженіе. Три часа бились Шведы, но наши взяли верхъ, и Шведы были сломлены; конница ихъ спаслась бѣгствомъ, а пѣхота вся побита; болѣе 4 т. Шведовъ и тысяча Поляковъ легло на мѣстѣ, остальные сдались на другой день. „Не въ похвалу себѣ вашей милости доношу, писалъ Меншиковъ Петру: такая была баталія, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле устлано мертвыми тѣлами.... Поздравляю васъ преславною викторіею и глаголю: виватъ! виватъ! виватъ! Дай Боже и впредь вашему оружію такое счастіе" [4]). За эту побѣду Петръ отблагодарилъ Меншикова подаркомъ трости, украшенной драгоцѣнными камнями: „сверху изумрудъ, по сторонамъ символы побѣдѣ приличные, и гербъ Меншикова финифтью" [5]). Король Польскій Августъ, съ своей стороны, пожаловалъ Меншикову вотчины Полонное и Межеричи [6]).

---

[3]) Петръ обязался платить Августу для Саксонскихъ войскъ 200 т. ежегодно.

[4]) Устряловъ, Исторія Петра В., т. IV, ч. I, стр. 527.

[5]) Въ расходной книгѣ Посольскаго Приказа, № 85, стр. 886, сохранился подробный счетъ, что̀ стоила эта трость—всего 3064 р., 16-алт., 4 деньги.

[6]) Грамота объ этомъ пожалованіи, въ переводѣ, хранится въ Архивѣ Мин. Иностр. Д. въ дѣлахъ Меншикова, св. 2, № 5.

Послѣ Калишской побѣды Меншиковъ отступилъ на зимнія квартиры на Волынь, въ мѣст. Жолквы. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ друга своего Шафирова [7]), котораго тревожило очень, что Меншиковъ титуловался свѣтлѣйшимъ, но не получалъ еще диплома отъ Австрійскаго двора. Шафировъ писалъ, что Прусскій посланникъ говорилъ ему подъ секретомъ, будто Меншиковъ не получитъ диплома на княжеское достоинство Римской имперіи, если не обратится къ посредничеству Прусскаго короля. Но опасенія Шафирова были напрасны: Меншикову прислали въ Жолкву изъ Вѣны ожидаемый дипломъ. Князь спѣшитъ успокоить своего друга: „Дипломъ мой, собственною его цесарскаго величества рукою подписанъ, и при томъ канцлеръ и тайный секретарь закрѣпили, какого диплому еще никому не давано... И посему самъ изволишь разсудить, какіе мнѣ друзья тѣ, которые такія пакости вамъ предлагали; нынѣ оные, чаю, услыша сіе, постыдятся“.

Дѣйствительно, едва ли кому выданъ былъ Австрійскимъ дворомъ дипломъ на княжеское достоинство подобный Меншиковскому. Въ этомъ дипломѣ утверждалось за княземъ его происхожденіе отъ благородной Литовской фамиліи, что было весьма важно для Меншикова и о чемъ хлопоталъ Гюйссенъ, который жилъ въ Вѣнѣ для разныхъ секретныхъ порученій и, будучи преданъ Меншикову, заботился о немъ. Это почетное происхожденіе Меншикова отъ благородной Литовской фамиліи перешло изъ Австрійской грамоты и въ Русскую, которая дана была Меншикову Петромъ въ 1707 г. на княжеское достоинство уже Россійское. Понятно, какъ обрадовался Меншиковъ Австрійской грамотѣ.

Въ Жолквѣ Меншиковъ получилъ свѣдѣнія, что союзникъ нашъ король Польскій Августъ, устрашенный вступленіемъ войскъ Карла XII въ Саксонію, тайно заключилъ съ нимъ миръ. Объ этой измѣнѣ Меншиковъ спѣшилъ дать знать Петру и вызывалъ его пріѣхать въ Жолкву къ Рождеству непремѣнно. Петръ въ это время не зналъ объ измѣнѣ Августа и 10-го Декабря 1706 выѣхалъ изъ Петербурга съ намѣреніемъ встрѣтить новый годъ въ Москвѣ; но въ Нарвѣ онъ получилъ чрезъ нарочнаго письмо отъ Меншикова съ извѣстіемъ объ измѣнѣ и отправился, минуя Москву, черезъ Кіевъ, въ Жолкву, куда и прибылъ 28 Декабря 1706. Здѣсь нашелъ онъ Меншикова грустнымъ и разстроеннымъ: князь получилъ извѣстіе, что Московскій его Слободской домъ сгорѣлъ до тла, со всѣми внутренними украшеніями и драгоцѣнностями въ кладовыхъ, стоившими большихъ денегъ. Австрійскій посланникъ Плейеръ, жившій въ Москвѣ, донося своему императору объ этомъ происшествіи, присовокупилъ, „что Московиты очень рады этому пожару, потому что въ этомъ пожарѣ они видятъ предзнаменованіе паденія временщика, припоминая, что у любимца царевны Софьи Алексѣевны, у князя Василья Васильевича Голицына, передъ его ссылкою въ 1689 году, сгорѣлъ также домъ въ Москвѣ“ [8]).

Петръ утѣшилъ своего любимца: подарилъ ему Лефортовъ домъ въ Москвѣ и 2000 р. на постройки. Меншиковъ сей же часъ написалъ Шафирову, чтобъ тотъ приказалъ передать управляющему дѣлами князя въ Москвѣ Лефортовъ домъ со всѣми внутренними принадлежностями и украшеніями [9]).

---

[7]) Шафировъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ.

[8]) Донесеніе Плейера у Устрялова т. IV, ч. 2, стр. 661.

[9]) Лефортовъ домъ былъ въ завѣдываніи Посольскаго Приказа, которымъ управлялъ Шафировъ. Меншиковъ писалъ къ нему о пожалованіи Лефортовскаго дома 7 Января 1707 года изъ Жолквы.

Въ день своего рожденія, 30 Мая 1707 г., въ м. Казимировѣ, Петръ пожаловалъ Меншикову княжеское Россійскаго государства достоинство и въ вѣчное владѣніе города Копорье и Ямбургъ. Дипломъ былъ подписанъ 1-го Іюня 1707 года, но пожалованіе состоялось ранѣе: сохранилась записка, свидѣтельствующая, что Петръ рѣшилъ пожаловать Меншикова въ князья еще 19 Мая [10]).

Изъ Казимирова Меншиковъ сопровождалъ Петра въ Люблинъ, а день имянинъ Петра, 29 Іюня, праздновали въ полумилѣ отъ Люблина, въ мѣстечкѣ Якобовичахъ. Въ этотъ день съ Меншиковымъ случилось непріятное происшествіе.

У него на квартирѣ, гдѣ жилъ и Петръ, собрались всѣ сопровождавшіе царя, для веселія. Между гостями былъ и Прусскій посланникъ Кайзерлингъ, который давно ожидалъ благопріятной минуты, чтобы попросить царя за брата дѣвицы Монсъ, которую онъ отвлекъ отъ Петра еще въ 1704 г. съ намѣреніемъ жениться на ней (что онъ и исполнилъ въ 1711 г.). Предварительно онъ спрашивалъ совѣта у Меншикова, и тотъ даже обѣщалъ ему склонять Петра дозволить, чтобы Монсъ вступилъ въ нашу службу. Кайзерлингъ разсчитывалъ, что въ этотъ день, въ веселую минуту, всего удобнѣе просить царя; но едва онъ началъ говорить о Монсѣ, Петръ съ раздраженіемъ отвѣчалъ ему, что онъ „воспитывалъ дѣвицу Монсъ для себя, съ искреннимъ намѣреніемъ жениться на ней, но такъ какъ она прельщена и развращена Кайзерлингомъ, то онъ ни объ ней, ни объ ея родственникахъ ничего ни слышать, ни знать не хочетъ". Словно онъ предчувствовалъ, что эти Монсы еще нанесутъ ему тяжкія сердечныя раны. Кайзерлингъ оправдывалъ дѣвицу Монсъ, а въ это время Меншиковъ, вмѣсто обѣщаннаго содѣйствія, началъ говорить, что дѣвица эта подлая, развратная и пр. Завязалась крупная перебранка; обѣ стороны разгорячились: Меншиковъ ударилъ Кайзерлинга въ грудь, а Кайзерлингъ далъ Меншикову пощечину. Кайзерлингъ схватился было за шпагу, но у него ее отняли во время перебранки. Царь былъ въ комнатѣ и спросилъ Кайзерлинга: что онъ затѣваетъ и не намѣренъ ли драться? Самъ я ничего не затѣваю, отвѣчалъ Кайзерлингъ, и драться не могу, потому, что у меня отняли шпагу; но если я не получу желаемаго удовлетворенія отъ вашего царскаго величества, то готовъ во всякомъ другомъ мѣстѣ драться съ княземъ Меншиковымъ". Тогда Петръ объявилъ, что самъ будетъ драться съ Кайзерлингомъ и обнажилъ свою шпагу, въ одно время съ Меншиковымъ.

---

[10]) Въ портфеляхъ Миллера. въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, хранится слѣдующая записка: „1707-го Мая въ 19 день пожаловалъ великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, по именному своему великаго государя указу, генерала главнаго отъ кавалеріи, Римскаго государства князя, Александра Даниловича Меншикова за многія его къ нему великому государю вѣрныя и усерднорадѣтельныя службы и храбрыя показанныя при знатныхъ акціяхъ воинскихъ дѣйствіяхъ искусства и умныя послуженія, велѣлъ ему на княженіе Россійское и Ижорское и на данныя ему князю Александру Даниловичу за оныя службы во владѣніе вѣчное города Копорье и Ямбургъ, дать свою великаго государя милостивую жалованную грамоту изъ своей государственной Посольской Походной Канцеляріи; а на дѣло къ той жалованной грамотѣ золотаго ковчега дать 110 золотыхъ червонныхъ, да за дѣло золотарю 11 золотыхъ червонныхъ да ефимокъ, да подмастерьямъ, которые для скорости онаго ковчега помогали, 8 рублей; моляру, которой писалъ въ той жалованной грамотѣ великаго государя персону и княжіе гербы, на золото и серебро творёное и краски 4 рубл.", и т. д. Всего къ этой жалованной грамотѣ израсходовано 121 золотой червонный, 40 ефимковъ, да денегъ 56 рублей 3 алтына 2 деньги, отъ расходу изъ Посольской Походной Канцеляріи".

Шафировъ бросался то къ Петру, то къ Меншикову, умоляя ихъ не оскорблять Кайзерлинга. Кончилось тѣмъ, что Кайзерлинга вытолкали изъ комнаты, а за дверьми и на дворѣ солдаты еще угостили Кайзерлинга толчками. Кайзерлингъ донесъ обо всемъ подробно Прусскому королю.

Это происшествіе ставило Петра въ самое непріятное положеніе къ королю Прусскому, которому также не приходилось ссориться съ Петромъ. Дѣло уладилось къ удовольствію обѣихъ сторонъ въ Варшавѣ: въ концѣ Августа 1707 года Кайзерлингъ написалъ царю повинное письмо, въ которомъ сознавался, что нѣкоторыя неумышленныя слова вырвались у него только вслѣдствіе недоразумѣнія и вспышки въ разгоряченномъ состояніи, отъ слишкомъ неумѣреннаго употребленія хорошаго вина; но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ наказать гвардейцевъ, толкавшихъ его съ лѣстницы и особенно того, который сильно ударилъ его два раза въ затылокъ такъ, что онъ едва не свалился съ ногъ. 1 Сентября (по новому стилю) Кайзерлингъ помирился публично съ Меншиковымъ, который принялъ его съ торжественною обстановкою на своей квартирѣ. Петръ былъ тутъ же и когда Кайзерлингъ благодарилъ за милость, онъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: „Богъ душу мою видитъ, какъ глубоко сожалѣю я о случившемся; но всѣ мы были пьяны, теперь же благодаря Бога все прошло и улажено". Въ 7 часовъ Кайзерлингъ обѣдалъ въ комнатѣ княгини Меншиковой; за столомъ были только Петръ, Меншиковъ съ женою, вдова княгиня Радзиввилъ, князь Долгоруковъ и генералъ Ренне. Петръ все время былъ чрезвычайно веселъ. На прощаньи Кайзерлингъ, отъ имени короля Прусскаго, просилъ Петра помиловать солдатъ, которые его толкали. Они были передъ этимъ отысканы и осуждены къ смертной казни. Петръ предоставилъ это на волю Кайзерлинга. На другой день, преступники, на мѣстѣ казни, были прощены Кайзерлингомъ, и онъ угостилъ ихъ водкою. (Извлечено изъ подробнаго донесенія Кайзерлинга Прусскому королю, напечатаннаго въ Русской Старинѣ 1872 г. Іюнь).

Въ Варшавѣ, въ концѣ Августа мѣсяца 1707 г., получено было извѣстіе, что Шведы перебираются изъ Саксоніи въ Польшу. Петръ выѣхалъ изъ Варшавы 4-го Сентября, а Меншиковъ остался еще нѣкоторое время подъ Варшавою со всею конницею, для наблюденія за непріятелемъ. Карлъ XII подвигался въ Польшу, наши отступали въ Литву. Петръ рѣшилъ: вывести наши войска изъ Польши, заманить непріятеля къ нашимъ границамъ и уменьшать силы его казацкими наѣздами и военными хитростями [11]). Но Карлъ XII не спѣшилъ къ нашимъ границамъ и пріостановился въ Польшѣ, грабилъ и разорялъ, а наши войска расположились на зимнихъ квартирахъ: Меншиковъ съ кавалеріею въ м. Дзенцолахъ, а фельдмаршалъ гр. Б. П. Шереметевъ съ пѣхотою въ Минскѣ. Петръ изъ Варшавы проѣхалъ въ Тыкотинъ, потомъ въ Гродно, за тѣмъ въ Вильну, а 12-го Октября, простившись съ княземъ Меншиковымъ въ мѣстечкѣ Меречѣ, уѣхалъ въ Петербургъ.

Никто не ожидалъ его въ парадизѣ. 23-го Октября Петръ, сюрпризомъ для всѣхъ, явился на вечеринку къ адмиралу Апраксину. 23-го Ноября, день имянинъ князя Меншикова, Петръ справилъ въ Петербургѣ со всею своею веселою компаніею. „Въ день вашего тезоименитства такъ веселились, писалъ онъ Меншикову (26 Ноября 1707), истинно по смерти господина Лефорта до сегодня такого не было веселаго дня, понеже уже въ третьемъ часу на другой день легли спать". Петръ послалъ Меншикову и подлинный актъ этого веселія, подписанный всѣми участниками

---

[11]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 232.

попойки. Характеръ нѣкоторыхъ подписей доказываетъ, что это веселіе было въ родѣ тѣхъ оргій, которыя совершались во имя Бахуса въ компаніи князя кесаря и князя папы [12]). Отпраздновавъ имянины Меншикова, Петръ отправился съ Екатериною въ Москву, гдѣ и справлялъ святки.

Меншиковъ въ походѣ тоже веселился, но весьма вѣроятно, не такъ разгульно, какъ Петербургская компанія. Живя въ Дзенцолахъ съ добродѣтельнѣйшею изъ женъ, съ княгинею Дарьею Михаиловною, Меншиковъ для веселья принужденъ былъ уѣхать въ Минскъ къ Шереметеву [13]). Но скоро пришло ему не до гулянья. Карлъ XII началъ подвигаться къ Сѣверу; наши отступали по направленію къ Гроднѣ. Меншиковъ и Головкинъ вызывали Петра пріѣхать поскорѣе къ войскамъ; Петръ не очень торопился. Секретарь посольской канцеляріи Василій Степановъ пишетъ къ Гаврилѣ Ивановичу Головкину изъ Москвы 29 Декабря 1707 года: „Доношенія ваши къ его величеству, въ двухъ пакетахъ присланныя, нимало медля подносилъ въ славленье, и не токмо тогда, но и на другой день, то есть вчерашняго дня по утру, не изволилъ принять, понеже забавны были пирами отъ славленья. И я испросилъ у его величества указъ, дабы повелѣлъ мнѣ оные распечатать и себѣ донесть, и на то всемилостивѣйше соизволилъ, однако выговоря, чтобъ ему тогда не доносить, до сегодняшняго утра. И потому его указу я вчерась оные распечатавъ выразумѣлъ въ нихъ зѣло важныя и нужныя къ респонсу и послѣдней резолюціи дѣла, а паче объ Августѣ. Того ради, кратко выписавъ себѣ на память, сего утра гораздо рано къ его величеству на дворъ свѣтлѣйшаго князя Московскій (гдѣ изволитъ въ сіи дни резидовать) пріѣхалъ и коего часу двигся, то обо всемъ ему порядочно внушилъ. И сказать изволилъ, что сіе дѣло великой ваги, для того-де подумать надлежитъ. И я, забывъ страхъ, просилъ его, чтобы всеконечно изволилъ, не опуская времени, выслушать; а потому изволилъ приказать мнѣ, чтобъ я утре рано въ Преображенскомъ на дворъ къ нему былъ, гдѣ сея ночи намѣренъ ночевать, понеже здѣшнія Московскія мѣста нынѣ отславятъ и будутъ славить утрѣ въ Слободѣ. Дай Господи Боже, чтобъ утрѣ, естьли самъ не изволитъ отвѣтствовать, чтобъ хотя мнѣ приказалъ. Я, мой милостивой государь, оныя ваши доношенія того ради къ себѣ взялъ и до другихъ рукъ не отдалъ, чтобъ скорѣе указъ исходатайствовать: ибо вижу я,

---

[12]) Письмо Петра къ Меншикову 23 Ноября 1707: „Господинъ князь, губернаторъ и генералъ! Въ сей день святаго Александра князя Россійскаго, вашего тезоименитаго, здѣсь въ дому вашемъ, по благодареніи Богу, веселимся, о чемъ пространнѣе скажетъ вамъ курьеръ Свѣчинъ. Дай Боже, чтобъ у васъ такое было веселье, какъ теперь у насъ въ семъ святомъ мѣстѣ. Впрочемъ желаемъ, дабы Господь Богъ вамъ благоволилъ здѣсь съ нами купно сей парадизъ въ радости видѣть въ долгія времена, и при семъ, поздравляя васъ симъ днемъ, подписуемся: Адмиралъ Апраксинъ, шаутбенахтъ графъ Иванъ Боцисъ, маіоръ Долгорукій, Александръ Кикинъ, Абрамъ Рссъ, Алексѣй Чоглоковъ, Гаврило Меншиковъ, Иванъ Кочетъ, Ѳедосей Скляевъ, архіерей Воронежской Талецкой Индрикъ, архидіаконъ Гедеонъ Шаховской; Санктпетербургской номинатъ Петро...дъ челомъ бью; Степанъ Бѣляевъ; игуменья съ сестрами; Иванъ Синявинъ, Ипатъ Мухановъ, Иванъ Татищевъ, Ѳедоръ Бартеневъ“ (въ Архивѣ Мин. Иностр. Д., между копій съ писемъ Петра Великаго).

[13]) Шафировъ, 15-го Декабря 1707 года, пишетъ изъ Минска къ своему шурину Степанову: „Князь его милость къ намъ сюда пріѣхалъ безъ княгини погулять и сталъ у фельдмаршала, и сегодня будетъ обѣдать у Гаврилы Ивановича, а завтра у меня“ (Письма Русскія, Архивъ Мин. Ин. Д.).

что и княжія письма, которыя онъ писалъ по возвращеніи своемъ изъ Минска, третій день не читаны и не вспоминаютъ объ нихъ, пока самъ вспомнитъ. Прежде помянутая княжая свѣтлость въ оныхъ письмахъ своихъ гораздо позываетъ отсюда его величество, чѣмъ, чаю, скорѣе побудить къ отъѣзду; однакоже еще намѣренія, въ коихъ числѣхъ идти, нѣтъ" [14])....

Петръ, не смотря на вызовы Меншикова, не торопится выѣхать изъ Москвы, славитъ и забавляется; письма Меншикова и Головкина изъ арміи лежатъ нераспечатанными, секретарь Степановъ, забывъ страхъ, умоляетъ Петра прочитать эти письма—и Петръ поручаетъ Степанову прочитать ихъ, самъ продолжая славить и забавляться! Какъ согласить это странное поведеніе Петра съ его неутомимою государственною дѣятельностію? На первый взглядъ, такое небреженіе къ важнымъ дѣламъ покажется страннымъ и даже непонятнымъ; но если вглядѣться пристальнѣе, то окажется, что это минутное отреченіе отъ занятій и было слѣдствіемъ неутомимой дѣятельности Петра: ему было необходимо отдохнуть отъ тѣхъ трудовъ, заботъ и всяческихъ непріятностей, которыя онъ выносилъ во время Шведской кампаніи. Страстная его, богатырская природа не могла удовлетвориться какимъ нибудь обыкновеннымъ, тихимъ отдохновеніемъ, и онъ отдыхалъ въ славленьѣ, въ веселіи. Онъ отдохнулъ, и 6-го Января, простившись съ Екатериною, въ тяжкомъ расположеніи духа, но съ прежнею энергіею, поскакалъ къ войскамъ и изъ Дзенцолъ вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ прибылъ 21 Января 1708 въ Гродну.

Въ это время княгиня Меншикова находилась въ Минскѣ въ страшномъ безпокойствѣ о мужѣ, который съ конными полками былъ въ постоянной опасности отъ непріятеля. Карлъ XII, узнавъ, что Петръ въ Гроднѣ, спѣшилъ захватить этотъ городъ. 25 Января, на канунѣ вступленія Шведовъ въ Гродну, Меншиковъ успокоивалъ жену: „Непріятель прежде нашего прихода сюда", писалъ онъ, „не въ дальнемъ было былъ разстоянія, и какъ мы сюда пришли, то непріятель паки назадъ поворотился. И такъ мы здѣсь, слава Богу, безопасны. Анна Даниловна! Варвара Михайловна! Унимайте того, кто труситъ, чтобъ больше не трусили". Но Шведы не только не отступили, но 26 числа вошли въ Гродну, два часа спустя послѣ выѣзда изъ города Петра и Меншикова. Петръ отправился въ Вильну, а Меншиковъ остался при кавалеріи и ежедневно доносилъ Петру о движеніяхъ непріятельскихъ и нашихъ войскъ.

27-го Января, изъ мѣстечка Озпора, отъ Гродны въ 3-хъ миляхъ, Меншиковъ доноситъ: „Сей часъ получена вѣдомость, что непріятель вчерась передъ вечеромъ къ Гроднѣ пришелъ, гдѣ наши послѣдніе командированные на силу успѣли черезъ Нѣманъ подъ Гродною перебраться и мосту предъ непріятелемъ нѣсколько разорить, отстрѣливаясь по возможности. Того же часу къ онымъ командированнымъ указъ посланъ, чтобъ они сію нощь предъ утромъ потщались на непріятеля ударить и мостъ въ конецъ разорить. Извольте ваша милость поспѣшать и послѣдующему за вами полку приказать, чтобъ такожде немедленно шелъ: ибо непріятель къ Нѣману съ пушками пришелъ, то не долго можетъ быть чрезъ Нѣманъ задержанъ".

Выступая изъ Гродны, Меншиковъ поручилъ бригадиру Миленфельдту удерживать до послѣдней крайности и не перепускать непріятеля черезъ Нѣманъ; но Миленфельдтъ не исполнилъ этого приказанія и, „не будучи тѣснимъ отъ непріятеля, не только двухъ дней, какъ ему было приказано, но ни одного дня при мосту не держалъ" [15]).

---

[14]) Русскія письма, картонъ 27, Архивъ Мин. Иностр. Д.

[15]) Письмо Меншикова къ Петру отъ 28 Января отъ Гродны въ 7 миляхъ. Государ. Архивъ: Письма Меншикова.

Меншиковъ арестовалъ Миленфелдта и отдалъ его подъ военный судъ, „по которому вѣроятно (писалъ онъ Петру) будетъ приговоренъ къ смерти, что должно быть исполнено здѣсь, для страха другимъ“. На другой день, изъ мѣстечка Заболоты, Меншиковъ сообщилъ Петру подробности о занятіи Гродны Шведами. „Посланъ былъ капитанъ съ 60-ти человѣками провѣдать, есть ли въ Гроднѣ Шведы и прислушась по голосу, что совершенно есть Шведы, то тотчасъ отважась спѣшилъ своихъ людей и, разорвавъ рогатки, вшелъ въ мѣсто и шелъ до самаго Доминиканскаго кляштора, гдѣ стоялъ князь Дармштадтскій и когда увидѣлъ, что при ономъ кляшторѣ стоитъ кавалерія Шведская, а именно 300 человѣкъ кирасировъ лейбъ-регимента, тотчасъ на нихъ ударилъ и съ 50 человѣкъ на мѣстѣ положилъ, да двухъ живыхъ взялъ, и того же часу назадъ возвратился: понеже вскорѣ тое тревогу услышавъ другіе стали секундовать. Но, когда тотъ нашъ капитанъ изъ Гродни, слава Богу, безъ всякаго съ своей стороны урону вышелъ, то помянутые взятые языки сказали, что на тотъ часъ самъ король Шведской былъ въ томъ кляшторѣ, при которомъ только 600 кирасировъ было... Несчастіе наше, что прежде посылки того капитана въ Гроднѣ не вѣдали о томъ, что король Шведской былъ тутъ; а ежели бы хотя во время той потребы тотъ капитанъ про то свѣдалъ, то бы самаго короля могъ свободно взять: потому что со многими драгунами, гонючи Шведовъ, въ самой кляшторъ въѣхалъ“.

Меншиковъ быстро отступалъ отъ Гродны, а Шведы также быстро гнались за нимъ. 31 Января, изъ мѣстечка Радумижа, онъ пишетъ къ Петру, что посылаетъ во всѣ окрестныя мѣста, въ сторону на пять и на шесть миль, уничтожать хлѣбные запасы, оставляя только что необходимо для аріергарда, и жители всѣ бѣгутъ отъ страха „кой куды врознь“; 4000 Шведовъ посланы въ слѣдъ за нимъ и въ прошлую ночь ночевали на нашемъ первомъ стану, въ Озерахъ. „Но какъ далѣе сею дорогою походъ свой продолжатъ, не вѣдаю, пишетъ Меншиковъ; развѣ Богъ дастъ имъ крылѣ и манну. Погода перемѣнилась: все идетъ снѣгъ при мѣрныхъ морозахъ, такъ что можно безъ нужды на саняхъ ѣздить. Но сіе время, какъ людей, такъ и лошадей зѣло изнуряетъ.. Лошадей какъ снѣгомъ, а паче вѣтромъ зѣло въ слабость приводитъ. Ежели непріятель со всею потугою за нами послѣдуетъ, и по указу вашему къ вамъ ѣхать ли, или здѣсь ради лучшаго распоряженія при семъ нужномъ времени быть?“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ просилъ жену не оставаться въ Минскѣ, а переѣхать въ Смоленскъ; „а при пѣхотѣ вамъ быть не для чего, понеже оная и туда и сюда будетъ обращаться“ [16]).

Повидавшись съ Петромъ 2-го Февраля въ Вильнѣ, Меншиковъ возвратился къ войскамъ; а Петръ, зная, какъ княгиня безпокоится о мужѣ, написалъ ей, что при прощаньѣ въ Вильнѣ, онъ говорилъ князю, „чтобъ берегъ себя, что у нихъ все благополучно и отъ князя получаетъ ежедневныя вѣдомости“ [17]).

Меншиковъ дѣйствительно съ каждаго перехода писалъ и къ Петру, и къ женѣ: перваго увѣдомлялъ о движеніи непріятеля и о своихъ распоряженіяхъ, а жену успокоивалъ, что здоровъ и все благополучно. 6-го Февраля, въ мѣстечкѣ Соль, Меншиковъ собралъ всѣхъ генераловъ и приказалъ на другой день передъ всѣми офи-

---

16) Письмо Меншикова отъ 31 Января 1708 изъ мѣст. Радумижа. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

17) Голиковъ, т. III, стр. 269.

церами объявить смертную казнь бригадиру Миленфелдту. Но въ эту же ночь бригадиръ бѣжалъ изъ подъ караула.

9-го Февраля изъ Маркова Меншиковъ увѣдомляетъ Петра, что непріятель „идетъ къ Минску и тутъ хочетъ имѣть съ нами сраженіе, а ежели тутъ баталіи не дадимъ, то намѣренъ прямо до Москвы идти. Въ провіантѣ и въ фуражѣ, сказываютъ, великая у нихъ нужда; только что гдѣ сыщутъ въ ямахъ да на кровляхъ соломы, тѣмъ и довольствуются. Я ко всѣмъ заднимъ своимъ писалъ указъ, чтобы и на кровляхъ соломы ничего не оставляли, для чего бы и хоромнаго строенія не щадили".

Тяжело было Шведамъ преслѣдовать насъ, но и нашимъ было не лучше. Мѣстные жители, передъ приходомъ нашихъ войскъ, убѣгали въ лѣса, а когда приходили въ слѣдъ за нашими Шведы, жители возвращались и „всякое довольство непріятелю чинили". Пасторы встрѣчали Шведовъ честно, какъ союзниковъ", а когда мы здѣсь куда ни пріѣдемъ (доноситъ Меншиковъ 10-го Февраля изъ мѣстечка Молодечны), такую намъ чинятъ пріязнь, что не томко въ деревняхъ ни единаго хлопа, но и въ панскихъ дворѣхъ никого не получаемъ, а провожатаго нигдѣ сыскать не можемъ: всѣ заранѣе, какъ могутъ, со всѣмъ по лѣсамъ убираются. Также видя то, что мы на панскихъ токмо дворѣхъ провіантъ и фуражъ пожигаемъ, то они съ панскихъ дворовъ все на хлопскіе дворы и въ лѣса развозятъ; а изъ сего можно признать, что всѣ здѣшніе обыватели больше къ непріятельской сторонѣ склонны и доброжелательны, нежели къ намъ. И для того я нынѣ разсудилъ ко всѣмъ своимъ заднимъ такой указъ послать, чтобъ вездѣ, гдѣ ни найдутъ, въ панскихъ или на хлопскихъ дворѣхъ, не токмо провіантъ и фуражъ, но и солому жгли все безъ остатку".

Придя 11 Февраля въ мѣстечко Левковъ, Меншиковъ хотѣлъ дать отдыхъ людямъ и лошадямъ, но получилъ увѣдомленіе изъ аріергарда, „что непріятель правою стороною съ великимъ поспѣшеніемъ идетъ и отъ насъ только въ четырехъ миляхъ, и какъ наши присмотрѣли, что во всю рысь Шведы бѣгутъ, чтобъ насъ отрѣзать. „Чего ради (донесъ Меншиковъ Петру) мы отсюда сего часу поднимаемся и пойдемъ до Плешеницъ, отсюда 7 миль; извольте и ваша милость быть во всякой осторожности и къ походу со всѣмъ изготовиться. А понеже непріятель, какъ по всему можно видѣть, правится къ Смоленску, то пѣхотѣ надлежитъ маршировать къ Копоси".

16-го Февраля Меньшиковъ пришелъ въ Борисовъ, гдѣ надѣялся соединиться съ фельдмаршаломъ Гольцомъ и на другой день сформировалъ отрядъ подъ начальствомъ генерала-маіора Флюта изъ 1500 драгунъ съ Калмыками и казаками, поручивъ ему „дойти до самаго непріятеля, а по случаю чинить промыслъ, гдѣ можно". Въ Борисовѣ онъ получилъ отъ Петра изъ Чашникова презентъ: лимонадъ Турецкой.—Въ Борисовѣ наши войска до того нуждались въ провіантѣ и въ фуражѣ, что принуждены были посылать отыскивать солому мили за три и за четыре, что заставило Меншикова покинуть Борисовъ и перейти въ Черей, 19 Февраля.

Изъ Борисова Меншиковъ послалъ женѣ въ подарокъ двухъ шляхтенокъ. „Одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть; такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселять, нежели попугай, и пока своихъ Богъ дастъ, что дай Боже счастливо дождаться, то по то время сею забавляйся. Изъ крупичатой муки велите напечь саекъ и кренделей по Московскому образцу немедленно и прислать къ намъ на-скоро. Такожде отпишите ко мнѣ, Венгерское отъ Рена въ Смоленскъ привезено ли, и сколько? Также посылаю къ вамъ шапку, которую дай Боже тебѣ счастливо носить; а что проситесь къ намъ, и въ томъ надобно еще потерпѣть, понеже мы здѣсь не на одномъ мѣстѣ стоимъ, все пе-

реходя изъ мѣста на мѣсто, ради лучшей выгоды людямъ и лошадямъ"... Но княгиня, живя въ Смоленскѣ, не утѣшалась шляхтянками: она постоянно въ тревогѣ, рѣдко получаетъ письма отъ мужа и просится пріѣхать къ нему. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Борисова Меншиковъ проситъ жену не безпокоиться и не тревожиться. „Для Бога не сумнѣвайтесь о томъ, ежели когда не часто пишу, что не за инымъ чинится, но токмо иногда путь намъ бываетъ не по почтовой дорогѣ; отъ того замедленія нашимъ письмамъ живётъ" [18]).

Между тѣмъ Петръ, въ виду наступательнаго движенія Шведовъ, принужденъ былъ оставить Вильну 4-го Февраля и 11-го прибылъ въ Чашниково. Въ этотъ день Шведы вступили въ Вильну. 20-го Февраля пріѣхалъ въ Чашниково Меншиковъ и съ согласія Петра вызвалъ къ себѣ княгиню: „Понеже опасности никакой здѣсь нѣтъ, а паче не могъ вашего непрестаннаго прошенія оставить, разсудилъ я васъ взять къ себѣ, и для того посылаю къ вамъ Антона (вѣроятно Девіера), которому наказано отъ насъ, куда васъ препроводить, и желаю, да дастъ Всевышній васъ въ радости видѣть. При семъ поклонъ отдаю Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ".

На канунѣ отъѣзда изъ Чашникова Меншиковъ послалъ въ Москву повелѣніе Петра: всѣ Ингерманландскія канцеляріи, бывшія въ завѣдываніи князя, соединить въ одну подъ названіемъ Ижорской, помѣстить ее на потѣшномъ дворѣ въ Кремлѣ. Онисимъ Щукинъ былъ назначенъ президентомъ оной; при немъ опредѣлены судьи: Василій Ершовъ по дворцовымъ и конюшеннымъ дѣламъ; Михаило Гуляевъ по сборамъ мельничнымъ, конскимъ, баннымъ и съ постоялыхъ дворовъ; Алексѣй Павловъ по рыбнымъ сборамъ. Дьяку Воинову, по прежнему, завѣдывать дворцовою кормовою канцеляріею; Степану Коровину управлять сѣдельными дѣлами, со всѣми принадлежащими къ нимъ драгунскими уборами; Алексѣю Синявину строевымъ платьемъ и сапогами. И быть имъ всѣмъ въ вѣденіи Ижорской канцеляріи, подъ командою Меншикова. (Приказныя дѣла 1708 въ Моск. Архивѣ М. И. Д). Изъ этого распоряженія видно, какой былъ обширный кругъ дѣятельности Меншикова, если прибавить къ этому завѣдываніе Петербургскою губерніею и распоряженія войсками во время войны.

Петръ не ошибся въ Меншиковѣ: князь въ походѣ неутомимо работалъ, и сохранившіяся бумаги доказываютъ, что онъ безъ замедленія разрѣшалъ всѣ присылаемыя ему донесенія. Онъ не умѣлъ писать и только подписывалъ: Александръ Меншиковъ; но на всѣхъ бумагахъ резолюціи писаны подъ диктовку секретаремъ его Воиновымъ, всюду его сопровождавшимъ.

25-го Февраля Меншиковъ отправился въ Черей, куда 29-го числа пріѣхала и княгиня съ своими подругами. 1-го Марта въ Черeѣ ночью, во время пожара, у князя сгорѣло собственныхъ его 60 лошадей. Увѣдомляя объ этомъ Петра, Меншиковъ писалъ: „но сей убытокъ надѣюсь отъ вашей милости получить, когда будемъ вашу милость до Санктпетербурга отправлять, что дай Боже счастливо" [19]).

Петръ, повидавшись съ Меншиковымъ въ Бѣшенковичахъ, 10-го Марта отправился въ Петербургъ. Меншиковъ остался при войскѣ и переѣзжалъ съ женою съ мѣста на мѣсто. Пасху встрѣтили они въ Могилевѣ. Карлъ XII былъ въ Минскѣ. Шпіоны передавали Меншикову, что Шведы терпятъ безмѣрный голодъ, „чему и вѣрить мож-

---

[18]) Письма Меншикова къ женѣ отъ 17 и 18 Февраля изъ Борисова. Москов. Арх. М. И. Д.

[19]) Письмо Меншикова къ Петру отъ 1 Марта 1708 г. Черей. Госуд. Архивъ.

но, писалъ Меншиковъ Петру изъ Могилева 12 Апрѣля, „ежели по настоящему времени разсудить, что хотябъ что какъ провіанту, такъ и фуражу по бокамъ и сыскать возможно, но за нынѣшнимъ всюду водоразлитіемъ развѣ по воздуху перевозить: ибо здѣсь отъ самаго Свѣтлаго Христова Воскресенья и по се число по вся дни и нощи шелъ дождь; но токмо сегодня Богъ намъ свѣтъ даровалъ, будто нарочно для насъ; понеже за такою мокрою погодою на сей недѣлѣ впервыя изъ мѣста сюда выѣхали съ господами генералами отчасти повеселиться. И понеже сіе мѣсто въ данной мнѣ съ Новогродской рады отъ Рѣчи Посполитой маетности (отъ Могилева въ полуторѣ мили) лежитъ, именуемое Полуковичи, того ради сего дня мы его окрестили и именовали Александровичами, гдѣ во имя Господне позабавилися, при семъ вашу милость и всей вашей компаніи упоминать не оставляемъ, какъ и сего часу про ваше здоровіе по нарочитому стакану пьемъ здѣшняго вина" [20]).

Въ Могилевѣ Меншиковъ заболѣлъ „гортанною болѣзнію", принималъ лѣкарства и къ 18 числу обмогся; на другой же день отправился онъ въ Старосель и въ иныя мѣста, осматривать наши полки по бригадамъ, пріѣхалъ въ Смоленскъ и, осмотря здѣсь больныхъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія о рекрутахъ и о полковыхъ припасахъ; 15 Мая возвратился въ Могилевъ и отсюда отдалъ всѣ приказанія къ сосредоточенію нашихъ войскъ въ разныхъ пунктахъ при р. Березинѣ, для воспрепятствованія Шведамъ переправиться черезъ нее. Главную квартиру свою 26 Мая перенесъ онъ въ Чашниково, откуда 27 Мая поздравилъ Петра съ днемъ его рожденія и послалъ отъ своихъ домашнихъ къ домашнимъ Петра нѣкоторый презентъ.

Въ Чашниковѣ Меншиковъ получилъ письмо отъ Петра съ увѣдомленіемъ, что князь пожалованъ въ чинъ капитана морскаго. Поздравляя Меншикова съ этимъ чиномъ, Петръ присовокупилъ въ письмѣ: „Дай Боже, чтобъ васъ по сему чину въ дѣйствіи видѣть" [21]). Меншиковъ отвѣчалъ: „и за то милости вашей моему государю паки благодарствую и желаю, да дастъ Вышній оную на морѣ заслужить" [22]).

Меншиковъ сторожилъ переправу Шведовъ у Борисова, но Карлъ XII обманулъ его и 14 Іюня въ ночь переправился черезъ Березину ниже Сапѣжинской Березины. 16-го Іюня Меншиковъ писалъ къ Петру изъ Толочина: „Непріятель со вчерашняго дня сталъ перебираться Березу ниже Сапѣжинской Березины въ 5 миляхъ, и понеже мы никогда въ ту сторону его марша не чаяли, но больше верховье Березы, такожe и Улу укрѣпили, то ниже Борисова одни только для вѣдомостей были малыя партіи. А чтобъ непріятелю переправу весьма запретить, и такова корпуса въ то мѣсто за дальностію послать было невозможно; а заранѣе того не учинено за тѣмъ, что непріятель все около Борисова и Березины являлся и всѣ шпиги [23]) сказывали, что при тѣхъ мѣстахъ хотѣлъ перебираться, къ которымъ со всѣмъ было корпусомъ уже приближился, и стрѣльба съ нашими объ рѣку была, гдѣ изъ нашихъ три человѣка козаковъ ранено. И видя, что тѣ обѣ переправы укрѣплены, то вдругъ оныя всѣ оставя, на помянутое мѣсто обратился. И тако мы пѣхотѣ всей купно и съ кавалеріею за непріятелемъ идти опредѣлили, а съ нѣкоторою частію кавалеріи будемъ непріятеля предварять и оному походъ запрещать, сколько гдѣ будетъ возможно; а понеже по вѣдомостямъ непріятель хочетъ ниже Быхова Днѣпръ перебираться, то совершенно я чаю, что пойдетъ на Кіевъ или на прочіе Малороссійскіе городы".

---

[20]) Госуд. Арх.: Письма Меншикова къ Петру.

[21]) Москов. Архивъ Имп. Ин. Д. Портфель Миллера № 240, ч. 1, № 6.

[22]) Госуд. Арх. Письмо Меншикова, 13 Іюня изъ Чашникова.

[23]) Шпиги — шпіоны.

Шведы подвигались къ Днѣпру, наши отступали, уклоняясь отъ генеральнаго сраженія; но положеніе было опасное, и княгинѣ невозможно было оставаться при войскѣ. Князь отправилъ ее въ Смоленскъ. На другой день отъѣзда княгини изъ Чашникова, Меншиковъ писалъ ей 15 Іюня изъ мѣстечка Черея: „Подтверждаю вамъ, дабы въ дорогѣ замедленія никакого не чинили и поѣзжайте прямо на Смоленскъ и къ намъ о своемъ состояніи почаще пишите. Анна Даниловна и Варвара Михайловна! Для Бога берегите и унимайте, чтобъ не плакала и не печалилась объ насъ, понеже мы никогда надлежащей осторожности имѣть не оставимъ". Княгиня исполнила приказаніе мужа, отправилась въ Смоленскъ, а отсюда переѣхала въ Горки. Сюда, въ въ началѣ Іюля, пріѣхали давнишнія ея товарки-дѣвицы, Катерина Алексѣевна и Анна Толстая.

Въ предшествующей главѣ мы оставили Екатерину, въ Октябрѣ 1706 года, въ Петербургѣ, куда она пріѣхала съ Петромъ изъ Кіева, послѣ свадьбы Меншикова. Въ началѣ Декабря она переѣхала въ Москву и здѣсь родила дочь Екатерину. Петръ получилъ извѣстіе объ этомъ въ Жолквѣ и 8 Января 1707 г. написалъ къ Екатеринѣ: „Госпожи тетка и матка! Письмо ваше, въ которомъ пишете о нововыѣзжей Катеринѣ, я принялъ. Слава Богу, что здорово въ рожденьи матери было. А что пишете къ миру (по старой пословицѣ) и ежели такъ станется, то мочно больше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ" [24]).

Въ Февралѣ 1707 г. Екатерина отправилась къ Петру въ Польшу и одновременно съ нимъ возвратилась въ первыхъ числахъ Декабря 1707 г. въ Москву, снова беременная. Мы видѣли, какъ Петръ медлилъ выѣздомъ изъ Москвы, не смотря на настоятельные вызовы Меншикова и Головкина изъ арміи. Война требовала его присутствія при войскахъ, и 6-го Января 1708 онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Смоленскъ, оставивъ записку: „ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которые нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою. Piter. Въ 5 д. Генваря 1708" [25]). Записка эта обличаетъ тревожное состояніе духа. Чего Петръ опасался? Что могло съ нимъ случиться волею Божіею? Несомнѣнно, что, привыкши принимать личное участіе въ сраженіяхъ и даже въ рукопашныхъ схваткахъ, Петръ, отправляясь на войну, думалъ о смертномъ часѣ и желалъ обезпечить женщину, которую онъ любилъ искренно и которая предалась ему вполнѣ и готовилась подарить его еще новымъ ребенкомъ. Въ началѣ Февраля 1708 г. она родила будущую царевну Анну Петровну. Петръ, изъ мѣстечка Думиловичь, 8-го Февраля 1708 г., привѣтствовалъ Екатерину письмомъ: „Матка и тетка, здравствуйте и съ нововыѣзжею Анною! Дай Боже всѣмъ здоровье" [26]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ вызывалъ Екатерину, по ея просьбѣ, пріѣхать въ Смоленскъ. Потомъ въ началѣ Марта онъ приглашалъ ее пріѣхать чрезъ Нарву въ Петербургъ [27]). 11-го Марта 1708 г. въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ онъ оставилъ армію, простился съ Меншиковымъ и поѣхалъ черезъ Псковъ и Нарву въ

---

[24]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 1.

[25]) Тамъ же № 4. Петръ назвалъ Катерину Василевскою потому, что она въ дѣтствѣ жила у тётки своей Марьи Веселевской, и отъ нея 12 лѣтъ взялъ ее Шведскій Маріенбургкій пасторъ Глюкъ, вмѣстѣ съ которымъ она попалась въ плѣнъ Русскимъ при взятіи Маріенбурга. См. Исторію Соловьева, т. XV. Примѣчаніе 210.

[26]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 6.

[27]) Тамъ же № 8.

Петербургъ [28]). 20-го Марта, въ самый день пріѣзда, онъ написалъ Екатеринѣ: „Тетка и матка, здравствуйте! Уже съ три недѣли, какъ отъ васъ вѣдомости не имѣю, а межъ тѣмъ слышу, что не очень у васъ здорово. Для Бога пріѣзжайте скоряй; а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ. А съ симъ письмомъ посланъ къ вамъ встрѣчь башмашникъ нашъ, понеже чаю, что вы уже въ дорогѣ. Дай Боже, чтобъ васъ видѣть въ радости скоряй. Piter. Изъ Санктъ-Питербурха, въ 20 д. Марта 1708, при самомъ пріѣздѣ сюды“ [29]).

Петръ грустилъ, тревожился и не безъ основанія: въ это время скончалась маленькая нововыѣзжая Екатерина. Самъ Петръ въ это время (въ началѣ Апрѣля) былъ очень боленъ. Его измучили лихорадка, гортанная и грудная болѣзни, кашель. 6-го Апрѣля онъ пишетъ къ Меншикову: „О себѣ же хотя бъ и не хотѣлъ вамъ писать, однакоже объявляю для того, чтобъ отъ постороннихъ инако вамъ къ пущей печали не разнеслось: ибо я паки проклятую лихорадку досталъ, которою всю страшную недѣлю мучимъ былъ и въ самый праздникъ чрезъ превеликую мочь токмо для людей у начала завтрени былъ. Нынѣ слава Богу, отъ оной свободился, токмо еще отъ Вербнаго Воскресенія и по сей день улицы не знаю. Надѣюсь завтра или Четвергъ выдтить. Сія лихорадка сама перестала безъ удерживанія лекарствъ, и злой матеріи много вышло. Къ тому же гортанная и грудная болѣзнь была не легче лихорадки, которою здѣсь почитай всѣ наперевалъ лежатъ. И хотя зѣло трудно терпѣть было, однакоже дохтуръ не нерадъ, что такая матерія вышла предъ начинаніемъ леченья отъ скорбутики, которое начнется съ 20 Апрѣля. Сіе о своей скорби и что нынѣ освободился, ей, истинно пишу; для Бога не подумай, что я васъ тѣмъ облегченіемъ утѣшалъ, но во истинну истинно есть; о чемъ печалиться, но и думать не надобно, но токмо Бога благодарить. И зѣло бъ я желалъ, чтобъ отъ васъ о вашей болѣзни ровное сему слышать, что дай Боже.... Сестра моя пріѣхала въ Ладогу, и прочихъ жду вскорѣ“ [30]). А между тѣмъ Меншиковъ сообщаетъ тревожныя извѣстія: Шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ. Петръ умоляетъ князя вызвать его къ арміи только въ крайней необходимости, когда уже Шведы начнутъ наступать на наши войска, „чтобы хотя мало исправиться отъ болѣзни: ибо сегодня (14 Апрѣля) отъ той еще только день, какъ сталъ на дворъ выходить. Также съ 20 дня сего мѣсяца буду починать лѣкарства принимать отъ скорбутики первыя, а въ концѣ сего мѣсяца или въ первыхъ Мая меркуріальныя, для которыхъ дохтуръ сказалъ десять дней не ходить тогда изъ хоромъ. А самъ ваша милость вѣдаетъ, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ: ибо безъ здоровья и силы служить невозможно. Но ежелибъ недѣль пять или шесть съ сего времени здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, то бъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы: понеже о времени томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь [31]).

Не смотря однако на свое болѣзненное состояніе, Петръ въ это время гулялъ по рѣкѣ въ вереѣ [32]), а 19-го числа поѣхалъ въ Шлиссельбургъ встрѣчать „свою фа-

[28]) См. Военно-походн. журналъ 1708 г., стр. 4.

[29]) Письма Русскихъ госуд., ч. I., № 7.

[30]) Письмо Петра къ Меншикову отъ 6 Апрѣля 1708 г. Москов. Арх. Мин. И. Д. См. также письмо Петра къ Головкину. Соловьевъ, т. XV, стр. 272.

[31]) Письмо Петра къ Меншикову. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.

[32]) См. Военно-походн. журналъ 1708 г.

милію", которая пріѣхала изъ Москвы взглянуть въ первый разъ на Петербургъ. Пріѣхали сестра Петра царевна Наталья Алексѣевна, царицы Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳедоровна и старшія царевны Іоанновны; пріѣхалъ и князь Ѳедоръ Юрьевичь Рамадановскій, также не бывавшій еще въ Петербургѣ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, старый слуга и дядька царскій. Съ ними пріѣхала и Екатерина. Петръ, какъ мы видѣли изъ письма его къ Меншикову, хотѣлъ съ 20 числа начать лѣченіе; но это было невозможно, потому что съ 19-го Апрѣля по 25-е число Петербургской Хозяинъ и гости принуждены были жить въ Шлиссельбургѣ, „за противною погодою и за льдомъ", который шелъ изъ Ладожскаго озера. 25 Апрѣля Петръ пріѣхалъ наконецъ съ гостями въ Петербургъ, показывалъ имъ городъ, крѣпость, а 2-го Мая повезъ ихъ въ море показать флотъ. 8-го Мая онъ началъ лѣченье и въ тотъ же день написалъ Меншикову: „Сегодня началъ меркуріальскія лѣкарства примать, и дохтуръ заперъ меня 12 дней неисходно. При семъ посылаю вашей милости презентъ, нѣсколько книгъ новой друки, которыя изволь себѣ и домашнимъ вашимъ употреблять, купно съ поклономъ отъ насъ. Такожъ посылаю нѣкоторые инструменты; а кто ихъ дѣлалъ, то изволите разумѣть изъ подписей на нихъ". 14-го Мая онъ снова пишетъ къ князю: „Время здѣсь пятой только день такъ стало, что назвать Маіемъ, а то все былъ Октябрь; я половину уже лечебныхъ трудныхъ дней препроводилъ, и такъ лекарство сильно, что обезсилѣлъ какъ младенецъ, однакоже съ помощію Божіею чаю добраго" [33]).

Петръ оправился, разъѣзжалъ по морю, 22-го Іюня получилъ отъ Меншикова письмо отъ 16-го Іюня, съ извѣстіемъ о переправѣ Шведовъ у Сапѣжинской Березины. „Сегодня конечно отъѣзжаю отсель къ вамъ, отвѣчалъ Петръ отъ 23-го Іюня. Получилъ я другое письмо, что непріятель васъ обманулъ и переправливается въ иномъ мѣстѣ Березу. А что тутъ же пишетъ ваша милость, что Шведъ намѣренъ Днѣпръ перейти ниже Быхова, и въ томъ я также боюсь, дабы равнымъ способомъ, какъ на Березѣ, васъ не обманулъ и отведчи къ Днѣпру, а самъ черезъ Двину къ Лукамъ и далѣе со всѣми войсками случится и отрѣжетъ. Больше писать не могу, но самъ поспѣшу; дай Боже въ радости видѣть, и прошу, ежели возможно, до меня главной баталіи не давать" [34]).

25 Іюня Петръ со всѣми своими гостями отправился въ Нарву, здѣсь отпраздновалъ свои имянины, а 30-го поѣхалъ въ армію съ Екатериною.

Между тѣмъ, послѣ переправы Шведовъ черезъ Березину, Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля подъ Головчинымъ, при переправѣ его черезъ болотистую рѣчку Бибичь. 3-го Іюля произошла битва, окончившаяся неудачно: Шведы, совершенно неожиданно, въ третьемъ часу ночи, въ туманъ и дождь, напали на дивизію князя Репнина, стоявшую на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, разгромили ее артилеріею и принудили въ безпорядкѣ отретироваться къ главной арміи, которая должна была отступить, не имѣя удобнаго мѣста, чтобъ вступить въ „генеральную баталію". Дивизія Меншикова отступила къ Шклову, Гольцъ къ Могилеву, Аллартъ и Флютъ къ Копоси. Шведы двинулись къ Могилеву. 6-го Іюля, въ Шкловѣ, собрались на военный совѣтъ: Меншиковъ, фелдмаршалъ Шереметевъ, министры графъ Головкинъ, князь Григорій Ѳедоровичь Долгорукій, генералы Гольцъ, Репнинъ, Аллартъ, Брюсъ, Ренъ, Дальбонъ. На совѣтѣ рѣшено было: по невозможности укрѣпить Могилевъ, оставить его и перебраться на сю сторону Днѣпра; всей кавалеріи

---

[33]) Письма Петра къ Меншикову. Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

[34]) Тамъ же.

и конной пѣхотѣ стать по Днѣпру отъ Шклова и Могилева и по возможности препятствовать непріятелю перейти черезъ Днѣпръ; пѣхотѣ всей идти къ Горкамъ съ артилеріею и обозами; а если нельзя уже будетъ воспрепятствовать непріятелю перейти черезъ Днѣпръ, то кавалеріи отступать въ порядкѣ къ Горкамъ и тамъ, соединясь съ пѣхотою, наблюдать, куда пойдетъ непріятель, въ Смоленскъ или къ Украйнѣ и, смотря по этому, „трудиться его упреждать".

9-го Іюля Петръ пріѣхалъ съ Екатериною въ Горки, а 10-го свидѣлся съ Меншиковымъ у Днѣпра, осмотрѣлъ полки и возвратился съ княземъ въ Горки. Карлъ XII занялъ Могилевъ, и въ ожиданіи прихода Левенгаупта и вѣстей о возстаніи Малороссіи, „стоялъ въ Могилевѣ смирно, безъ всякаго дѣйствія" [35]). Наша пѣхота и артиллерія собрались въ Горкахъ, а кавалерія, растянувшись по Днѣпру, наблюдала за непріятелемъ. Въ Горкахъ Петръ занимался ученіемъ Преображенскихъ солдатъ, которыхъ находилось тутъ три баталіона, и ежедневно отдавалъ пароли по войскамъ. Здѣсь же съ 17 Іюля начался кригсрехтъ (военный судъ) надъ генераломъ княземъ Репнинымъ, за его оплошность подъ Головчинымъ. Презусомъ кригсрехта былъ Меншиковъ. Мы сообщимъ нѣсколько суточныхъ приказовъ, отданныхъ Петромъ въ Горкахъ [36]). „18 Іюля пароль: Шлюссельбургъ. Лозунгъ: Кроншлотъ. Офицеры должны по утру и вечеромъ повѣрять наличность солдатъ, которымъ запрещено отлучаться отъ роты. Лошадей въ хлѣбъ не пускать. 22 Іюля. Пароль: Благодаримъ тебѣ. Лозунгъ: Боже. Пушки отослать всѣ къ артилеріи; у Преображенскаго полка оставить 1 пушку и при ней 3 заряда; пополуночи въ 7-мъ часу будетъ благодарственный молебенъ. Въ 9-мъ часу полкамъ быть всѣмъ въ строю и чтобъ было у мушкетеровъ по три патрона безъ пуль; быть въ готовности къ смотру, такожде и къ ученью, ежели повелитъ царское величество учить. 27 Іюля. Пароль: дай Боже. Лозунгъ: добрыя вѣдомости. Царскому величеству знамя не развертывать и въ барабанъ похода не бить. 28 Іюля пароль: Никто. Лозунгъ: какъ Богъ. Отнюдь при баталіи синихъ кафтановъ не надѣвать. 30 Іюля. Пароль: Азовъ. Лозунгъ: Троицкой. Будетъ погода и доброе ведро, будетъ дивизію господина генерала фелдмаршала и военнаго кавалера господина Шереметева царское величество смотрѣть.

4-го Августа получено было извѣстіе, что непріятель подъ Могилевымъ перебрался черезъ Днѣпръ. Въ тотъ же день тяжелая артилерія отправлена въ Смоленскъ; туда же отвезена и Екатерина съ Анисьею Толстою и княгиня съ Варварою Михайловною и съ Анною Даниловною.

7-го Августа Петръ отдалъ пароль: Со святымъ духомъ. Лозунгъ: Совершаемъ. Въ походъ на всякъ часъ были бы въ готовности".

Непріятель подвигался къ намъ. 8-го Августа пароль: „Дай Боже. Лозунгъ: Счастіе". 10-го Августа наши выступали въ походъ. Пароль: „Люди. Лозунгъ: веселитеся. Чтобъ въ каждой ротѣ осѣдлано было 30 лошадей, а тѣ бы люди не раздѣвались, и ружье бы было при нихъ, а достальные лошади разсѣдлывали, а по утру съ свѣтомъ вдругъ были всѣ осѣдланы". Карлъ XII двинулся къ Мстиславлю, наши къ нему на встрѣчу. 12-го Августа въ Мстиславлѣ Петръ отдалъ пароль: „Что приказано. Лозунгъ: управляйте".

---

[35]) См. Военно-походн. журналъ 1708, стр. 12.

[36]) Выписано изъ кабинетныхъ дѣлъ Госуд. Архива, II отдѣл., кн. 8-я.

Карлъ XII не пошелъ къ Сѣверу, а направился на Югъ къ Чирикову; наши слѣдовали за ними; Шведы искали сраженія, и 29 Августа обѣ арміи встрѣтились у мѣстечка Добраго. Наканунѣ Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ мѣстечка Злочева: „Мы здѣсь вкупѣ съ господиномъ полковникомъ, при помощи Божіей, въ добромъ пребываемъ состояніи, и во всемъ у насъ слава Богу суть благополучно. Отпустилъ я къ вамъ двухъ человѣкъ, вышедшихъ изъ Шведскаго войска, одного пажа, другаго камердинера, на которыхъ извольте приказать сдѣлать платье Нѣмецкое; и какъ дѣлано будетъ, о томъ извольте ко мнѣ отписать. При томъ поклонъ отдаю Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ, такоже тётушкѣ и Катеринѣ Алексѣевнѣ“. Любопытенъ характеръ Меншикова: въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, наканунѣ сраженія, онъ заботится, чтобъ пажъ и камердинеръ одѣты были въ Нѣмецкое платье и еще требуетъ объ этомъ отвѣта отъ жены.

Въ сраженіи при Добромъ, 29-го Августа, наши не уступили Шведамъ и дрались такъ молодецки, что Петръ писалъ: „Какъ я началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!), и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отыми милость Свою отъ насъ впредь“ [37]). Петръ поспѣшилъ увѣдомить и Екатерину объ успѣхѣ: „Правда, что я, какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однакоже сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса изрядно станцовали. Однакожъ больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ [38]). Отдайте поклонъ княгинѣ и прочимъ“ [39]). Меншиковъ, съ своей стороны, на другой день сраженія, писалъ къ княгинѣ: „Два письма ваши, одно отъ 26-го, другое отъ 27-го дня сего Августа, изъ Смоленска писанныя, получили; за которыя, а паче за присылку стакана и платья, также за яблоки и прочее, что противъ тѣхъ вашихъ писемъ въ цѣлости любезно мы приняли и насупротивъ того иного ничего послать къ вамъ не имѣемъ токмо за лучшій презентъ посылаю къ вамъ добрыя вѣдомости, что сего числа, милостію Божіею и счастіемъ оружія царскаго величества, непріятельскую аванъ-гардію, какъ отъ сего мѣста, такъ и отъ непріятельскаго главнаго корпуса за полъ-мили стоящую, весьма сбили, и многихъ Шведовъ на мѣстѣ положили, о чемъ подлинная вѣдомость вскорѣ будетъ. И сею викторіею васъ поздравляемъ. Что же вы на сей день прислали платье новое, и то будто вѣдали, что къ сему особому торжеству, за что вашей милости паки благодарствую, и дай Боже и впредь ваши презенты при такихъ счастіяхъ получать“. Княгиня прислала и для Петра платье; Меншиковъ поднесъ это платье полковнику и увѣдомилъ княгиню, что Петръ поручилъ ему благодарить ее за презентъ. „Только впредь не велите такъ нашивать петель, чтобъ между трехъ по одной оставливать: для того, что господинъ полковникъ жаловать того не изволитъ“.

Послѣ сраженія при Добромъ, наши войска отступили снова къ Мстиславлю: 30 Августа получено было извѣстіе, что Левенгауптъ изъ Лифляндіи спѣшилъ соединиться съ Карломъ XII. Собрался военный совѣтъ, и рѣшено было не допускать этого слученія. Фельдмаршалъ Шереметевъ, съ главнымъ корпусомъ, остался дѣйствовать противъ Карла XII, а Петръ съ Преображенскимъ, Семеновскимъ и другими полками отправился противъ Левенгаупта. Между тѣмъ Меншиковъ распоряжался уничтоженіемъ хлѣбныхъ запасовъ въ окрестностяхъ. 8-го Сентября, изъ Пурыгина, онъ пишетъ Петру: „Отъ насъ непріятель не подалеку обрѣтается, а именно въ одной

---

[37]) Соловьевъ, т. XV, стр. 281.

[38]) Преображенскій полкъ.

[39]) Письма Русскихъ государей, ч. 1, № 9.

только милѣ отсюда обозъ свой сего числа построилъ, и отъ нашей партіи часовые съ ихъ часовыми, почитай, въ виду стоятъ; что же надлежитъ о жженіи, и того мы весьма добрымъ окомъ смотримъ, для чего опредѣлилъ я трехъ прапорщиковъ въ валентеры, придавъ каждому по сту человѣкъ Татаръ, а имянно единаго Стоянова за собою по сему тракту, а другихъ Путятина и Крюкова по обѣимъ сторонамъ до десяти миль, которымъ, подъ потеряніемъ живота, указъ данъ, ежели хотя единую соломину оставятъ,и для увѣренія еще будемъ за ними посылать офицеровъ съ драгунами“ [40]).

14-го Сентября Карлъ XII., не дождавшись Левенгаупта, двинулся въ Украйну, пославъ приказаніе Левенгаупту спѣшить къ Стародубу. Причины движенія Карла XII въ Украйну были: недостатокъ въ провіантѣ, надежда на возмущеніе въ Малоросіи, возможность близкаго сношенія съ Крымскимъ ханомъ и привлеченіе его на свою сторону [41]). Но это движеніе погубило отрядъ Левенгаупта. Петръ съ Меншиковымъ догнали Левенгаупта 27 Сентября при деревнѣ Долгіе Мхи. „Передовые наши конные полки сошлись съ непріятелемъ и стрѣлялись изъ пушекъ черезъ переправу, которой стрѣльбы не вытерпя непріятель уступилъ и прошелъ къ Пропойску лѣсами и трудными дефилеями“ [42]). Меншиковъ, по обыкновенію, въ трудныя минуты спѣшилъ рано утромъ 28 Сентября успокоить княгиню письмомъ: „А что не часто къ вамъ пишемъ, о томъ не сумнѣвайтесь, понеже то не ради чего чинится, но токмо для того, что почты отъ насъ къ вамъ не поставлено, о чемъ напредь сего мы писали и всегда принуждены нарочныхъ къ вамъ посылать. Большая препона въ провозѣ къ вамъ нашихъ писемъ чинится, что опасно одиночествомъ курьеровъ посылать: многихъ бьютъ мужики по лѣсамъ“.

Наши перешли рѣчку, и 28 числа въ часъ по полудни, недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсномъ началось сраженіе. Шведовъ было 16 тысячь, нашихъ 14 т. Сраженіе продолжалось восемь часовъ; Шведы то отступали, то нападали, наконецъ наши сломили ихъ и побили на голову. 8000 Шведовъ легло на мѣстѣ, обозъ изъ 2000 телегъ, 16 пушекъ, 42 знамя и поле со всѣмъ остались за нами. Шведы побѣжали къ Пропойску; наши, преслѣдуя ихъ, еще положили 500 человѣкъ на мѣстѣ и взяли остальной обозъ съ 3000 телѣгъ. Шведы переправились вплавь черезъ р. Сожу, и Левенгауптъ, съ остаткомъ своего отряда, присоединился къ Карлу XII безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ [43]). Меншиковъ спѣшилъ увѣдомить княгиню: „Какимъ образомъ вчерашняго дня, чрезъ помощь Божію, счастіемъ же оружія царскаго величества, здѣсь надъ непріятелемъ викторію мы одержали, о томъ извѣстны будете изъ письма господина полковника, нынѣ къ вамъ посланнаго. Надлежитъ вамъ чрезъ письмо поблагодарствовать господина полковника за то, что онъ при томъ случаѣ изволилъ меня беречь и отъ себя никуда не отпускалъ. При семъ отдаю поклонъ тётушкѣ съ маткою, также Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ [44]).

---

[40]) Письма Меншикова къ Петру. Государ. Архивъ.

[41]) Соловьевъ, т. XV, стр. 281.

[42]) Военно-походной журналъ 1708 г., стр. 25.

[43]) Соловьевъ, т. XV, стр. 282, 283.

[44]) Меншиковъ называлъ маткою Екатерину, также какъ и Петръ называлъ ее въ своихъ письмахъ до Сентября 1711 года, а послѣ этого времени Петръ писалъ ей: „Катеринушка, другъ мой“. Смотри Письма Русскихъ государей, ч. 1.

Побѣда подъ Лѣснымъ дала поводъ князь-папѣ Никиту Моисеевичу Зотову повеселиться, какъ слѣдуетъ, и изъ Почепа, гдѣ онъ находился тогда съ ближнею канцеляріею, онъ написалъ Петру: „Нашего смиренія священнѣйшему протодіакону господину архиполковнику П. А. отъ Господа Бога миръ, здравіе, благоденствіе съ пріумноженіемъ всякихъ благъ желаемъ и отъ нашей мѣрности вамъ купно съ свѣтлѣйшимъ княземъ и при васъ всѣмъ будучимъ благословеніе преподаемъ. Поздравляю вашу милость съ премногимъ нашимъ сердечнымъ радованіемъ Богомъ дарованною викторіею надъ непріятелями, о которой увѣдомясь отъ посланнаго вашего г. Озерова, неизрѣченною радостію душевно и телѣсно обрадовалися и во всемъ всякаго чину и возраста, якобы обновленіе себѣ воспріяли и предъ твоимъ Богомъ дарованнымъ въ той побѣдѣ многимъ трудомъ, яко древле Давыдъ предъ сѣннымъ ковчегомъ, веселыми ногами скачуще играемъ и Господа Бога молимъ, дабы милостивыми Своими щедротами, яко Давыду же на Голіаоа, на прегордаго Шведа даровалъ побѣду и одолѣніе. О сей радости по молебномъ пѣніи, на всенародное веселіе, а непріятелю на страхъ, была пушечная и мелкаго ружья трекратная стрѣльба, а при обѣдѣ г. фельдмаршала довольно угощены и, поздравляючи васъ и оружіе ваше и самихъ себя, отъ горячаго и лознаго вина и отъ протчихъ питей удовольствовались гораздо. Smirenny Anikit власною рукою. Изъ Почепа, Октября 8 дня 1708 г.“ [45]).

Послѣ дѣла подъ Лѣснымъ, Петръ 1-го Октября простился съ Меншиковымъ и поѣхалъ въ Смоленскъ. Меншиковъ съ кавалеріею пошелъ къ Гомелю. „А что нынѣ, къ вамъ вкупѣ съ господиномъ полковникомъ не поѣхалъ (писалъ Меншиковъ къ женѣ 1-го Октября изъ Лѣснаго), и о томъ не сумнѣвайтесь: остался здѣсь для нужды на нѣкоторое малое время, а именно токмо провожу драгунскіе полки до Украйны и вскорѣ надѣюсь при помощи Божіей къ вамъ быть, о чемъ и отъ господина полковника увѣдомитесь. Ежели отъ насъ письма не часто будутъ ходить, и о томъ не печальтесь, для того, что путь будетъ не ближайшій“. Меншикову приказано было идти съ кавалеріею въ Украйну на встрѣчу гетману Мазепѣ и съ нимъ вмѣстѣ возвратиться въ главную армію для совѣщаній. 19-е Октября Меншиковъ прибылъ, послѣ трудныхъ и тяжелыхъ переходовъ, въ мѣстечко Горскъ, и здѣсь племянникъ Мазепы Войнаровскій сообщилъ ему, что Мазепа отчаянно боленъ и уѣхалъ въ Борзну „для освященія масломъ, гдѣ ждетъ его Кіевскій архіерей“. Меншиковъ поскакалъ въ Борзну, но на дорогѣ встрѣтился съ полковникомъ Анненковымъ, который сказалъ ему, что Мазепа уѣхалъ въ Батуринъ; Меншиковъ ѣдетъ въ Батуринъ и здѣсь 26-го Октября узнаетъ, что Мазепа отправился съ 2000 своихъ козаковъ къ Карлу XII-му. Меншиковъ спѣшилъ увѣдомить объ этомъ Петра, который тогда находился въ мѣстечкѣ Погребкахъ, по сю сторону р. Десны и сторожилъ движенія Шведовъ, стоявшихъ на другой сторонѣ рѣки. 26-го Октября получилъ Петръ отъ Меншикова извѣстіе объ измѣнѣ гетмана и тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Меншикова. 30-го Октября пріѣхалъ князь въ Погребки и здѣсь, въ тотъ же день, на военномъ совѣтѣ рѣшено: Меншикову съ частію войскъ отправиться въ Батуринъ и завладѣть этою столицею гетмана, прежде нежели придутъ въ этотъ городъ Шведы съ Мазепою.

На долю Меншикова досталось важное и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное порученіе: къ Батурину спѣшилъ уже Мазепа съ Шведскими войсками. Меншиковъ не теряя времени: 31 Октября онъ пришелъ къ Батурину и засталъ здѣсь князя Дмит-

---

[45]) Государств. Арх. Каб. д. отдѣл. II, кн. 7, стр. 934.

рія Михайловича Голицына, который велъ переговоры съ осажденными. Но переговоры эти ничѣмъ не кончились, и 2-го Ноября въ 8 ч. утра Батуринъ былъ взятъ приступомъ, городъ и хлѣбные магазины сожжены, богатая гетманская казна захвачена.

Взятіе и погромъ Батурина, гдѣ находились главные соумышленники Мазепы, имѣли великое значеніе. Малороссія не взбунтовалась, какъ ожидалъ Карлъ XII, какъ приготовлялъ ее къ тому Мазепа, и пошла съ нами противъ Шведовъ. Нельзя разгадать тѣхъ послѣдствій, которыя могли бы оказаться, если бы Мазепа со Шведами занялъ свою столицу Батуринъ прежде Меншикова и, взбунтовавъ Малороссію, усилилъ бы Шведское войско своими казацкими полками. Меншикову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну принадлежитъ честь, если не спасенія Россіи отъ Шведскаго разгрома, то во всякомъ случаѣ рѣшительнаго и счастливаго поворота войны. Петръ благодарилъ Меншикова за взятіе Батурина, въ короткихъ, но знаменательныхъ словахъ: „Вамъ зѣло благодарны, паче же Богъ мздовоздаятель будетъ вамъ". Мазепинскія имѣнія: село Ивановское съ деревнями было пожаловано въ тоже время Меншикову [47]).

Взятіе Батурина, спокойствіе въ Малороссіи, выборъ новаго надежнаго гетмана [48]) утѣшили Петра, и ему захотѣлось подѣлиться радостію съ Екатериною, а князю съ княгинею. 12 Ноября 1708 года Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ Глухова: „Желаемъ васъ здѣсь скоро видѣть, и для того извольте изъ Сѣвска ѣхать къ намъ на̀-скоро, на легкѣ, взявъ съ собою тётушку и съ маткою, а тяжелый обозъ оставьте позади и велите съ нимъ ѣхать сюдаже исподволь; для скораго вашего пріѣзду поставлено въ Сѣвску и отъ Сѣвска сюды на половинѣ дороги по 30 лошадей и для провожанія по 10 человѣкъ драгунъ; прочее желаю, да дастъ Всевышній васъ здѣсь счастливо видѣть".

Катерина Алексѣевна, Дарья Михайловна и компанія свидѣлись съ своими „любезными и дорогими", потомъ остались въ Путивлѣ, а Петръ съ Меншиковымъ отправился въ Ольшанку [49]). Отсюда 21 Ноября Меншиковъ написалъ къ женѣ: „Понеже мы день тезоименитства моего намѣрены быть въ селѣ Марковкѣ, того ради и вы извольте ѣхать въ тоже село, въ которое имѣетъ васъ провести сей денщикъ... При семъ маткѣ и тёткѣ, также и Аннѣ Даниловнѣ и Варварѣ Михайловнѣ, каждой особливой поклонъ отдаю". Меншикову хотѣлось отпраздновать свои имянины, по принятому тогда обыкновенію, фейерверкомъ; онъ послалъ къ генералу Брюсу, стоявшему съ артилеріею въ Визѣ, нарочнаго съ просьбою объ изготовленіи фейерверка. Брюсъ отвѣчалъ ему: „Буду, колико возможно, тщиться къ набиранію маленькаго фейерверка къ завтрешнему дню тезоименитства вашего, однакоже не могу вашу свѣтлость подлинно обнадежить верховыми ракетами, понеже единой въ готовности не имѣемъ, токмо обрѣтается при насъ нѣсколько швермеровъ и лустъ-кугеловъ и шлаховъ, которые завтра на вечеръ будутъ привезены въ село Марковку; чего ради прошу вашей свѣтлости, дабы двора два или три были отведены въ ономъ, гдѣ бы оныя вещи

---

[46]) Соловьевъ, т. XV, стр. 332.

[47]) Соловьевъ, т. XV, стр. 340.

[48]) 7-го Ноября въ Глуховѣ былъ избранъ въ гетманы на мѣсто Мазепы полковникъ Стародубскій Скоропадскій. См. Воен. поход. журналъ 1708 г., стр. 29.

[49]) Екатерина сопровождала армію безъ дочери: Анна Петровна оставалась въ Москвѣ. Это видно изъ письма царевича Алексѣя Петровича къ Екатеринѣ изъ Москвы отъ 28 Декабря 1708 года. Онъ пишетъ: „Аннушка въ здравіи". Устряловъ, Исторія Петра В., т. VI, стр. 310.

возможно было приправить". (Рукопись библіотеки Академіи Наукъ. Дѣла Меншикова, кн. № 5., стр. 694). Фейерверкъ состоялся—любопытный фейерверкъ зимой, на морозѣ и въ самой близости непріятеля [50])! Княгиня, отпраздновавъ имянины мужа въ Марковкѣ, подъ прикрытіемъ конвоя изъ 50 драгунъ въ тотъ же день отправилась въ Сумы.

Новый 1709 годъ Петръ, Меншиковъ „и вся любезная компанія" встрѣтили въ Сумахъ. Отсюда князь отправился въ Ахтырку съ кавалеріею, а княгиня осталась въ Сумахъ. Она была беременна. По прежнему князь ежедневно, изъ похода, пишетъ къ женѣ письма и успокоиваетъ ее, что здоровъ и все въ добромъ состояніи и опасаться нечего; по прежнему и въ походѣ занимается мелочными домашними дѣлами. 15 Января, изъ Ахтырки, пишетъ къ женѣ: „Просилъ насъ здѣсь Смоленскій шляхтичь Энгилертъ (Энгельгардтъ), дабы ему позволить жениться на Полькѣ Шевлевицевѣ, которая служитъ при нашемъ домѣ, а нынѣ въ Ивановскомъ. И ежели вамъ нужды въ ней нѣтъ, то извольте ей позволить, что̀ отдаю на вашу волю". По прежнему княгиня высылаетъ мужу разные презенты, между прочимъ муфту для холоднаго времени; по прежнему, не смотря на беременность, она просится пріѣхать къ нему, тоскуетъ и плачетъ. 22-го Января пріѣхалъ изъ Сумъ въ Ахтырку адъютантъ Антонъ Девіеръ и разсказалъ, какъ „вся компанія" кручинится и плачется. Меншиковъ пишетъ къ Варварѣ Михайловнѣ: „Увѣдомился я отъ Антона, что вы печалуетесь, что̀ вамъ не надлежало бы дѣлать, а надобно скакать да плясать и княгиню забавлять, дабы не печалилась. И печалиться вамъ не о чемъ, понеже за помощію Божіею и за вашими молитвами въ добромъ обрѣтаемся мы здравіи и, чаю, къ вамъ вскорѣ буду". Но княгиня была настойчива и продолжала проситься къ мужу. Соскучился и самъ князь, при томъ сдѣлался боленъ „гортанною болѣзнію" и 28 Января изъ Ахтырки написалъ къ женѣ: „Извольте ѣхать къ намъ въ Ахтырку съ полковникомъ, а буде онъ туда идти не изволитъ, то поѣзжайте вмѣстѣ съ пѣхотою; ежели царевичь государь изволитъ вскорѣ идти, то попросите, чтобъ оставилъ при васъ дохтура Блюментроста на время".

Петръ дѣйствительно собирался въ это время выѣхать изъ Сумъ, гдѣ его задерживала болѣзнь царевича Алексѣя Петровича, который привелъ въ Сумы изъ Москвы рекрутъ. Въ концѣ Января царевичъ началъ выздоравливать. Петръ 3-го Февраля выѣхалъ изъ Сумъ, но княгиня не могла уже ѣхать съ нимъ, а осталась съ Екатериною въ Сумахъ. Петръ пріѣхалъ въ Ахтырку 4 Февраля и „изволилъ кушать у его княжей свѣтлости и зѣло изрядно изволили веселиться", писалъ 5 Февраля къ княгинѣ секретарь Меншикова Алексѣй Волковъ изъ Ахтырки. 6-го Февраля Петръ отправилъ Меншикова въ Сумы за Екатериною. 7-го Февраля Меншиковъ пишетъ Петру: „Вчерась сюда въ 3-мъ часу по полудни пріѣхалъ и здѣсь и тётку и матку засталъ, которыхъ съ собою возьму. Сынъ вашъ, слава Богу, въ здравіе приходитъ; однакоже надобно ему здѣсь на недѣлю мѣста остаться. А понеже здѣсь никого не останется, и для того капральству Преображенскимъ я здѣсь остаться приказалъ, пока онъ во всецѣлое здравіе придетъ. Мы отсюда сего часу отъѣзжаемъ и надѣемся при помощи Божіей въ Бѣлгородъ въ будущую Среду стать" [51]). 9-го числа пріѣхалъ Меншиковъ со всею компаніею въ Бѣлгородъ; пріѣхалъ и Петръ изъ Ахтырки, а въ ночь Дарья Михайловна подарила князя сыномъ. Петръ окрестилъ новорожденнаго, далъ ему двойное имя Лука-Петръ, произвелъ въ поручики Преображенскаго полка и,

[50]) Военно-поход. журналъ 1708. г., стр. 31.

[51]) Госуд. Архивъ, письма Меншикова къ Петру, 1709 г.

уѣзжая съ Екатериною въ Воронежъ 11-го Февраля [52]), оставилъ записку Меншикову: „Новорожденному Лукѣ-Петру дарую, яко крестнику своему, сто дворовъ на крестъ; а гдѣ, то даю на вашу волю, гдѣ вамъ понадобится“ [53]). Меншиковъ чрезъ нѣсколько времени написалъ Петру: „Деревни способной во сто дворовъ не изыскалъ, а сыскалъ деревню во 150 дворовъ“ и просилъ деревню эту отдать ему, а за излишніе 50 дворовъ взять съ него деньги. Петръ отвѣчалъ ему: „о деревнѣ будь по вашему прошенію, а вычту въ тѣ поры, какъ Богъ дастъ вамъ другаго сына“ [54]). Митрополитъ Новгородскій Іовъ, которому сообщено было изъ Бѣлгорода о рожденіи князя Луки-Петра, разослалъ окружную грамоту по всей епархіи, съ приказаніемъ: „о свѣтлѣйшемъ князѣ господинѣ Александрѣ Даниловичѣ и о новорожденномъ сынѣ его и о всемъ богоблагословенномъ домѣ его, въ молебномъ прошеніи и въ обычайныхъ эктеніяхъ, имена ихъ поминать во всей страны той эпархіи нашей, наипаче же въ его княжей землѣ, Копорскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ, нынѣ и впредь во всѣхъ приходскихъ церквахъ, безъ всякія лѣности и небреженія“ [55]). Самъ Меншиковъ, 12-го Февраля изъ Бѣлгорода, написалъ своему управляющему: „Кузьма Думашевъ! объявляю вамъ, что Господь Богъ, по неизреченнымъ Своимъ щедротамъ, даровалъ намъ сына, которому наречено имя Лука-Петръ; чего ради объявите во всѣхъ нашихъ вотчинахъ сущимъ іереямъ, дабы неизвычайными молитвами его поминали“.

13-го Февраля Меншиковъ простился съ женою и отправился къ арміи въ Богодуховъ; вслѣдъ за нимъ княгиня послала ему презентъ отъ имени новорожденнаго: платье и перстень. Меншиковъ отвѣчаетъ: „Про ваше и про сыновнее здравіе, здѣсь (письмо изъ Богодухова, 18-го Февраля) въ прилучившейся компаніи по нарочитому стакану вина во имя Господне выпили и желаемъ, дабы Богъ сподобилъ самихъ васъ въ добромъ здравіи видѣть. И когда возможно вамъ будетъ ѣхать, изволь ко мнѣ отписаться: тогда я нарочнаго пришлю по васъ. P. S. А именно путь вамъ будетъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ. При семъ объявляю, что непріятель, потревожась отъ насъ, такъ побѣжалъ къ Полтавѣ, что чрезъ двѣ великія рѣки вплавь плылъ и нѣсколько пушекъ и многіе возы въ водѣ потопилъ; и такъ здѣсь у насъ, слава Богу, во всемъ благополучно“.

Къ этому времени пріѣхалъ въ Богодуховъ изъ Сумъ царевичь Алексѣй Петровичь для сдачи остальныхъ рекрутъ, приведенныхъ имъ изъ Москвы. 19-го Февраля, въ день рожденія царевича, у него была пирушка, и пили за здоровье княгини и новорожденнаго князя Луки-Петра; а на другой день Меншиковъ „съ компаніею былъ на вечеринкѣ у генерала-маіора Гинтера; всѣ бывшіе на банкетѣ написали княгинѣ Меншиковой привѣтствіе: „при подписаніи сего съ компаніею здѣшнею, при банкетѣ у г. генерала-маіора Гинтера обрѣтаемся и всею при томъ компаніею нашею за здравіе ваше по келишку [56]) выпили, и во свидѣтельство того ниже сего всѣ подписуются своими руками, вашей свѣтлости поздравляя на многія лѣта: слуга вашъ князь А. Репнинъ. За здравіе князя Луки-Петра Александровича пилъ слуга его Яковъ Брюсъ; баронъ Петръ Данбонъ; нижайшій слуга желаю здравія А. Головинъ. При покорномъ поздравленіи вашей свѣтлости вашъ нижайшій и покорный

[52]) Военно-поход. журналъ 1708 г., стр. 2.

[53]) Арх. Моск. Ин. Д. Дѣла Меншикова 1709 г. № 3.

[54]) Тамъ же, св. 2. № 1.

[55]) Тамъ же, св. № 3.

[56]) Келишка—помалороссійски рюмка, отъ Нѣмецкаго Kelch.

и послушный слуга Куракинъ; нижайшій вашъ слуга князь Петръ Голицынъ. Вашего сіятельства послѣдній рабъ Ефимъ Зыбинъ".

Петръ изъ Воронежа присылалъ Меншикову наставленія, какъ дѣйствовать противъ Шведовъ и между прочимъ прислалъ ему семь бочекъ пива Воронежскаго и три бочки полпива, а самъ просилъ о присылкѣ вина Венгерскаго. 24-го Февраля Меншиковъ писалъ ему изъ Богодухова: „Непріятель около Опошни и Будищъ обрѣтается. Что изволишь писать, чтобъ намъ лѣвую руку у непріятеля брать, и у насъ полки разставлены еще до того вашего письма лѣвою стороною до самаго Перекопа, откуда и я въ 4-хъ миляхъ стоять буду; что же изволишь упоминать о винѣ, и я, ежелибъ послѣднее что имѣлъ, отъ всего сердца радъ бы послать, да и у самихъ ни капли: все Ренскимъ забавляемся, въ которомъ, чаю, и милости вашей безъ нужды" [57]).

Разлитіе рѣкъ остановило военныя дѣйствія, и Меншиковъ, въ началѣ Марта, нашелъ возможнымъ съѣздить къ Петру въ Воронежъ. Разставшись съ женою въ Харьковѣ, 12-го Марта изъ мѣст. Липцы, онъ писалъ къ женѣ, чтобъ она не огорчалась, „понеже, ежели услышу, что ты будешь печалиться, то какая и мнѣ въ то время будетъ радость? А буде ты не будешь печалиться, то и мнѣ будетъ веселѣе. Для Бога не изволь имѣть нималой печали, дабы отъ того, какъ твоему, такъ и моему здоровью какова вреда не приключилось".

13-го Марта Меншиковъ пріѣхалъ въ Воронежъ, явился къ государю, навѣстилъ царевну Наталью Алексѣевну и участвовалъ въ попойкахъ на кораблѣ, „гдѣ довольно веселились, писалъ Меншиковъ женѣ, и про ваше здоровье пили" [58]).

19-го Марта, день имянинъ княгини, Меншиковъ послалъ ей изъ Воронежа въ презентъ алмазный перстень и собачку, подаренную ему княземъ Васильемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, „которая, чаю, будетъ вамъ угодна, а перстень дай Боже счастливо и при добромъ здравіи носить". Имянины своей княгини Меншиковъ отправилъ въ Воронежѣ публичнымъ банкетомъ, „на которомъ, при помощи Божіей, изрядно и благополучно веселились, гдѣ и про ваше здоровье пили".

Пробывъ въ Воронежѣ у Петра до 2 Апрѣля, Меншиковъ возвратился въ Харьковъ и нашелъ княгиню больною: „вновь фебра и горячка явилась", писалъ онъ Петру 4-го Апрѣля, „да и мнѣ приключилась прошлогодняя скорбь, такая же какъ въ Горкахъ была, а имянно брухъ, о которомъ и сами ваша милость извѣстны, и нынѣ принужденъ лѣкарства принимать. Однакоже надѣюсь на милость Создавшаго насъ чрезъ недѣлю отъ того свободиться" [59]). Оправившись отъ болѣзни, 12 Апрѣля Меншиковъ поѣхалъ въ Богодуховъ „для мунстированія полковъ" и отсюда донесъ Петру (14-го Апрѣля): „отъ непріятеля никакого дѣйствія не слышимъ, токмо въ старыхъ мѣстахъ обрѣтается на квартирахъ. Погода стоитъ прекрасная, но трава еще мала; по утрамъ холодно", а потому полагаетъ войска вывести въ поле на святой недѣлѣ. „Котельниковскіе и другіе тутошные" казаки и жители просили позволенія „промышлять надъ непріятелемъ". Меншиковъ позволилъ и обѣщалъ имъ по пяти рублей награжденія за каждаго плѣннаго рядоваго Шведа и все имущество плѣннаго. „Инфантерію мунстировалъ; оная, какъ я вижу, зѣло мундиромъ и одеждою обносилась, да и жалованья на нѣсколько мѣсяцовъ съ Москвы не

[57]) Госуд. Арх. Письма Меншикова къ Петру 1709 г.

[58]) Письмо Меншикова къ женѣ отъ 24 Марта 1709 изъ Воронежа. Москв. Архивъ Минист. Ин. Д.

[59]) Госуд. Арх. Письма Меншикова къ Петру.

прислано; такожъ и полатокъ ни въ которомъ полку нѣтъ". Князь проситъ Петра написать къ Стрѣшневу о скорѣйшей высылкѣ денегъ.

Выѣхавъ изъ Богодухова, Меншиковъ доноситъ изъ Сѣннаго: „Вчерашняго дня (16 Апр.), послѣ осмотру дивизіи моей, въ самое угодное время, стали солдаты палить залфъ. Получили отъ генерала-лейтенанта Рение извѣстіе, что 11-го Апрѣля 4000 Шведовъ и 3000 Запорожцевъ, переправясь черезъ Ворсклу, атаковали нашу кавалерію, но были побиты. Наши взяли въ плѣнъ подполковника, маіора, 4-хъ капитановъ, поручика, двухъ корнетовъ и нѣсколько урядниковъ и рядовыхъ. Непріятель побѣжалъ за Ворсклу. Нашихъ убитыхъ сосчитали на полѣ 40 человѣкъ, а Шведовъ 800". Возвратясь въ Харьковъ, Меньшиковъ встрѣтилъ здѣсь съ женою Свѣтлое Воскресенье въ тотъ же день простился съ нею и уѣхалъ къ войскамъ, которыя тогда же выступили „въ поле", въ походъ.

„Непріятель тому пятый день пришелъ къ Полтавѣ (пишетъ Меншиковъ Петру 5 Мая, изъ обозу отъ Ворсклы), облокировалъ городъ и шанцы повелъ, а вчерашняго дня получили мы отъ коменданта Келина письмо, что шанцы подъ самой ровъ приведены, и бомбандируетъ, но не гораздо жестоко: въ сутки бомбъ по пяти бросаетъ, а оной комендантъ при помощи Божіей доброй отпоръ чинитъ". 8-го Мая изъ обозу отъ Ворсклы Меншиковъ снова доноситъ Петру: „По полученнымъ вѣдомостямъ отъ Полтавы, что непріятель оную крѣпость уже нѣсколько разъ жестокимъ приступомъ атаковалъ и хотя съ великимъ урономъ отбитъ и чрезъ вылазки многихъ людей потерялъ, однакоже до сего времени помянутой городъ въ крѣпкой блокадѣ держится, для чего я заблаголразсудилъ, дабы сильную какую подвесть надъ непріятелемъ диверсію и оной крѣпости отдыхъ учинить", и 6-го Мая собраны были на военный совѣтъ генералы князь Репнинъ, Брюсъ, Ренцель, Белингъ, Данбонъ, Шамбургъ. На совѣтѣ рѣшено: за милю внизъ рѣки Ворсклы сильной партіи конной и пѣшей переправиться и идти къ Опошнѣ, подъ командою генерала Белинга; другой партіи подъ командою генерала квартирмейстера здѣсь въ лицѣ непріятеля черезъ мостъ перебираться и непріятеля въ ретраншаментѣ атаковать, а генералу Белингу въ тоже время велѣно сзади наступать; а потомъ, когда чрезъ мостъ наши перебралися, ординована нѣкоторая часть кавалеріи подъ командою г. генерала-маіора Шомбурга и полковника Кропотова идти подъ Будище и „атаковать незапнымъ нападеніемъ гауптъ-квартиръ непріятельскую, гдѣ измѣнникъ Мазепа обрѣтался. По которому предложенію, противъ 7-го Мая до свѣта, съ Божіею помощію зачали войска наши чрезъ мостъ въ лицѣ непріятеля переходить, и хотя безмѣрно великія болота и глубокія воды наша конница многажды и вплавь перебираться принуждена, однакоже изряднымъ порядкомъ, не смотря на всѣ трудности и жестокой пушечной огонь, безъ медленія прямо на непріятельской ретраншаментъ, въ которомъ 4 шквадрона конницы и 300 человѣкъ пѣхоты обрѣтались, войска наши пошли и Божіею милостію единою шпагою изъ ретраншамента выбили и принудили бѣжать. По этой тревогѣ всѣ Шведскіе полки, бывшіе въ Опошнѣ, а имянно 3 конныхъ и 2 пѣшихъ, выступили на сикурсъ и въ ордеръ-баталіи построились. Однакоже и тѣ, по первомъ огню, не дождавшися шпажнаго бою, съ великою конфузіею и стыдомъ убѣжали въ городъ. Еслибы въ это время, какъ было предположено, могъ подоспѣть генералъ Белингъ, то ни одного бы человѣка изъ этого отряда не спаслось бы. Болѣе 400 ч. непріятелей легло на мѣстѣ; брошено ими 2 мѣдныхъ пушки, 1 знамя драгунское, 2 барабана; также взято въ плѣнъ 1 маіоръ, 3 капитана, 1 поручикъ, 1 прапорщикъ, 4 квартирмейстера, и со 150 человѣкъ драгунъ и солдатъ живыми побрано; да въ тоже время нѣсколько сотъ бѣдныхъ

подданныхъ людей освобождено, которые отъ непріятеля, для всякой работы, загнаны были изъ разныхъ мѣстъ. Наши войска за непріятелемъ подъ самую городовую стѣну гнались, гдѣ непріятель всѣ предмѣстья сжегъ и со всею конницею и пѣхотою въ замокъ ушелъ. Чего ради, съ господами генералы княз Репнинымъ и съ г. Брюсомъ, къ помянутому городу Опошнѣ самъ пошолъ и, осмотря все расположеніе оной крѣпости, изобрѣли нѣкоторую трудность, что оное мѣсто штюрмовать безъ урону многихъ людей не мочно; а потому, такожъ получивъ подлинную вѣдомость, что король Шведской въ 7 полкахъ на сикурсъ спѣшитъ и что въ Будищахъ непріятель сильно стоитъ, послалъ я контръ-ордеръ къ г. Шамбуру; а въ Опошенской замокъ пометавши нѣсколько десятковъ гранатъ, велѣлъ воинскимъ порядкомъ отступить и прочіе ихъ кругъ города разставленные рогатки и полисады зажечь, и ретраншаментъ разрыть, и войскамъ нашимъ въ обозъ возвращаться. Что видя непріятель и получа себѣ сикурсъ, паки выступилъ и строю нашему помѣшку учинить хотѣлъ, но весьма наступать не осмѣлился и за пушечною стрѣльбою назадъ уступить принужденъ".

Послѣ дѣла при Опошнѣ, Меншиковъ послалъ къ женѣ своей „любительнѣйшій презентъ, которой взятъ на бывшей викторіи у непріятеля" [60]) и еще послалъ ей Арапа. „Извольте сдѣлавъ (ему) хорошее платье и убравъ хорошенько, женить на большой Арапкѣ и къ намъ о томъ отписать". Княгиня послала мужу кафтанъ, пиво, медъ и изъявляла желаніе поскорѣе свидѣться. „Что же изволите требовать о свиданіи съ нами, отвѣчалъ Меншиковъ, и то при помощи Божіей надѣюсь, что вскорѣ совершится, токмо дай Боже счастливо; при семъ посылаю свое благословеніе сыну нашему любезнѣйшему, которому отъ сердца своего желаю и прошу Всевышняго, да удостоитъ его Своею милостію и да дастъ ему по желанію нашему, намъ же въ общее увеселеніе".

Между тѣмъ Петръ 7-го Апрѣля выѣхалъ изъ Воронежа въ Азовъ, встрѣтилъ здѣсь Пасху и въ тотъ же день отправился въ Троицкой. „О себѣ объявляю (писалъ онъ къ Меншикову 4-го Мая), что я съ перваго числа сего мѣсяца началъ принимать лѣкарство, которое зѣло дѣйствуетъ, понеже здѣшній воздухъ жаркой оному помогаетъ; и неисходенъ пребывать буду изъ дому до 10-го числа, пока сіи сильныя лѣкарства употреблять буду, и чаю съ помощію Божіею къ 15 числу сего мѣсяца изъ лѣкарства вытить и готовъ быть къ вамъ ѣхать, чего ради извольте къ тому числу лошадей отъ Изюма до арміи поставить и людей, дабы могъ на почтѣ отъ Изюма ѣхать". „Лѣкарство мое зѣло дѣйствуетъ (пишетъ Петръ 5 Мая), только я отъ него какъ ребенокъ безъ силы сталъ; однако чаю, когда выду изъ лѣкарства, то сіе безсильство съ помощію Божіею въ пользу будетъ".

Петръ не зналъ еще о диверсіи Меншикова подъ Опошнею и, заботясь объ освобожденіи Полтавы, самъ даетъ совѣтъ Меншикову сдѣлать эту диверсію. „Въ осадѣ Полтавской (пишетъ онъ къ князю 9-го Мая изъ Троицкаго) гораздо смотрѣть надлежитъ, дабы оная съ помощію Божіею конечно свобождена (была) или по крайней мѣрѣ безопасно было отъ непріятеля, къ чему предлагаю два способа: первое нападеніе на Опошню и тѣмъ диверсію учинить; буде-же то невозможно, то лучше притить къ Полтавѣ и стать при городѣ по своей сторонѣ рѣки (какъ было у Новгородка Сѣверскаго), понеже сіе мѣсто зѣло нужно; и также и Левенцову жену, ежели еще тутъ, велѣть вывесть, и симъ способомъ непріятель достать его не можетъ; ибо

[60]) Письмо Меншикова отъ 11 Мая; но изъ письма не видно, въ чемъ заключался этотъ „презентъ".

всегда возможно въ городъ людей прибавливать и амуниціи. Прочее дается на ваше доброе разсужденіе. О себѣ я объявляю, что я отъ жестокихъ лѣкарствъ и заключенія ежедневнаго свободился вчерась и почалъ примать легкія лѣкарства, которыхъ дохтуръ сказывалъ еще десять дней примать надлежитъ, которыя, слава Богу, хотя зѣло хорошо дѣйствовали, однакожъ такъ сталъ безсиленъ какъ ребенокъ. Предъ симъ писалъ я къ вамъ, что съ пятаго на десять числа поѣду къ вамъ, но нынѣ не чаю ранѣе двадцатаго: первое, что самъ слабъ; другое, что лошади подъ баталіонъ меньше недѣли какъ съ Валуекъ погнали сюды: ранѣе 20 дней не будутъ". — 15-го Мая Петръ снова пишетъ Меншикову о защитѣ Полтавы: „Что же о Полтавѣ, и то нынѣ подтверждаю, что лучшебъ вамъ къ оному городу приступить чрезъ рѣку отъ непріятеля со всѣми и помочь городу чинить, понеже сіе мѣсто зѣло нужно, какъ самъ можешь знать, куды надлежитъ и фелдмаршалу быть; и сіе, сколько я могу разумѣть, кажется изъ лучшихъ не послѣднее дѣло. Впрочемъ же, яко заочно, полагаюсь на ваше разсужденіе".

Въ это время Меншиковъ исполнялъ уже предположенія Петра. „О сикурсѣ въ Полтаву доношу вашей милости (письмо отъ 16 Мая изъ обозу отъ Полтавы), что такожъ изряднымъ способомъ учинился, и вчерашней почи 1200 человѣкъ со всею къ осадѣ потребною аммуниціею, о которой писалъ г. комендантъ, что самую крайнюю нужду имѣетъ, тако счастливо въ городъ проводили, что хотя и безмѣрно чрезъ трудныя переправы и болота сіе учинилось, однакоже ни одного человѣка при томъ случаѣ въ уронѣ не имѣемъ, за что непріятель великимъ сердцемъ и злобою помщенія надъ городомъ искать хотѣлъ, но добрымъ порядкомъ отбитъ; нынѣ же землею городъ хочетъ засыпать, а именно валомъ, а я надѣюсь, что и то вскорѣ покинетъ. Армія наша все еще подъ Полтавою: до письма, по желанію вашей милости, стало. И подѣланы по сей сторонѣ нѣкоторые редуты и мосты чрезъ рѣку, и строимъ линію комуникаціи".

Меншиковъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ Петра и между тѣмъ ежедневно переписывался съ женою. 17 Мая онъ пишетъ ей: „Еще счастіе того не имѣю, дабы васъ, любезнѣйшаго моего друга, при себѣ могъ видѣть, и о томъ не мало я соболѣзную; но надѣюсь, что вскорѣ то учинится, а нынѣ сами изволите разсудить, что тому статься неможно, понеже и другія здѣсь бывшія принуждены въ Харьковъ ѣхать и отселѣ на малое время отлучиться. При семъ посылаю Шведскихъ двѣ пушки и знамя, которыя взяты въ послѣдней потребѣ подъ Опошнею. Извольте любезнѣйшему нашему сыну приказать, чтобъ онъ при пришествіи его царское величество съ вами встрѣтилъ. Вамъ же любезнѣйшему нашему другу паки предаемъ поздравленіе и вручаемъ васъ въ сохраненіе Всевышнему". На другой день, 18 Мая, опять письмо: „Писаніе ваше, отъ 16 дня сего мѣсяца писанное, я получилъ, за которое, а особливо за приложеніе къ тому письму руки сына нашего, благодарствую и посылаю свое отеческое ему благословеніе. Изъ одного вашего письма выразумѣлъ я, что сынъ нашъ еще не больно писать умѣетъ и точки непротивъ силы ставитъ, и для того разсуждаю, не лучше ли ему еще потвердить своей науки; а когда выучится, тогда ежели додастъ Богъ, и кончая что вскорѣ видѣть васъ надѣюсь. Не погнѣвайтесь, что худо подписано, понеже за ваше здравіе при отпускѣ сего изрядно веселились. При семъ благодарствую за присылку Ренскаго, церковнаго, цыплятъ и рѣдки; и впредь не оставляйте". Зять Меншикова Головинъ находился въ это время въ Полтавскомъ гарнизонѣ. 19 Мая Меншиковъ сообщилъ непріятную объ немъ новость: „Третьяго дня нашъ швагеръ господинъ бригадиръ Головинъ, выступивъ противъ непріятеля, многихъ благополучно снесъ, но своимъ зѣло горячимъ поступкомъ въ несчастіе при-

шелъ, ибо лошадь подъ нимъ убита и отъ непріятеля въ неволю взятъ, о чемъ изволите сестрѣ нашей о томъ извѣстить, обнадежа ее, что вскорѣ такой случай получимъ онаго освободить и обмѣнить. P. S. А именно сестрѣ помалу скажите, потому что вы и сами знаете, какова состоянія онъ человѣкъ былъ".

22-го Мая Меншиковъ доносилъ Петру изъ обозу отъ Полтавы: „Непріятель подъ Полтавою нынѣ весьма смирно стоитъ, а партіи наши повседневно, гдѣ могутъ, непріятеля утомляютъ и конницу непріятельскую на ноги поставляютъ, ибо такого дня нѣтъ, чтобъ отъ непріятелей къ намъ лошадей не отгоняли. Впрочемъ съ великимъ желаніемъ ожидаемъ вашей милости къ намъ скораго прибытія, за которымъ и вящшаго счастія во всѣхъ нашихъ дѣлахъ надѣемся". Въ тотъ же день Меншиковъ послалъ къ женѣ два цуга лошадей, „одинъ къ сыну, а другой къ вамъ, изъ которыхъ пѣгихъ [61]) подарилъ намъ Шведскій генералъ Крузъ. Извольте приказать сыну нашему на оныхъ ѣздить. Также извольте сестрѣ моей Марьѣ на расходъ выдать денегъ ста два, понеже вѣдаю, что не безъ нужды есть. При семъ же къ сыну своему посылаю свое благословеніе. P. S. Когда увѣдаете, что царское величество вскорѣ прибудетъ, тогда извольте къ намъ нарочнаго прислать, а сына нашего пошлите и сами поѣзжайте съ пушками и знамемъ его царскаго величества встрѣтить".

„Мы надѣемся, писалъ Меншиковъ женѣ 26 Мая, что его царское величество на сихъ дняхъ къ вамъ прибудетъ; чего ради изволите при пришествіи его оному донести, что мы писали къ вамъ, дабы изволили сюда ѣхать и что въ отвѣтъ получите, ожидаю отъ васъ любезнѣйшаго друга моего извѣстія. Потому же извольте въ готовности быть, дабы по отъѣздѣ его величества на другой день къ намъ выѣхать; намъ же о вашемъ походѣ дайте безпрестанно вѣдомость, на которыя мѣста и гдѣ повсядневно ваша станція будетъ, чтобы мы о томъ всемъ извѣстны были. И сколь скоро его величество къ вамъ прибудетъ, о томъ отпишите къ намъ чрезъ нарочнаго.... P. S. Варварѣ Михайловнѣ поклонъ; хотѣлъ было послать канцелярскихъ презентовъ, да вѣдаю, что вскорѣ съ нами увидитесь: того ради оное оставилъ. Какъ приведутъ изъ Азова лошадь, извольте оную къ намъ съ собою привесть. Господинъ фельдмаршалъ Шереметевъ со всѣмъ къ намъ будетъ кончая въ завтре. Да пришлите сюда къ намъ Колмыка съ арфою, которой у Гурчина".

Въ это время, 31 Мая, Меншиковъ получилъ отъ Петра письмо изъ Змѣевки: „Объявляю вамъ, что я сего момента пріѣхалъ сюды. А ночевать буду за двѣ мили до Харькова или въ Харьковѣ (только не ревнуй, гдѣ буду ночевать) и, взявъ утро дня Вознесенія Господня въ Харьковѣ, тотъ часъ поѣду и чаю съ помощію Божіею ровно въ пятокъ къ вамъ быть". Меншиковъ въ тотъ же день выѣхалъ на первую подставу, отъ Полтавы 4 мили, и отсюда написалъ женѣ: „Какъ скоро царское величество походъ свой изволитъ воспріять, то и вы того же часу слѣдуйте, и въ пути нигдѣ не мѣшкайте, а имянно, ежели гдѣ его величество на квартирахъ будетъ забавляться за чѣмъ, а вы никогда не стойте и всегда помалу напередъ подите, для чего цуга два или три лошадей на подставахъ поставьте. О походѣ вашемъ сюда къ намъ писалъ я къ царскому величеству; да извольте взять сюда съ собою портнаго Кашперовича, безъ жены, о которой послѣ отпишемъ. А мы на встрѣчу вамъ выѣхали и стоимъ, проѣхавъ штюрмовую долину въ милѣ, въ степи".

3-го Іюня, послѣ обѣдни Петръ выѣхалъ изъ Харькова. Князь Меншиковъ встрѣтилъ его въ степи, въ двухъ миляхъ отъ арміи. Князь ожидалъ и жены, но Петръ

---

[61]) Въ подлинникѣ *бѣгіе*.

сообщилъ ему, что она больна и осталась съ Екатериною въ Харьковѣ. Это очень огорчило князя. „Прежде сего сами вы говорили, написалъ онъ женѣ, что я къ вамъ о своемъ состояніи подлинно не пишу и не даю о томъ знать; а нынѣ, какъ я вижу, что и вы подлинно насъ не увѣдомляете и въ письмахъ пишете, что слава Богу здоровы. И для того прошу васъ, извольте меня подлинно о томъ увѣдомить и прислать сюда нарочнаго, гдѣ обрѣтетесь или еще зачѣмъ изъ Харькова не поѣхали“.

Княгиня вскорѣ выздоровѣла и съ Екатериною отправилась въ лагерный обозъ, въ село Владиміровку.

20-го Іюня наши войска перешли р. Ворсклу на выручку Полтавы. Меншиковъ писалъ къ женѣ изъ Петровья: „Опасности никакой нѣтъ, и въ оной не бываемъ, понеже непріятель, какъ услышалъ, что мы пробрались сюда, бывъ въ великой тревогѣ, зѣло стоитъ кротко, и токмо наши поѣзды онаго непрестанно тревожатъ и языковъ достаютъ, а отъ него промыслу никакого нѣтъ, и партіи къ намъ ни единой по се число посылать не осмѣлился. По письму вашему поклонъ вашъ полковнику отдалъ, которой за то васъ благодаритъ. При семъ должной поклонъ отдаю Катеринѣ Алексѣевнѣ и Варварѣ Михайловнѣ и тётушкѣ поклонъ отдаю“. 25-го Іюня опять пишетъ князь женѣ изъ Семеновки: „Вчерашняго дня гетманъ (Скоропадскій) со всѣмъ своимъ войскомъ къ намъ пришелъ и вечоръ у меня ужиналъ“. Въ этотъ день наша армія приблизилась вечеромъ къ Полтавѣ, остановилась за четверть мили отъ непріятеля, а ночью устроены были ретраншаменты и редуты. Въ эту же ночь, Карлъ XII отправился осматривать Русскій лагерь и наткнулся на казацкую партію; нѣсколько казаковъ, ничего не подозрѣвая, спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздается выстрѣлъ, казакъ падаетъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король, и Карлъ XII былъ раненъ въ ногу [62]).

Петръ I и Карлъ XII нетерпѣливо желали сраженія, и 27-го Іюня сраженіе было назначено съ обѣихъ сторонъ. Въ Русскомъ лагерѣ военный совѣтъ думалъ одинаково съ Петромъ и считалъ это сраженіе неизбѣжнымъ для окончанія великой борьбы за существованіе Россіи; у Шведовъ, напротивъ, генералы совѣтовали Карлу XII отступить отъ Полтавы, а онъ имъ отвѣчалъ: „Если бы Богъ послалъ Ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ“.

Наканунѣ Полтавской битвы, Меншиковъ писалъ къ женѣ: „Вчерась обозъ свой перенесли мы сюда и хотя ближе къ непріятелю, только зѣло въ удобномъ мѣстѣ стали и траншементъ построили, и чаемъ, что непріятель вскорѣ принужденъ будетъ мѣсто сіе оставить и идти далѣе, когда надѣемся при помощи Божіей съ городомъ комуникацію свободную получить. Впрочемъ у насъ, за Божіею помощію, благополучно, и опасности никакой нѣтъ, понеже всѣ стоимъ въ одномъ мѣстѣ, и наша армія вся здѣсь въ совокупленіи“ [63]).

27-го Іюня, въ 9 часовъ утра, началась генеральная баталія и продолжалась только два часа. Петръ и Меншиковъ распоряжались въ огнѣ; шляпа на Петрѣ и сѣдло его были прострѣлены. Подъ Меншиковымъ убито три лошади. Карла XII съ больною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами; вдругъ ядро ударило въ коляску, и король упалъ на землю; ужасъ овладѣлъ всѣми Шведскими полками; солдаты полагали, что король убитъ. Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики. Тутъ онъ увидѣлъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ

---

[62]) Соловьевъ, т. XV, стр. 374.

[63]) Письмо отъ 26 Іюня въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

въ отчаяніи: Шведы! Шведы! Но Шведы бѣжали отъ Русскихъ. Шведскій фельдмаршалъ Реншильдъ, генералы Штакельберъ, Гамильтонъ, Шлиппенбахъ, Розенъ, принцъ Виртембергскій и нѣсколько тысячь рядовыхъ, съ ружьемъ и лошадьми, взяты въ плѣнъ.

Побѣдители, съ радости о побѣдѣ неслыханной, забыли о непріятелѣ и, возблагодаривъ Бога торжественнымъ молебномъ, расположились въ палаткахъ отдыхать. Петръ обѣдалъ въ палаткѣ Меншикова со всѣми своими министрами и плѣнными Шведскими генералами, а послѣ обѣда отправился въ Полтаву и вызвалъ къ себѣ Екатерину: „Матка, здравствуй! пишетъ онъ ей: объявляю вамъ, что всемилостивѣйшій Господь неописанную побѣду надъ непріятелемъ намъ сегодня даровать изволилъ; единымъ словомъ сказать, что вся непріятельская сила на голову побита, о чемъ сама отъ насъ услышишь, и для поздравленья пріѣзжайте сами сюда“ [64]).

Только вечеромъ вспомнили о Шведахъ и тотчасъ отправили преслѣдовать ихъ князя Михаила Михаиловича Голицына съ гвардіею, генерала Баура съ драгунами, а на другой день отправился въ погоню и Меншиковъ съ кавалеріею. Въ мѣстечкѣ Кобылякахъ, онъ получилъ письмо отъ жены, при которомъ приложена звѣзда, какъ награда за Полтавское сраженіе и за супружескую любовь [65]). Меншиковъ отвѣчалъ женѣ: „Письмо ваше и посланной презентъ и кавалерію я получилъ, за что благодаренъ. О себѣ доношу, что сего часу прибыли мы съ кавалеріею въ Кобыляки въ добромъ здоровьѣ и рѣчку Кобылячку переправливаемся, гдѣ отъ непріятеля съ нашими была и стрѣльба небольшая: не хотѣлъ нашихъ перепустить. Однакожъ мы за Божіею помощью чуть не всѣ перебрались, и какъ переберемся, то съ Божіею помощію за ними слѣдовать будемъ, чтобъ не перепустить ихъ за Днѣпръ. Царское величество обрѣтается нынѣ при Полтавѣ“.

Меншиковъ соединился съ Голицынымъ и Бауромъ, и 30-го они настигли Карла XII у Переволочны. Король рѣшился покинуть войско и переправился на другую сторону Днѣпра въ повозкѣ, уставленной на двухъ лодкахъ; а Левенгауптъ, командовавшій остатками Шведской арміи, сдался Меншикову.

Въ тотъ же день, изъ Переволочны Меншиковъ написалъ женѣ: „А какову чрезъ помощь Божію, счастіемъ же оружія царскаго величества, получили мы сего числа надъ непріятелемъ викторію, о томъ, чаю, отъ господина полковника вамъ извѣстно, а именно бѣгучаго отъ насъ непріятеля здѣсь мы сего числа настигли и только что самъ король съ измѣнникомъ Мазепою въ малыхъ лодкахъ уходомъ спаслись; а остальныхъ Шведовъ всѣхъ живьемъ на окордъ въ полонъ побрали, которыхъ будетъ числомъ около 10.000, между которыми генералъ Левенгауптъ и генералъ-маіоръ Крейцъ; пушки и всю амуницію также взяли, также и своихъ плѣнныхъ всѣхъ выручили, въ томъ числѣ и зять нашъ обрѣтается. И сею такъ преславною викторіею васъ поздравляю. Мы отсюда завтра къ вамъ поѣдемъ; извольте выслать къ намъ на дорогу что пить да ѣсть, а старое придержалось, и въ томъ имѣемъ нужду“.

31-го Іюня Петръ пріѣхалъ въ Переволочну и отсюда вмѣстѣ съ Меншиковымъ возвратился въ Полтаву. Меншиковъ за Полтавское сраженіе пожалованъ былъ въ фельдмаршалы и сверхъ того получилъ города Почепъ и Ямполь; Петръ принялъ чинъ сухопутный генералъ-лейтенанта, а на морѣ шаутбенахта (вице-адмирала).

Карлъ XII бѣжалъ съ Мазепою въ Бендеры.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[64]) Письма Русскихъ государей ч., 1. № 12.

[65]) Рисунокъ этой оригинальной звѣзды съ надписью: „за любовь и отечество“, сохранился между письмами Меншикова къ женѣ.

ЗАПИСКА О МАРТИНИСТАХЪ

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЪ 1811 ГОДУ ГРАФОМЪ РОСТОПЧИНЫМЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ *).

Также трудно въ точности опредѣлить время появленія секты Мартинистовъ въ Россіи, какъ и назвать ея начинателей. Большая часть членовъ Масонскихъ ложъ посвящались въ эти новыя таинства. Одинъ Баварецъ, по имени Шварцъ, былъ основателемъ новаго общества. Онъ остался его главою, и по смерти Шварца его бюстъ поставленъ былъ въ залѣ собраній, какъ предметъ почитанія и особеннаго благоговѣнія. Онъ вступилъ въ товарищество съ однимъ Новиковымъ, человѣкомъ очень умнымъ, лицемѣрнымъ, бѣднымъ, смѣлымъ, краснорѣчивымъ, который пріобрѣлъ извѣстность какъ издатель Древней Русской Вивліоѳики, то есть сборника историческихъ статей, актовъ и описаній обрядовъ изъ временъ древнихъ Русскихъ царей. Начало секты можно отнести къ 1786 году; но успѣхи ея были такъ быстры, и денежные взносы такъ значительны, что въ 1790 году общество, принявши громкое названіе Благотворительнаго, купило домъ, который былъ роскошно отдѣланъ, чтобъ служить мѣстомъ для собраній, и учредило типографію съ цѣлью издавать переводы мистическихъ книгъ и сочиненія сочленовъ. Главная ложа, гдѣ послѣ смерти Шварца предсѣдательствовалъ Новиковъ, вступила въ непосредственную переписку со всѣми иностранными ложами. Она отправляла на свой счетъ молодыхъ людей путешествовать за границей, посвящаться въ тайны общества и пріобрѣтать полезныя для ихъ дѣла свѣдѣнія. Нѣкто Кутузовъ, человѣкъ умный и фанатикъ, поселился въ Берлинѣ, откуда совершалъ поѣздки въ Гамбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Готу и Мюнхенъ; онъ былъ министромъ или повѣреннымъ Русскихъ Мартинистовъ при иностранныхъ обществахъ. Этотъ человѣкъ, проживши нѣсколько времени въ роскоши, кончилъ тѣмъ, что умеръ въ крайней бѣдности, въ Берлинской долговой тюрьмѣ, такъ какъ Московская ложа, за упраздненіемъ ея въ 1792 году, не могла уже платить его долговъ.

Многочисленность лицъ всякаго званія и возраста, составлявшихъ это общество, ихъ расходы, множество новыхъ привержен-

*) Французскій подлинникъ этой записки (не своеручный, а въ спискѣ), находится въ бумагахъ, полученныхъ нами отъ покойнаго А. Н. Аѳанасьева. Хотя о Новиковѣ и Мартинистахъ у насъ весьма много писано, но записка графа Ростопчина представляетъ нѣсколько новыхъ показаній и, при всемъ пристрастіи автора, имѣетъ историографическое значеніе между прочимъ и потому, что онъ имѣлъ возможность, по своему высокому положенію при императорѣ Павлѣ, узнать много такого, что̀ было скрыто отъ современниковъ. Русскій переводъ принадлежитъ М. А. Жуазелю. *П. Б.*

цевъ, которыхъ они пріобрѣтали ежедневно, растрата цѣлыхъ состояній и въ особенности таинственная обстановка ихъ собраній, все это привлекло вниманіе правительства и императрицы Екатерины, причемъ для нея главнымъ побужденіемъ изслѣдовать цѣль и духъ этого общества, была увѣренность, что сынъ ея, наслѣдникъ престола, расположенъ оказывать покровительство этому учрежденію, довѣрившись нѣкоему Плещееву, состоявшему при немъ въ качествѣ секретаря по морскому вѣдомству и горячему стороннику новой секты. Разоблаченіе вредныхъ замысловъ Иллюминатовъ, процессъ предводителя ихъ Вейсгаупта, ихъ сношенія и связи съ нѣкоторыми изъ вождей Французской революціи, ставшей страшилищемъ для государей, заставили императрицу Екатерину принять мѣры противъ общества Мартинистовъ въ ея владѣніяхъ. Московскій генералъ-губернаторъ князь Прозоровскій получилъ приказаніе учредить надзоръ за поведеніемъ и перепиской членовъ новой ложи и, въ случаѣ надобности, открыто дѣйствовать противъ нихъ. Къ нему поступили разные доносы, изъ которыхъ наиболѣе важный былъ отъ князя Гавріила Гагарина, въ то время тайнаго совѣтника и оберъ-прокурора при Московскомъ Сенатѣ. Этотъ человѣкъ былъ гросмейстеромъ главной Масонской ложи въ Москвѣ и рѣшился пристать къ Мартинистамъ; но, узнавъ, что имъ грозитъ гоненіе, счелъ за лучшее избавиться отъ всякой отвѣтственности и выслужиться посредствомъ разоблаченія ввѣренныхъ ему тайнъ. Онъ сдѣлался предателемъ единственно изъ страха, ибо былъ однимъ изъ тѣхъ, которые выражали наиболѣе преданности великому князю Павлу Петровичу и позволяли себѣ осуждать правленіе Екатерины; это былъ человѣкъ умный, опытный въ дѣлопроизводствѣ, но корыстный, склонный къ пьянству, погрязшій въ долгахъ и никѣмъ не уважаемый.

Пока князь Прозоровскій старался обнаружить замыслы Мартинистовъ и добыть противъ нихъ вѣрныя улики, было перехвачено письмо отъ Баварскихъ Иллюминатовъ къ Новикову, написанное мистическимъ слогомъ и на ясное истолкованіе котораго невозможно было его склонить. Г-нъОлсуфьевъ, совѣтникъ Московской Уголовной Палаты, былъ посланъ въ деревню Новикова (гдѣ онъ жилъ) съ приказаніемъ арестовать его и взять всѣ его бумаги. Застигнутый, посреди ночи, за какой-то перепиской, Новиковъ безропотно покорился объявленнымъ ему распоряженіямъ, испрашивая, какъ милости, дозволенія проститься съ нѣкоторыми молодыми людьми, его учениками. Они были допущены и явили несомнѣнные знаки глубокаго отчаянія. Новиковъ сказалъ имъ прощальное слово, въ которомъ совѣтовалъ имъ вести себя благоразумно, слѣпо повиноваться высочайшей власти и помнить его дѣянія; потомъ благословилъ ихъ и былъ отвезенъ въ Москву. Съ нимъ вмѣстѣ взяты были всѣ его бумаги и захваченъ его домашній врачъ, родомъ Нѣмецъ, близкій его другъ, посвященный во всѣ таинства секты; сей послѣдній, на другой день по пріѣздѣ въ Москву, при слабости надзора, перерѣзалъ себѣ горло. Между бумагами нашли списокъ членовъ общества Мартинистовъ. Новиковъ былъ перевезенъ въ

Петербургъ. Сначала его посадили въ крѣпость, гдѣ онъ оставался нѣсколько недѣль; но князь Прозоровскій, по извѣтамъ нѣкоторыхъ отступниковъ отъ общества, донесъ, что за бывшимъ у нихъ ужиномъ 30 человѣкъ бросали жребій, кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину, и что жребій палъ на Лопухина. По этому поводу допросили Новикова, который ни въ чемъ не сознался и былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ для заключенія въ тюрьмѣ. Онъ, при входѣ туда, проявилъ многія странности: поклонился въ землю, благодарилъ Небо за ниспосланное ему испытаніе, клялся въ своей невинности, утверждалъ, что готовъ претерпѣть все ради Спасителя, и проч. Князь Прозоровскій приложилъ много старанія о разоблаченіи цѣли общества. Онъ открылъ то, что всегда открываютъ въ таинственныхъ согласіяхъ, т. е. нѣсколько ловкихъ обманщиковъ и тысячи простодушныхъ жертвъ. Эти слабые умы надѣялись пріобрѣсти царствіе небесное, куда ихъ прямо введутъ ихъ руководители, которые проповѣдывали имъ постъ, молитву, милостыню и смиреніе, присвоивая себѣ ихъ богатства, съ цѣлью очищенія душъ и отрѣшенія ихъ отъ земныхъ благъ. Двое князей Трубецкихъ, двое братьевъ Походяшиныхъ, Татищевъ, Щепотьевъ, Плещеевъ, сдѣлались жертвами своего легковѣрія; оно имѣло для нихъ послѣдствіемъ потерю большаго состоянія и позднее раскаяніе въ сдѣланныхъ глупостяхъ. Императрица издала повелѣніе, внушенное мудростью и великодушіемъ (какъ и всѣ прочія), которымъ предписывалось Трубецкимъ и Татищеву жить въ своихъ деревняхъ, а Лопухину объявлялось прощеніе, во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ его отца, старца 80-ти лѣтъ. Замѣчаютъ, что Екатерина, до конца своего царствованія, не опредѣляла къ должностямъ и не отличала по службѣ никого изъ посвященныхъ, за исключеніемъ князя Репнина, который уступчивостью передъ кн. Потемкинымъ и другими любимцами сумѣлъ кое-какъ поддержать себя. Императрица хранила у себя нѣкоторыя важныя бумаги по дѣлу о Мартинистахъ, въ томъ числѣ поименные ихъ списки, письмо Мюнхенскихъ Иллюминатовъ къ Новикову, допросы главныхъ членовъ общества, показанія и повинныя нѣкоторыхъ изъ лицъ, метавшихъ между собою жребій, кому посягнуть на ея жизнь *). Всѣ эти бумаги заключались въ бѣлой картонкѣ, которая находилась въ ея рабочемъ кабинетѣ, въ Петербургѣ, съ надписью: дѣла о Мартинистахъ.

---

*) Это показаніе графа Ростопчина напоминаетъ намъ, что арестъ Новикова произведенъ былъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ Густавъ III-й погибъ отъ руки убійцы и получено было у насъ извѣстіе, будто какой-то Французъ Басевиль ѣдетъ въ Россію съ умысломъ на жизнь государыни. Около 30 лѣтъ Европа не знала цареубійства. Страшная новость о Густавѣ III-мъ пришла въ Петербургъ 7 Апрѣля; черезъ сутки начались розыски Басевиля; 17 Апрѣля пріѣхалъ изъ Парижа нашъ посланникъ Симолинъ и привезъ подробности о тамошнихъ ужасахъ; а 22-го Апрѣля того же 1792 года арестованъ Новиковъ (См. Дневникъ Храповицкаго). Прибавимъ, что графъ Ростопчинъ прибиралъ бумаги въ рабочемъ кабинетѣ Екатерины немедленно послѣ ея кончины и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ намъ положительно извѣстно, успѣлъ списать. *П. Б.*

Заточенie гросмейстера Новикова, ссылка главныхъ участниковъ общества и надзоръ правительства за прочими, поразили страхомъ самыхъ восторженныхъ приверженцевъ секты; они разсѣялись и рѣшились отложить до другого времени свои собранiя, свои труды и довершенiе своего дѣла. Въ такомъ положенiи оставалось оно до смерти императрицы Екатерины, на которую они смотрѣли какъ на своего злѣйшаго врага, за то, что она милостиво поступила съ подданными, задумавшими поколебать ея власть.

По восшествiи на престолъ императора Павла, Плещеевъ, который постоянно оставался при немъ, указалъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, какъ на достойныхъ получить мѣста, по ихъ высокимъ дарованiямъ и въ награду за гоненiя, претерпѣнныя ими за преданность императору. Вызвали Лопухина, который поступилъ на должность статсъ-секретаря по гражданскимъ дѣламъ; Карнѣевъ, Орловскiй вице-губернаторъ, предназначенный завѣдывать дѣлопроизводствомъ по военной части, прибылъ нѣсколько поздно и долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ губернатора въ Минскѣ; настоятель церкви Вознесенiя въ Москвѣ, человѣкъ достойный, избранный быть духовникомъ императорской фамилiи, опредѣленъ въ придворные священники; раздача благотворительныхъ пособiй поручена Плещееву. Онъ-то, побуждаемый чувствомъ мести къ императрицѣ Екатеринѣ, внушилъ ея сыну мысль извлечь изъ могилы тѣло Петра III, надѣть на него корону въ гробѣ, положить его рядомъ съ тѣломъ супруги на одномъ катафалкѣ и торжественно похоронить во второй разъ. Императоръ Павелъ видѣлъ въ этомъ только посмертное примиренiе обоихъ его родителей и не обратилъ вниманiя на впечатлѣнiе, какое было несомнѣнно произведено зрѣлищемъ, напоминавшимъ о поступкѣ, несправедливо приписанномъ имъ Екатеринѣ и почти изглаженномъ изъ памяти Европы 36-ти лѣтнимъ славнымъ царствованiемъ. Явленiе архангела Михаила одному часовому въ лѣтнемъ дворцѣ, съ повелѣнiемъ сказать императору, чтобъ онъ построилъ церковь на этомъ мѣстѣ, толки о разныхъ сновидѣнiяхъ, ссылка князя Прозоровскаго на жительство въ его деревняхъ, всѣ эти событiя, слѣдовавшiя одно за другимъ въ теченiи нѣсколькихъ недѣль, внушили мнѣ рѣшимость изъяснить императору вѣроятныя послѣдствiя ихъ. Я воспользовался случаемъ, который представила мнѣ поѣздка наединѣ съ нимъ, въ каретѣ, въ Таврическiй дворецъ. Возразивши на одно его замѣчанiе, что Лопухинъ былъ только глупцомъ, а не обманщикомъ, какъ товарищи его по вѣрованiямъ, я затѣмъ распространился о многихъ обстоятельствахъ, сообщилъ о письмѣ изъ Мюнхена, объ ужинѣ, на которомъ бросали жребiй, о ихъ таинствахъ, и проч. и съ удовольствiемъ замѣтилъ, что этотъ разговоръ нанесъ Мартинистамъ смертельный ударъ и произвелъ сильное броженiе въ умѣ Павла, крайне дорожившаго своею самодержавною властью и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ зародыши революцiи. Лопухинъ, успѣвши написать всего одинъ указъ о пенсiи какой-то камеръ-юнгферѣ, отправленъ въ Москву, сенаторомъ; Новиковъ, котораго, по освобожденiи его изъ тюрьмы, императоръ

полюбопытствовалъ видѣть, затѣмъ высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ; священникъ остался при своемъ церковномъ служеніи; но многіе лишились прежняго вліянія, потеряли всякое значеніе, и стали жертвами весьма язвительныхъ насмѣшекъ государя. Неудивительно, что въ его мнѣніяхъ произошла такая скорая перемѣна: существуютъ классъ людей и родъ услугъ, которые нравятся наслѣдникамъ престола до ихъ воцаренія, но отъ которыхъ они отворачиваются послѣ, даже наказывая тѣхъ, кто прежде казался необходимымъ, а потомъ въ награду получаетъ одно только презрѣніе.

По восшествіи на престолъ императора Александра, Мартинисты, не подвергаясь ни стѣсненіямъ, ни преслѣдованію, не были однакоже въ сборѣ. Прежній гросмейстеръ ихъ Новиковъ, съ двумя или тремя близкими друзьями, велъ скромную жизнь въ деревнѣ подъ Москвою; они не писали ничего, въ поступкахъ своихъ соблюдая крайнюю осторожность. Онъ рѣдко бывалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался у Ключарева; кажется даже, что разгромъ, постигшій ихъ при Екатеринѣ, внушалъ имъ робость и недовѣрчивость. Не ранѣе какъ въ 1806 году, во время созванія милиціи, секта подняла голову, опять выступила наружу и пріобрѣла важное значеніе на выборахъ. Князья Трубецкіе, Лопухинъ, Ключаревъ, князь Гагаринъ, Кутузовъ и сотни другихъ собирались на сходкахъ, для предварительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ. Они постановили выбрать бывшаго товарища ихъ, адмирала Мордвинова, въ начальники Московскаго ополченія, что и состоялось къ общему соблазну и крайнему удивленію всѣхъ: ибо, не отнимая у г-на Мордвинова никакихъ достоинствъ, слѣдуетъ признать, что онъ, не служивши никогда въ арміи, не былъ способенъ обучить хотя бы одного солдата; поэтому, всякое другое лицо изъ военныхъ (а ихъ было такъ много) можно было предпочесть ему въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, когда надлежало въ одно и тоже время собирать, обучать и отправлять въ армію толпы мужиковъ, для защиты Отечества. Недовольствуясь этимъ, Мартинисты стали распространять дурныя вѣсти, разсылать по почтѣ мистическую книгу подъ заглавіемъ: Тоска объ отчизнѣ и забылись до того, что возбудили мысль о необходимости измѣнить образъ правленія и о правѣ націи избрать себѣ новаго государя. Полиція, слишкомъ занятая другими предметами, слабо наблюдала за этими происками и дала подозрѣніямъ разсѣяться, не посмѣвъ розыскать виновниковъ преступной молвы. Мартинисты, видя, что не желаютъ или опасаются тревожить ихъ, не замедлили вновь сомкнуть свои ряды. Тутолминъ, хотя человѣкъ умный, по своей слабости и безчестности, не могъ ничего предпринять; онъ боялся за себя, а его никто не боялся. Фельдмаршалъ Гудовичъ слишкомъ старъ, тупоуменъ и слишкомъ поддается вліянію дурныхъ совѣтовъ, чтобъ сознавать настоятельную необходимость строгихъ мѣръ противъ общества, которое одною таинственностью своею должно привлечь вниманіе правительства и побудить къ новому его распущенію. Дѣйствуя постоянно однимъ и тѣмъ же путемъ, Мартинисты возвысили и умножили свою секту присо-

единеніемъ значительныхъ лицъ, которымъ доставили важныя должности; къ числу ихъ принадлежатъ въ Петербургѣ: гр. Разумовскій, Мордвиновъ, Карнѣевъ, Алексѣевъ, Донауровъ; въ Москвѣ: Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ, Руничъ, князь Козловскій и Поздѣевъ. Они всѣ болѣе или менѣе преданы Сперанскому, который, не придерживаясь въ душѣ никакой секты, а можетъ быть и никакой религіи, пользуется ихъ услугами для направленія дѣлъ и держитъ ихъ въ зависимости отъ себя. Они собираются въ Москвѣ у Ключарева, но главный всему руководитель есть нѣкто Поздѣевъ, бывшій начальникъ канцеляріи фельдмаршала Чернышева, человѣкъ умный, даровитый, носящій личину нелюбостяжанія и христіянскаго смиренія. Онъ часто имѣетъ совѣщанія съ Ключаревымъ, однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ секты, самымъ отъявленнымъ и презрѣннымъ негодяемъ, который когда-либо существовалъ. Этотъ послѣдній былъ прежде слугою у графа Шереметева; потомъ, поступивъ въ канцелярію фельдмаршала Чернышева, дослужился до офицерскаго чина, назначенъ въ Москвѣ губернскимъ стряпчимъ, отставленъ по суду за утайку девяти дѣлъ и, признанный на будущее время недостойнымъ занимать какое либо мѣсто, преданъ былъ заслуженному презрѣнію и забвенію. Впослѣдствіи онъ вновь принятъ на службу почтмейстеромъ въ Астрахани, по ходатайству г-на Пестеля, въ царствованіе Павла. Тамъ онъ былъ замѣшанъ въ гнусномъ дѣлѣ о противозаконномъ заключеніи въ тюрьму совѣтника казенной палаты. Г-въ Троцинскій перевелъ его въ Тамбовъ, а потомъ въ Москву, гдѣ онъ состоитъ почтдиректоромъ, занимаясь контрабандой, обкрадывая императора, открывая письма, притѣсняя служащихъ и пользуясь покровительствомъ фельдмаршала, котораго обманываетъ, и Сперанскаго, которому льститъ. Между остальными главными членами секты отличаются: Лопухинъ, человѣкъ самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ, имѣющій 60,000 р. дохода и разоряющій цѣлыя семейства, которымъ не платитъ, занимая у нихъ деньги; кропатель мистическихъ книгъ, подающій одною рукою милостыню бѣдняку и отгоняющій другою своихъ злосчастныхъ заимодавцевъ; Кутузовъ, бывшій полицейскимъ шпіономъ въ царствованіе Павла, человѣкъ глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья, великій Мартинистъ, поучающій юношество и, къ несчастью, попечитель Московскаго университета. Кромѣ вышепоименованныхъ, секта имѣла еще, и доселѣ имѣетъ, въ средѣ своей множество людей хитраго ума, о которыхъ публика не знаетъ, которые встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и заняты единственно распространеніемъ своихъ началъ. Они скрываютъ свои замыслы подъ покровомъ религіи, любви къ ближнему и смиренія. Они отлично пьютъ и ѣдятъ, преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ. Черезъ это пріобрѣтаютъ они легковѣрныхъ послѣдователей и деньги. По книгамъ ихъ, прямое общеніе съ Создателемъ обѣщано каждой твари, которая посредствомъ духовнаго созерцанія отрѣшится отъ мірскихъ помысловъ и страс-

тей; совѣсть называется у нихъ внутреннею церковью, и по ихъ мнѣнію каждый Мартинистъ носитъ ее въ своемъ сердцѣ. Судя по разоблаченной тайнѣ Баварскихъ Иллюминатовъ и по всему происходившему въ Москвѣ, они поставили себѣ цѣлью произвести революцію, чтобъ играть въ ней видную роль, подобно негодяямъ, которые погубили Францію и поплатились собственною жизнью за возбужденныя ими смуты. Разсужденія, какія представляются уму на счетъ ихъ дѣйстьій, весьма просты. Если они христіяне, то почему проповѣдываютъ новыя ученія, почему замѣняютъ исполненныя простоты и краснорѣчія книги Св. Писанія мистическими сочиненіями, которыя всякій толкуетъ на свой ладъ и которыя, вмѣсто того чтобъ просвѣщать, только вводятъ въ заблужденія? Если они имѣютъ благотворительную цѣль, то къ чему таинственность? Скромность можетъ скрывать дѣла благотворенія, но добродѣтельный человѣкъ никогда не надѣнетъ личины лицемѣрія. Если они проникнуты смиреніемъ, то почему выставляютъ на показъ жалкія подаянія, хлопочутъ о выгодныхъ мѣстахъ, объ отличіяхъ и т. п.?. Если они вѣрные подданные, то какая имъ надобность навлекать на себя подозрѣнія и возбуждать недовѣріе правительства, ходить понуривъ голову, говорить шопотомъ, отрекаться съ досадою отъ принадлежности къ сектѣ и стыдиться соучастія въ ней, тогда какъ безупречный человѣкъ открыто пользуется правомъ не бояться ничего ни за дѣянія, ни за слова свои, а тѣмъ менѣе за свои мысли? Я не знаю, какія сношенія они могутъ имѣть съ другими странами; но я увѣренъ, что Наполеонъ, который все направляетъ къ достиженію своихъ цѣлей, покровительствуетъ имъ и когда-нибудь найдетъ сильную опору въ этомъ обществѣ, столь же достойномъ презрѣнія, сколько опасномъ. Тогда увидятъ, но слишкомъ поздно, что замыслы ихъ не химера, а дѣйствительность; что они намѣрены быть не посмѣшищемъ дня, а памятными въ Исторіи, и что эта секта не что иное, какъ потаенный врагъ правительствъ и государей.

О НАШЕМЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

(Въ отвѣтъ Г. Ѳ. Карпову на его замѣтку о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1875, VI, 229 и слѣд.) помѣщена замѣтка г. Карпова „о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи“, не представляющая, въ сущности, чего либо новаго, но дѣлающая небольшую вылазку противъ меня, яко бы повторяющаго нѣчто очень старое и избитое, т. е., какъ онъ выражается, „историческую клевету“ на Екатерину II, клевету, состоящую въ томъ, что при ней установилось въ Малороссіи крѣпостное право. Жаль, что почтенный, но не всегда разсудительный ученый, не нашелъ нужнымъ тутъ же объяснить, какъ могла сложиться и утвердиться эта „клевета“. Если онъ когда нибудь этимъ займется (хотя бы только для себя, въ тиши своего кабинета), то многое выяснится ему и удержитъ его отъ различныхъ вылазокъ. Теперь же г-нъ Карповъ только разсказываетъ о томъ, какъ казацкая старшина, набравшись панскаго духа, старалась, по возсоединеніи Малороссіи съ Русскимъ государствомъ, закрѣпить за собою маетности „со крестьяны“. Неужели г. Карповъ не желаетъ знать, что все это давно признано историческими изслѣдователями изъ самихъ Малоруссовъ, что ими давно развѣнчанъ во многихъ отношеніяхъ и самъ батька Хмельницкій, къ которому, какъ они же замѣтили, не даромъ народная пѣсня относится не всегда сочувственно. Тѣми же изслѣдователями отвергнутъ и тотъ, какъ выражается г. Карповъ, пасквиль, который, подъ именемъ „Исторіи Руссовъ“, ложно приписывался Конисскому. Они же высказали наконецъ и сѣтованіе о томъ, что наша власть государственная не стала открыто на сторону только что возсоединившагося съ Русью украинскаго *народа*, а рѣшилась потворствовать противународнымъ стремленіямъ *казацкой старшины*. Но упомянутые изслѣдователи отличаютъ отъ этой *старшины* самое *казачество*, которое, не смотря на грѣхи очень многихъ его „представителей“ (выраженіе г. Карпова), все таки не позволило Польшѣ „низвести, какъ я выразился, весь Малорусскій народъ въ состояніе раба“. За безпристрастное уличеніе въ ея историческихъ грѣхахъ старшины казацкой, этимъ изслѣдователямъ даже досталось еще недавно—въ статьѣ „о современномъ украинофильствѣ“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. По всей вѣроятности, вскорѣ не меньше достанется за тоже „мужицкое“ направленіе отъ того же журнала и автору статьи: „Евреи и Поляки въ юго-западномъ краѣ“, недавно появившейся въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ статьѣ этой прямо сказано: „Старшина казацкая стремилась сложиться по образцу Польской шляхты и Великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или вообще привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушенъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ казацкой старшины“ (стр. 164). Къ сожалѣнію эта-то старшина, которая всегда готова была промѣнять Москву снова на Польшу или даже на Турцію, смотря по тому, подъ чьей властью она бы могла успѣшнѣе

провести свои противународные замыслы [1]), къ сожалѣнію она-то и находила поддержку въ нашей государственной власти не только при Алексѣѣ Михайловичѣ, но и гораздо позже. Такимъ образомъ и Екатерина II, по совершенно ясному (при всей уклончивости) выраженію самого г. Карпова, „формулировала безконтрольное Польское крѣпостное право, существовавшее въ Малороссіи во всѣ времена", хотя, какъ онъ самъ сознается въ другомъ мѣстѣ, „бывало, что оно значительно ослаблялось въ своей силѣ", и это, разумѣется, благодаря борьбѣ казаковъ съ Польшею [2]).

Въ указѣ Сенату 1783 года (П. С. З. № 15724) конечно не употреблено слово *закрѣпощеніе*, а сказано (§ 8): „Для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ, въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа, поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ"; но вѣдь это тѣмъ не менѣе значило, по выраженію самого г-на Карпова, „формулировать", т. е. установить закономъ несомнѣнно-крѣпостныя отношенія. Авторъ упомянутой статьи „Вѣстника Европы", углубляя и расширяя вопросъ, совершенно справедливо замѣчаетъ: „Екатерининская политика относительно губерній, отъ Польши возвращенныхъ, именно и была причиною, почему Польскій элементъ въ нихъ, особенно въ югозападномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властью Россіи, чѣмъ былъ прежде подъ властью Польши [3]). Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенныя, а въ томъ, что Екатерина II-я не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она подкрѣпила Россійской дворянской грамотой власть Польской шляхты надъ Русскими хлопами и раздала немало прежде вольныхъ селъ и даже мѣстечекъ Польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей [4]). Множество

---

[1]) Въ этомъ отношеніи старшина казацкая довольно похожа на баронство Остзейское, которому тоже было все равно, къ кому ни примкнуть—къ Швеціи, или къ Россіи, только бы были сохранены его „рыцарскія" привилегіи.

[2]) Я могу признать лишь *неточность выраженія* въ той моей выноскѣ на стр. 353, апрѣльской книжки „Древней и Новой Россіи", которая собственно и дала г. Карпову поводъ къ его статьѣ. Выноска эта была сдѣлана мною чуть ли не въ корректурѣ.

[3]) Нѣсколько выше указывается на то, что существовавшее еще въ 1775 г. на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическимъ и вполнѣ Польскимъ уже по присоединеніи этого края къ Россіи.

[4]) Нѣсколько далѣе дѣлается оговорка: „шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча" (мы должны, впрочемъ, прибавить, что и „право меча" достаточно вознаграждалось правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, а равно возможностью, при подкупной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убійство крестьянина); но за то экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой" (почему г. Карповъ и называетъ „безконтрольнымъ" сія крѣпостное право).

показаній современниковъ, какъ Нѣмецкихъ, такъ и Польскихъ, свидѣтельствуютъ, что Польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны Русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратами, доставшимися Пруссіи и Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрныя духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальныя привилегіи шляхты надъ народомъ Польскимъ и Русскимъ въ Галиціи" (стр. 147—148).

Я думаю только, что честь эта главнымъ образомъ принадлежитъ именно правительствамъ Прусскому и Австрійскому (на сколько ихъ человѣколюбію, и на сколько дальновидности—я не берусь рѣшить), а что „духъ XVIII вѣка", т. е. его просвѣтительная литература, участвовалъ тутъ гораздо менѣе, чѣмъ оно представляется почтенному автору. Духъ этотъ (т. е. вліяніе этой литературы) сказывался и у насъ, и даже сильно сказывался на самой Екатеринѣ II, и если онъ не подѣйствовалъ на нашу политику въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, въ смыслѣ болѣе благопріятномъ народу, то это недостаточно объяснять только несогласіемъ съ теоріей практики, а слѣдуетъ признать въ этомъ случаѣ и несостоятельность самой теоріи.

Литературу осмнадцатаго вѣка принято обыкновенно называть „освободительною", въ сущности же она содѣйствовала въ сильнѣйшей мѣрѣ освобожденію человѣческаго ума лишь отъ ига клерикализма. Но стремясь вполнѣ освободить человѣческую личность отъ такъ называемаго авторитета, XVIII вѣкъ дошелъ до того, что предоставилъ ее совершенно самой себѣ, т. е. своему интересу и своимъ, только утончаемымъ образованностью, влеченіямъ. Эгоизмъ и сенсуализмъ, къ которымъ пришла философія XVIII в. (далеко оставлявшая за собою, какъ она полагала, *безуміе* христіанской идеи самоотверженія) подрывали въ самомъ корнѣ освободительную работу вѣка, потому что потакали крупной, не поступающейся ничѣмъ, т. е. деспотической личности. Ставя всего выше утонченное развитіе ума, XVIII вѣкъ относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ массѣ, его не имѣющей, а потому и представлявшейся просто сборищемъ какихъ-то полулюдей или, пожалуй, говорящихъ животныхъ (самъ по себѣ даръ слова, этотъ *общій* человѣческій даръ, принадлежащій и какому нибудь дикарю, цѣнился не высоко). Развивъ своего рода *шляхетство умственное*, XVIII вѣкъ увѣрялъ, что и самую потребность свободы пришлось бы еще пробуждать въ тупоумной массѣ. Такъ, авторъ извѣстнаго отвѣта на задачу по крестьянскому вопросу, обнародованную (едвали не подъ вліяніемъ Екатерины II) нашимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, Беарде де л'Аббей совѣтовалъ, освобождая крестьянъ *понемножку*, отличать освобожденныхъ особаго рода одеждой, съ тѣмъ, чтобы ея красивый покрой возбуждалъ охоту освободиться и въ остальныхъ! Къ тому же, какъ извѣстно, забота объ этомъ возбужденіи вкуса къ свободѣ въ крѣпостныхъ людяхъ возлагалась на самихъ помѣщиковъ; правительству же, послѣ множества либеральныхъ фразъ, давался совѣтъ не увлекаться однакоже ими, а остановить свою освобождающую десницу, потому что свобода—драгоцѣнный нектаръ, который можетъ быть вливаемъ только въ сосуды, совершенно чистые! [5]) И такіе курьезы мысли не составляли чего либо исключительнаго, объясняемаго ограниченностью и бездарностью такого писателя, какъ г-нъ Беарде де л'Аббей. Въ сущности тоже, толь-

[5]) И все это еще не такъ давно признавалось у насъ въ печати заслуживающимъ предпочтенія Русскому труду по тому же вопросу А. Я. Полѣнова, который при всей „осторожности", свойственной вѣку, все же предлагалъ нѣкоторыя положительные шаги для улучшенія быта крестьянъ.

ко въ менѣе угловатой формѣ, высказалъ и знаменитый Жанъ-Жакъ, когда нѣкоторые Поляки обратились къ нему съ просьбою составить проэктъ новаго уложенія для ихъ отечества. Конечно, авторъ „Contract social" не могъ не обратить вниманія на невыносимость положенія простаго народа въ Польшѣ: но къ освобожденію его онъ предлагаетъ приступить съ постепенностью и осторожностью, достойною Беарде де л'Аббея. „Прежде чѣмъ освободить тѣла, надо освободить души", т. е. нравственно приготовить къ свободѣ; эту фразу со смакомъ повторялъ у насъ, какъ извѣстно, Болтинъ, поддерживая авторитетомъ Руссо свою собственную проповѣдь *осторожности* по отношенію къ крестьянскому вопросу. Затѣмъ надо каждогодно опредѣлять извѣстное число крестьянъ, подлежащихъ освобожденію, въ видѣ награды за доброе поведеніе; а при объявленіи свободы такимъ избранникамъ надо имѣть въ виду извѣстнаго рода торжественность, которая дѣлала бы этотъ обрядъ трогательнымъ и вѣчно-памятнымъ (т. е. дѣйствующимъ также, какъ красивый покрой одежды у Беарде де л'Аббея). Наконецъ, Руссо находитъ необходимымъ позаботиться о способѣ вознагражденія господъ соразмѣрно числу тѣхъ крестьянъ, которые будутъ найдены достойными свободы (т. е. о вознагражденіи ихъ за *души* крестьянъ, такъ какъ о *надѣлѣ* тутъ не говорится). Непремѣнно вѣдь надо устроить такимъ образомъ, замѣчаетъ Руссо, чтобы освобожденіе раба не становилось тяжелымъ для господина, а напротивъ приносило ему почетъ и выгоду. Такимъ образомъ даже и тотъ изъ литературныхъ великановъ XVIII вѣка, котораго скорѣе всѣхъ другихъ можно назвать демократомъ и который къ тому же, пламенно возставая противъ теоріи эгоизма, не исключалъ христіанскаго самоотверженія изъ своей: „Profession de foi du vicaire Savoyard",—даже и онъ считалъ нужнымъ, освобождая крѣпостныхъ, дѣйствовать не только съ крайнею медленностью, но и безъ малѣйшаго ущерба для личнаго интереса господъ. И въ этомъ не слѣдуетъ видѣть уступку, сдѣланную имъ господствовавшему въ Польскомъ обществѣ направленію, чтобы не запугать этого общества болѣе смѣлымъ проэктомъ: даже въ самомъ независимомъ и капитальномъ своемъ трудѣ, высказываясь съ полною откровенностью, Руссо, коснувшись политической жизни Аѳинянъ, говоритъ: „Работы справляли за нихъ рабы, ихъ же великой работой была—ихъ свобода". „Какъ, спрашиваетъ онъ, свобода однихъ достигается не иначе, какъ цѣною рабства другихъ? Можетъ быть! Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ гражданинъ не можетъ быть вполнѣ свободнымъ, если рабъ не будетъ вполнѣ рабомъ". Далѣе, обращаясь къ тѣмъ современнымъ ему народамъ, у которыхъ уже не было рабства, Руссо восклицаетъ: „Вы гордитесь, что у васъ нѣтъ рабовъ; но за то вы сами—рабы" (Contrat socal).

Во всемъ этомъ, не смотря на свои часто-враждебныя отношенія къ корифеямъ XVIII вѣка, Руссо, хотя и вызвавшій противъ себя ихъ ожесточенную ненависть, является однакоже истиннымъ сыномъ этого вѣка: и онъ въ сущности понимаетъ свободу, какъ такую ея *полноту*, которая можетъ доставаться только немногимъ, только *соли земли*, потому что такая свобода должна неминуемо развиваться въ ущербъ другимъ.

Но съ самою, можно сказать, циническою откровенностью такое воззрѣніе высказываетъ умственный владыка XVIII вѣка, какъ его иногда называли, le roi Voltaire. „Сказать вамъ правду, пишетъ онъ своему другу Дамилавилю, я нахожу даже необходимымъ, чтобы существовала невѣжественная толпа: если бы вамъ приходилось, какъ мнѣ, заботиться о воздѣлываніи земли, то и вы бы пришли къ моему мнѣнію. Quand la populace

se mêle de raisonner, tout est perdu [1]). На эту сторону у Вольтера давно уже обратили вниманіе нѣкоторые изслѣдователи Нѣмецкіе, а изъ его соотечественниковъ, какъ извѣстно, рьяно напалъ на него за это Луи-Бланъ: Non, Voltaire n'aimait pas assez le peuple, etc [2]). Зато Руссо у Луи-Блана вполнѣ выгораживается, какъ провозвѣстникъ иного, высшаго ученія (далѣе развивающагося въ наше время); но выше показано, какую обильную дань заплатилъ и Руссо господствующему духу XVIII вѣка.

Нѣтъ, вліяніе этого духа не могло положить у насъ конецъ крѣпостному праву. Оно только перебросило нашихъ полуневѣжественныхъ, или даже совершенно невѣжественныхъ, бaричей изъ ханжества и изувѣрства въ скороспѣлый казовой атеизмъ, который могъ лишь поддерживать въ нихъ крѣпостничество, усиливая презрѣніе къ народу, не перестающему простодушно вѣровать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на нашей академической выставкѣ была небольшая, но многосодержательная картина: оборванный, испитой и прохваченный страхомъ крестьянинъ стоитъ передъ бариномъ, который, въ одеждѣ XVIII вѣка, сидя въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, очевидно ведетъ съ нимъ отеческую расправу за его провинности; а на стѣнахъ кабинета—Вольтеръ и Руссо!!

Конечно, на нѣкоторыхъ выдающихся представителей нашего общества духъ XVIII вѣка могъ дѣйствовать глубже и благотворнѣе; но и имъ онъ не въ силахъ былъ сообщить готовность провести, во чтó бы ни стало, въ жизни тѣ начала человѣчности и свободы, которыя несомнѣнно въ немъ сказывались, но имъ же самимъ, его внутренними противорѣчіями, и подрывались. Геніальная Екатерина II-я и чрезъ задачу, отправленную въ Вольно-Экономическое Общество, и другими способами старалась провѣдать, не окажется ли наше общество расположеннымъ къ освобожденію крестьянъ, но не встрѣтила такого расположенія въ большинствѣ, а также и въ томъ выдающемся, по мнѣнію современниковъ, представителѣ нашей литературы, къ которому она обратилась и который отвѣчалъ, что собакѣ, конечно, не нравится цѣпь, но господину вслѣдствіе этого не спустить же ея съ цѣпи, хотя тотъ же писатель не мало надергалъ въ свои трагедіи либеральныхъ тирадъ изъ Вольтера [3]). Великой государынѣ за-

---

[1]) Не имѣя подъ руками всѣхъ нужныхъ книгъ, я привожу свои цитаты по памяти, а потому и не могу ручаться за ихъ *буквальную* точность (за вѣрность смысла, конечно, вполнѣ ручаюсь).

[2]) Бѣлинскій, какъ мы теперь узнаёмъ изъ послѣдней статьи о немъ А. Н. Пыпина, не соглашался съ этимъ отзывомъ Луи-Блана. Но онъ, очевидно, находился подъ живымъ впечатлѣніемъ лучшихъ сторонъ Вольтера — по всей вѣроятности, его дѣйствительно-славнаго ратованія противъ изувѣрства (по поводу его тогдашнихъ жертвъ) и т. п. Если бы Бѣлинскій покороче узналъ Вольтера и *со всѣхъ сторонъ*, то не сталъ бы, конечно, сердиться на Луи-Блана.

[3]) Въ сущности, впрочемъ, и циническія замѣчанія Сумарокова на „Наказъ", Екатерины совпадаютъ съ откровенными мнѣніями того же Вольтера, высказанными въ его перепискѣ. Когда, на примѣръ, Сумароковъ тутъ спрашиваетъ: „гдѣ же, если освободить крестьянъ, помѣщики будутъ брать себѣ поваровъ, кучеровъ?", и т. д., то развѣ это, въ болѣе грубой формѣ, не тоже, что приведенныя выше слова Вольтера Дамилавилю: „я нахожу необходимымъ, чтобы существовала невѣжественная толпа; да и вы бы были моего мнѣнія, еслибы вамъ приходилось, какъ мнѣ, воздѣлывать землю"? А заключительная фраза Сумарокова: „нашъ подлый народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ", по достоинству, право, совсѣмъ не ниже фразы Вольтера: „quand la poulace se mêle de raisonner, tout est perdu".

тѣмъ приходилось, при содѣйствіи только весьма немногихъ изъ нашего образованнаго общества, опереться на Русскій *народъ*, на вѣру въ него и любовь къ нему; но ни такой вѣры, ни такой любви по отношенію къ простому народу не былъ въ силахъ ей сообщить сухой и умственно-барскій духъ XVIII вѣка. Къ тому же въ тѣхъ запискахъ, которыя вела она еще въ молодости [1]), она сама сознается, что любитъ, не смотря на свой *esprit philosophique*, старые аристократическіе роды и что ей больно видѣть ихъ доведенными *quasi à la mendicité* (въ сущности такая любовь была вполнѣ совмѣстима съ этимъ *esprit philosophique*, несовмѣстнымъ только съ настоящей любовью къ простому, темному люду). А этимъ аристократическимъ родамъ было такъ легко увѣрить, что освобожденіе крестьянъ и довело бы ихъ *quasi à la mendicité*; имъ это было во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ на оборотъ достигнуть того, чтобы увѣрить ихъ въ совмѣстимости такого освобожденія съ ихъ интересомъ. Поступить же противъ ихъ „убѣжденія" въ подобной несовмѣстимости, помимо ихъ воли, или даже на зло имъ, освободить крестьянъ, значило бы совершить насиліе, пожертвовать—и кѣмъ же? людьми утонченнаго образа жизни, способными къ высшимъ человѣческимъ наслажденіямъ; для кого-же?—для какой-то грубой толпы, въ которой еще не пробуждена самая потребность свободы, для этой, совершенно довольной своимъ невѣжествомъ (безвыходность котораго даже необходима для успѣховъ и выгодъ просвѣщеннаго класса) тупоголовой *canaille*, какъ величали его просвѣтители вѣка, высокомѣрно предоставляя на долю ея *l'infâme*, т. е. *„побѣжденное"* [2]) ими самими христіанство. Наконецъ, круто повернуть дѣло, рѣшившись опереться на этотъ грубый народъ, значило бы обречь себя на неприлично-тягостную борьбу съ „образованнымъ" классомъ, на зло издавнему, естественному влеченію именно къ нему; подавлять же свои влеченія было не въ духѣ вѣка, недаромъ же окончательно „побѣдившаго" средневѣковой „аскетизмъ". И вотъ, ради успокоенія этого, если на самомъ дѣлѣ и далеко не образованнаго, то утонченно живущаго класса, даже одновременно съ „Наказомъ" появляются мѣры въ родѣ предоставленія помѣщикамъ права ссылать своихъ крѣпостныхъ на каторгу или отнятія у крѣпостныхъ людей права приносить жалобы на своихъ владѣльцевъ. Такія мѣры, надо думать, должны были успокоительно подѣйствовать и на такого литератора, какъ Сумароковъ. Позже, наша литература, какъ бы захотѣвъ искупить тотъ позоръ, какимъ онъ ее покрылъ, приняла совершенно иное положеніе въ лицѣ Новикова, а потомъ Радищева, которому, сколько ни было у насъ писано и говорено противъ его сентиментальнаго риторизма и щегольства рѣзкимъ тономъ, все же принадлежитъ та честь, что онъ прямо заговорилъ объ освобожденіи крестьянъ даже *съ землею* [3]). Но имъ обоимъ пришлось окончить свое жизненное поприще очень неблагополучно, а вѣдомостямъ послѣднихъ годовъ нашего „философскаго вѣка" переполниться публикаціями о продающихся, по такой-то цѣнѣ, крѣпостныхъ дѣвкахъ

---

[1]) Напечатанныхъ, какъ извѣстно, въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества.

[2]) Въ смыслѣ Нѣмецкаго термина: überwunden.

[3]) Въ главѣ „Хотиловъ", въ помѣщенномъ тутъ „проэктѣ въ будущемъ", сказано ясно: *„удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностью"*. Считаю нужнымъ напомнить при этомъ о замѣткѣ-вопросѣ, помѣщенной мною въ концѣ послѣдней книжки прекратившагося журнала „Бесѣда", вслѣдствіе отзыва о Радищевѣ князя Вяземскаго, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ".

или парняхъ, годящихся въ кучера или повара. И это въ сущности мало повредило славѣ нашего „философскаго вѣка“ въ просвѣщенныхъ салонахъ Франціи. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что Дидро, хотя и рѣшившійся заговорить съ знаменитой княгиней Дашковой о томъ, не пора ли освободить крестьянъ, не лишилъ ея своей дружбы послѣ того, какъ она оказалась, при всемъ своемъ „философскомъ духѣ“, упорной защитницей крѣпостнаго права. Да и не ссориться же, въ самомъ дѣлѣ, изъ за какихъ-то тамъ мужиковъ съ просвѣщенною женщиною, въ роскошномъ салонѣ которой такъ привольно было *faire de l'esprit* за разными утонченными наслажденіями!

Да, духъ XVIII-го вѣка слишкомъ мало подвинулъ у насъ впередъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. А пока они оставались въ крѣпостномъ состояніи, и наша политика въ „областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши“, не могла, само собой разумѣется, принять единственно для нея пригодное народное направленіе.

Но духъ XVIII вѣка продолжалъ у насъ сказываться и въ началѣ XIX-го. Вскормленный этимъ духомъ Лагарпъ, этотъ республиканецъ по происхожденію (но вѣдь и Польша была *республика*), приглашенный Екатериной въ воспитатели къ Александру Павловичу, пламенно отзывался передъ своимъ державнымъ воспитанникомъ о республиканскихъ доблестяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ (которые, однакоже, уживались съ рабствомъ) и выводилъ самыя смѣлыя заключенія изъ событій Европейской исторіи ближайшихъ вѣковъ, а все-таки попалъ подъ вліяніе Остзейскихъ бароновъ, плѣнившихъ его, вѣроятно, своимъ „просвѣщеніемъ“, и императору Александру I, возъимѣвшему, подобно Екатеринѣ II, благую мысль объ освобожденіи крестьянъ, пришлось, вмѣсто поддержки со стороны своего либеральнаго воспитателя, выслушивать отъ него совершенно неожиданные совѣты—быть крайне осторожнымъ въ такомъ рискованномъ дѣлѣ. Дешевыми и мало полезными оказались заносчивые уроки Лагарпа о древнихъ республиканцахъ и объ Англійской революціи;—державному внуку Екатерины гораздо нужнѣе бы было правдивое изложеніе данныхъ отечественной исторіи, способное поселить въ немъ глубокое уваженіе и пламенную любовь къ своему народу, вмѣстѣ съ твердою вѣрою въ него. Въ частности надо было умѣть показать, какъ долго народъ этотъ и не зналъ о крѣпостномъ правѣ, когда и почему оно завелось, и какъ справедливо, и въ сущности даже не особенно трудно, вытравить этотъ гнойный наростъ изъ нашего организма. Но настоящаго понятія о Русской исторіи не могъ сообщить Александру Павловичу и Русскій наставникъ его, хотя и весьма почтенный, М. Н. Муравьевъ, воспитанный самъ въ отвлеченно-гуманномъ и риторическомъ духѣ XVIII-го вѣка. Настоящаго понятія о Русской исторіи не могъ и впослѣдствіи дать ни государю, ни обществу, даже капитальный, по справедливости знаменитый въ столь многихъ отношеніяхъ, но все-таки пропитанный духомъ того же XVIII вѣка, историческій трудъ Карамзина. Постоянно удерживаемый отъ освобожденія крестьянъ, Александръ Благословенный, не рѣшившись какъ и Екатерина, на это великое дѣло, долженъ былъ усвоить себѣ и ея далеко не вполнѣ народную политику по отношенію къ „областямъ, возвращеннымъ отъ Польши“. Когда же наконецъ онъ дошелъ въ этой политикѣ своей (чтò конечно, ужаснуло бы Екатерину) до готовности отдать возстановляемой Польшѣ возвращенныя отъ нея наши области, Карамзинъ, какъ извѣстно, съ истиннымъ мужествомъ гражданина, открыто возсталъ противъ такого намѣренія. Но на чтò же пришлось при этомъ ссылаться нашему исторіографу? *На право меча* или, такъ сказать, на весьма не глубокомысленную пословицу: „чтò взято, то свято“. Вотъ къ какой государственной

мудрости невольно пришлось придти воспитаннику „философскаго вѣка“. Духъ этого послѣдняго выразился и въ томъ, что тутъ преудобнымъ образомъ отодвигалось въ сторону христіанство: оно, можетъ быть, хорошо въ частной жизни, но въ политикѣ оно не годится. И при этомъ какъ будто бы забывалось, что въ данномъ случаѣ мечъ и не думалъ *отнимать чужаго*, а только *возвращалъ свое*, а потому всего проще бы было, безъ всякаго отодвиганія въ сторону христіанства, опереться на то, что край этотъ *нашъ*, въ силу того, что въ немъ *нашъ народъ*, народъ, которому было невыносимо-худо подъ чужою властью, и который по христіанству и слѣдовало освободить; да, но *освободить вполнѣ*, а не оставлять подъ прежнею властью того же враждебнаго панства. Но договариться до этого исторіографъ не могъ — такъ какъ мысль о необходимости освобожденія Русскаго народа въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, должна бы неминуемо привести и къ мысли объ освобожденіи Русскаго народа во всей землѣ Русской. А Карамзинъ, какъ представитель XVIII вѣка въ XIX-мъ, считалъ такое освобожденіе преждевременнымъ. И вотъ сентиментальному гуманисту, щадившему крѣпостныя отношенія, пришлось опереться на *право меча*, какъ на верховную силу въ политикѣ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ отдѣленіи этнографіи Русскаго Географическаго Общества, поднимался вопросъ о томъ, не умѣстно ли было бы въ немъ отпраздновать столѣтнюю годовщину возвращенія нашего Сѣверо-Западнаго края подъ Русскую державу при Екатеринѣ II; но мысль эту нельзя было провести потому, что отдѣленіе этнографіи имѣетъ право становиться только на этнографическую точку зрѣнія: для него важно дѣйствительное возрожденіе въ краѣ *Русской народности*, а не одно его возращеніе *Русскому государству*. Между тѣмъ столѣтіе возстановленія въ этомъ краѣ историческихъ правъ Русскаго народа можетъ праздноваться только нашими потомками; это празднованіе неразрывно свяжется съ именемъ не Екатерины II, а Того, Чья память будетъ благословляться изъ рода въ родъ и въ столѣтнія годовщины освобожденія крестьянъ. Только твердой рѣшимости Александра Втораго провести великое дѣло, которое откладывали, скрѣпя сердце, его предшественники, мы обязаны тѣмъ, что позорная печать рабовладѣльчества снята наконецъ съ нашего отечества. И только по совершеніи этого подвига оказалось возможнымъ совершить и другой: въ областяхъ, давно возвращенныхъ отъ Польши, вывести наконецъ нашъ народъ изъ подъ продолжавшагося и послѣ того ига Польскаго. Дѣло общаго закрѣпощенія Русскаго народа, когда-то совершенное изъ особыхъ экономическихъ видовъ нашею государственною властью, въ силу ея неограниченнаго права, не позволило царю Алексѣю Михайловичу отказывать старшинѣ казацкой въ ея крѣпостническихъ требованіяхъ и заставляло и его преемниковъ, до позднѣйшаго времени, во всѣхъ возсоединяемыхъ съ Россіею областяхъ постоянно поддерживать иго чужихъ, или ставшихъ чужими, надъ своими кровными. Но намъ досталось счастіе быть свидѣтелями, какъ таже власть государственная, признавъ окончательно вредною когда-то допущенную ею мѣру, воспользовалась тѣмъ же неограниченнымъ своимъ правомъ, чтобы отмѣною этой мѣры возвратить родному народу его исконную свободу. И вотъ вскорѣ затѣмъ намъ же довелось, въ силу исторической логики, быть также и свидѣтелями того, какъ древнія области наши, давно уже возсоединенныя съ державой Россійской, наконецъ-то были ею возвращены и родной народности. Пусть же за царствованіемъ, въ которомъ живемъ мы, и останется нераздѣльно въ исторіи неоспоримо-свѣтлая слава того и другаго подвига.

8 Іюля 1875 года. *Орестъ Миллеръ.*

Павловскъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. 2 тома. Москва 1872.

МАСТЕРА ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Иконописцы и живописцы первые были призваны на послуги Петра и едвали не болѣе всѣхъ имѣли возбуждающаго вліянія на развитіе въ немъ умственной дѣятельности и любознательности, сообщая ему нагляднымъ образомъ, посредствомъ потѣшныхъ книжекъ и разныхъ потѣшныхъ вещицъ, первоначальныя свѣдѣнія о предметахъ, доступныхъ для его дѣтскаго возраста. Картинки, называвшіяся тогда потѣшными или фряжскими [1]) листами, и изготовлявшіяся по образцамъ, придворными иконописцами, послужили для него главнымъ источникомъ и первымъ средствомъ образованія. Любуясь картинками, Петръ незамѣтнымъ образомъ знакомился не только съ предметами окружавшей его повседневной дѣйствительности, но и съ такими, которыхъ не имѣлъ возможности видѣть на самомъ дѣлѣ: онъ пріобрѣталъ понятія о разныхъ „градахъ, палатахъ, корабляхъ“, даже о „бѣгахъ небесныхъ“, а также о разныхъ лицахъ отечественной исторіи изъ книгъ царственныхъ. О такихъ книгахъ въ Сборникѣ не упоминается; но что Петръ дѣйствительно ими пользовался, это видно изъ переписки дворецкаго и дьяковъ 1682 года, 15-го и 23-го Сентября: „Да приказалъ окольничей Т. М. Стрѣшневъ прислать въ походъ же (въ с. Воздвиженское) книгу царственную, въ которой писаны персоны благочестивыхъ князей и царей Россійскихъ“.... (Но видно, книга не была выслана, и потому потребована снова)... „Да прислать книгу царственную, откуда произыде корень великихъ государей: спрашиваютъ въ хоромы къ царю Петру Алексѣевичу“ [2]).

Конечно, не всѣ произведенія этихъ мастеровъ, также какъ и мастеровъ въ другихъ родахъ, имѣли непремѣнно воспитательное и образовательное значеніе для Петра; но всѣ они, такъ или иначе, приносили Петру извѣстную долю пользы.

Воинскую охоту возбудили, развивали, затѣмъ и поддерживали всего болѣе разнообразныя издѣлія тѣхъ же мастеровъ: ими изготовлялись и прапорцы, и лучки, и деревянные карабины, и барабаны, и все вообще игрушечное оружіе для Петра и для робятокъ-сверстниковъ, съ которы-

---

*) См. выше, стр. 470.

[1]) Фряжскіе совсѣмъ не то, что̀ Нѣмецкіе, хотя многіе и смѣшиваютъ эти понятія. Фряжскій значитъ собственно Итальянскій и даже частнѣе Венеціанскій, и ничего болѣе. Это вполнѣ доказано г. В. Румянцовымъ въ его статьѣ: „Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Московскомъ печатномъ дворѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Москва 1870.

[2]) Бытъ Рус. Царицъ, г. Забѣлина. Прилож., стр. 135—136. Двѣ книги царственныя находятся въ патріаршей (синодальной) библіотекѣ; каждая въ большой листъ; вверху страницы рисунокъ, а внизу текстъ, писанный отличнымъ, крупнымъ уставомъ.

ми потѣшался онъ этими играми. Все это раскрашивалось Веницейской ярью, шафраномъ, серебромъ, золотомъ; а дѣтямъ, извѣстно, всего болѣе и нравятся хорошенькія, блестящія вещицы.

Не имѣя въ виду излагать подробно ни исторію художествъ, ни біографію мастеровъ того времени (такъ какъ это не можетъ и входить въ предѣлы взятой нами на себя задачи—обзора собственно Сборника), мы считаемъ себя въ правѣ упомянуть однако о нѣкоторыхъ изъ этихъ тружениковъ, особенно замѣтныхъ, по документамъ Сборника, своими работами лично для Петра. Первое мѣсто занимаютъ при этомъ иконописцы и живописцы, а за тѣмъ уже мастера въ другихъ родахъ.

Старѣйшее извѣстіе, которымъ начинается Сборникъ, относится къ написанію иконописцемъ Козловымъ тезоименитаго образа Апостола Петра, въ мѣру возраста новорожденнаго царевича. Это важное дѣло поручено было сперва, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, извѣстному въ то время иконописцу Симону Ушакову; но Ушаковъ, успѣвъ только назнаменить (сдѣлать абрисъ или контуръ) образъ, заболѣлъ и за болѣзнію не могъ его написать [3]). Дѣло между тѣмъ не терпѣло отлагательства, и тогда образъ велѣно написать другому, не менѣе въ то время искусному иконописцу Оружейной Палаты Ѳедору Козлову, которымъ и написанъ былъ образъ къ 29 Іюня 1672 г. на кипарисной цкѣ, длиною $^{3}/_{4}$ арш., шир. 3 верш., изготовленной Оружейныя же Палаты иконописцемъ Егоромъ Зиновьевымъ. Впослѣдствіи этотъ образъ былъ поставленъ надъ гробницею Петра Великаго.

Въ старину, когда вѣра, если не была разумнѣе, за то живѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ въ наше время и, какъ неугасимый свѣточъ, сопровождала нашихъ предковъ на всѣхъ жизненныхъ путяхъ отъ колыбели до могилы; въ старину, комнатные или домовые образа, особенно въ царскомъ быту, почти никогда не были произведеніемъ случайности, а писались обыкновенно по поводу и на память особенныхъ,—хотя не всегда чрезвычайныхъ, событій, такъ что написаніе такой или другой домашней иконы всегда пріурочивалось къ извѣстному обстоятельству въ жизни тѣхъ лицъ, для коихъ онѣ были писаны. Радостные или горестные случаи въ семейной, а тѣмъ болѣе въ общественной жизни, благополучный или неблагопріятный исходъ какого-либо, болѣе или менѣе важнаго дѣла, представленіе грозящей въ будущемъ опасности и естественное желаніе отклонить ее отъ себя, рожденіе новаго члена въ семействѣ, брачный союзъ, постройка новыхъ хоромъ, и прочее,—все это вызывало въ душахъ вѣрующихъ прежде всего благочестивыя мысли, съ особенною силою возносило ихъ умъ и сердце къ Всеблагому Промыслителю и, въ ознаменованіе живой вѣры и упованія на Него, писались иконы: Спаса Всемилостиваго, тезоименитаго угодника, или такого святаго, на ходатайство и заступленіе коего предъ Богомъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, возлагалась особенная надежда.

На томъ же основаніи и написаніе тѣхъ или другихъ иконъ собственно для Петра, особенно во время его дѣтства, непремѣнно имѣло свою знаменательность, свой не только благочестивый, но и историческій смыслъ, также какъ имѣло свой смыслъ и то, ликъ какого именно угодника изображался на иконѣ.

Изъ множества иконъ, писанныхъ для Петра въ разное время разными иконописцами, упомянемъ только о нѣкоторыхъ, написаніе коихъ, по нашему мнѣнію, имѣло именно свою знаменательность.

---

[3]) Опыты Изслѣд. Ист. и Др. Дѣтскіе годы Петра В. I, 6.

„Въ Октябрѣ 1684 года иконописецъ Михайло Милютинъ написалъ образъ Всемилостиваго Спаса, стояща со крестомъ, мѣрою цка въ вышину 3 чети, въ ширину 9 вершковъ, въ хоромы къ в-му г-рю Петру Алексѣевичу“. Подъ тѣмъ же 1684 годомъ приведено слѣдующее указаніе: „Лѣта 7193, Ноября въ 20 день, по указу... в-іе г-ри.... пожаловали стольника Петра Петрова сына Зиновьева, за его службу, что онъ въ 196 году въ смутное время, какъ они в-іе г-ри изволили быть въ походѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, посыланъ отъ нихъ в-ихъ г-рей изъ с. Воздвиженскаго къ Москвѣ съ ихъ государскими грамотами о ихъ государскомъ и земскомъ дѣлѣ, къ святѣйшему Іоакиму, патріарху Московскому и всеа Руссіи и къ боярамъ на́-скоро и въ той посылкѣ учинилъ о всемъ по ихъ в-ихъ г-рей указу: велѣно ему своего государскаго жалованья дать кубокъ серебряной вызолоченъ съ кровлею, вѣс. въ $1^1/_2$ фунта, да кафтанъ золотной на соболяхъ, цѣною во сто рублевъ“.

Сопоставляя это указаніе съ одновременнымъ написаніемъ образа Спаса Всемилостиваго, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: не на память ли того же смутнаго времени, или вѣрнѣе избавленія отъ ужасовъ того времени, сооружена эта святыня? Если такъ, то этотъ образъ, конечно, служилъ для Петра живымъ напоминаніемъ тѣхъ душевныхъ потрясеній, какія испыталъ онъ въ Маѣ мѣсяцѣ злополучнаго 1682 года и тѣхъ неистовствъ, какія онъ видѣлъ и отъ которыхъ, силою и благостію Спаса Всемилостиваго, избавился какъ онъ самъ, такъ и народъ Русскій.

„1685 году Марта 2, къ в. г. Петру Алексѣевичу... въ хоромы, окольничей Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ приказалъ сдѣлать въ Оружейной Палатѣ цку иконную липовую, мѣрою въ вышину 13 вершк., въ ширину тоже, и написать на ней образъ Пресвятой Богородицы Знаменія; на другой сторонѣ образъ Апостола Петра, мученицы Наталіи. И Марта въ 6 день тоё цку, изъ столярскихъ палатъ, сдѣлавъ, принесли, и отдана писать иконописцу Егору Терентьеву съ учениками.... Марта 28-го, велѣно купить ему же Терентьеву зелени, киноварю по 12 золотн., бѣлилъ Русскихъ $^1/_2$ ф., для письма этого образа.... И Апрѣля въ 20 день иконописецъ Егоръ Терентьевъ, вышеписанную икону написавъ, принесъ, и та икона къ в-му г-рю въ хоромы подана; принялъ окольничей Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, взносилъ думный дворянинъ Михайло Тимоѳеевичъ Лихачевъ“.

Чѣмъ было вызвано написаніе этой иконы?

Въ этомъ году царевна Софія, какъ извѣстно, титуловалась уже самодержицею, и, между тѣмъ какъ ненавистная ей мачиха лишена была всякаго значенія, она, вмѣстѣ съ своими главными сотрудниками и оберегателями, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ, твердо надѣялась удержаться на случайно занятомъ ею престолѣ, удержать въ своихъ „окровавленныхъ“ рукахъ незаконно захваченную власть, если не на всегда, то на долго, тѣмъ болѣе что, послѣ женитьбы брата Ивана (9 Янв. 1684 г.), отъ которой можно было ожидать дѣтей, ей во всякомъ случаѣ открывалась возможность сохранить за собою власть подъ видомъ опеки. Но въ то время Петру было уже почти тринадцать лѣтъ, а извѣстно, что когда онъ былъ еще 11-ти лѣтъ, то иностранцу Кемпферу показался 16-лѣтнимъ... Число Преображенцевъ умножалось, обаяніе военныхъ потѣхъ Петра быстро возрастало и овладѣвало умами; сторона его видимо усиливалась. 13 Февраля сдѣланъ былъ Петромъ въ село Преображенское блестящій походъ, въ которомъ („велѣно быть за нимъ“) сопровождали его трое бояръ, двое

окольничихъ, двое думныхъ дворянъ, 41 стольникъ и множество стряпчихъ (ихъ исчислено въ документѣ 22, но прибавлено, что столбецъ безъ конца, Сборникъ I, 55—56.), не говоря уже о численности нижняго чина людей.

Для чего предпринятъ такой небывалый [4]) походъ? Небывалымъ мы называемъ его потому, что всѣ прежніе походы въ разныя мѣста: на Воробьево, въ Коломенское, въ Измайлово, и проч., не представляли собою ничего подобнаго относительно численности сопровождавшихъ государя лицъ, и вовсе не имѣли того торжественнаго, такъ сказать, характера, какой (по документу) приданъ былъ этому походу.

Мы полагаемъ, что этотъ необычайный походъ имѣлъ цѣлью торжество закладки, или же торжественное освященіе первыхъ построекъ потѣшнаго городка; полагаемъ на томъ основаніи, что постройка этой крѣпостцы, названной потомъ Пресбургомъ, начата была именно въ Февралѣ этого года.

Царица Наталья Кириловна, съ одной стороны оскорбленная въ своемъ достоинствѣ (котораго лишена была происками падчерицы), съ другой, тревожась за судьбу свою и своихъ дѣтей, но въ тоже время радуясь возраставшимъ воинскимъ успѣхамъ сына и той любви, которою окружало его тогдашнее молодое, свѣжее поколѣніе, царица-мать смиренно вручаетъ себя и дѣтей своихъ покровительству Царицы Небесной и тезоименитыхъ святыхъ. Вотъ причина или, вѣрнѣе, совокупность причинъ, вызвавшихъ написаніе образа: Пресвятой Богородицы Знаменія на одной сторонѣ цки, и Апостола Петра съ мученицею Наталіею на другой.

Если подъ образомъ Знаменія и не былъ написанъ, то конечно былъ въ сердцѣ и памяти набожной царицы многознаменательный тропарь на празднованіе этого образа [5]).

А такъ какъ на одной и той же цкѣ (а не на двухъ отдѣльныхъ), были изображены и Знаменіе и Апостолъ Петръ съ мученицею Натиліею, то въ отношеніи къ новоустроивавшейся крѣпостцѣ, съ маленькихъ башенъ которой вскорѣ затѣмъ раздался громъ пушекъ, столь непріятно поразившій Софію и не на шутку встревожившій спокойствіе нечистой совѣсти, икона эта имѣла значеніе, въ собственномъ смыслѣ, священнаго знамени, хоругви, подъ сѣнію которой юный государь, посредствомъ потѣшныхъ браней, дѣятельно готовился къ дѣйствительнымъ бранямъ съ врагами внутренними и внѣшними.

„11 Янв. 1692 году в-іе г—ри указали.... въ Переславль Залѣской, въ свои государскіе хоромы, написать живописцомъ 11 образовъ на полотнахъ, въ готовыя рамы, добрымъ мастерствомъ, мѣрою въ длину по

---

[4]) М. П. Погодинъ говоритъ объ этомъ походѣ, что это „былъ какой-то особенный походъ"‥, и даже не обозначаетъ—куда (Семн. лѣтъ, стр. 110); между тѣмъ въ Сборникѣ (т I, стр. 271) есть ясное указаніе, что это былъ походъ именно въ Преображенское, а не въ другое какое-либо мѣсто. „14-го (Февраля 1685 г.), мастерскія палаты завязочнику Терентью Артемьеву въ походъ, въ село Преображенское, на провозъ 2 алт.; посылапъ онъ съ рукавицы да съ водкою цефаликовою (?)". А наканунѣ, 13 Февраля, послано было туда же два фунта пороху (стр. 66).

[5]) „Яко необоримую стѣну и источникъ чудесъ стяжавше тя, раби твои, Богородице Пречистая, сопротивныхъ ополченія низлагаемъ; тѣмъ же молимъ тя: миръ граду Твоему даруй и душамъ нашимъ велію милость".

2 арш., въ ширину по аршину, и въ томъ числѣ четыре образа Спасовыхъ, 4 образа Богородичныхъ, образъ святыя мученицы Наталіи въ моленіи у Вседержителя, образъ Алексѣя человѣка Божія [6]), да Александра Невскаго [7]) въ моленіи Нерукотвореннаго образа, образъ святаго Апостола Петра да Преподобномученицы Евдокіи въ моленіи у Вседержителя стоящіе, а написавъ тѣ образы прислать въ Приказъ Большаго Дворца, къ боярину къ Петру Аврамовичу Лопухину съ товарищи; а сколько къ тому дѣлу золота, серебра, и красокъ, и полотенъ въ расходѣ будетъ по цѣнѣ, о томъ отписать же".

Чѣмъ вызвано было написаніе этихъ образовъ, назначавшихся въ Переславль Залѣскій, это вовсе не требуетъ и объясненія. Очевидно, что (за исключеніемъ образовъ Спасовыхъ и Богородичныхъ) все это образа́ тезоименитые членамъ родной семьи царя Петра. Онъ хотѣлъ, чтобы „ангелы" ихъ были покровителями и охранителями того дѣла, которому полагалъ основаніе на Плещеевѣ озерѣ; иначе сказать, онъ желалъ и въ написаніи этихъ образовъ оставилъ какъ бы завѣщаніе, чтобы потомки его не оставили втунѣ, но продолжали начатое имъ великое дѣло — созданіе Русскаго флота...

Какіе именно мастера писали эти образа, неизвѣстно. Сказано только, что ихъ писали живописцы. Это значитъ, что между иконописцами и живописцами того времени, относительно дѣятельности тѣхъ и другихъ, строгаго разграниченія не существовало.

Если образа́, во время Петра, писались безразлично иконописцами и живописцами (не было ли развѣ особенности только въ томъ, что иконописцы писали образа́ на цкахъ, а на полотнахъ такіе же образа́ писались живописцами?), то тѣмъ менѣе могло быть отчетливаго раздѣленія труда въ изготовленіи для царевича Петра его потѣшекъ. Какъ тѣ, такъ и другіе (иконописцы и живописцы), дѣлали все, что имъ было велѣно и что они умѣли дѣлать. О спеціальности талантовъ, о различіи работъ по внутреннему ихъ содержанію, не могло быть и рѣчи: давались ли для исполненія предметы духовнаго содержанія живописцамъ, или наоборотъ, свѣтскаго содержанія иконописцамъ, или же тѣмъ и другимъ поручалось исполнять какія-нибудь издѣлія изъ дерева (токарную или рѣзную работу), присоединивъ къ нимъ приличныя украшенія,—все это было совершенно въ порядкѣ вещей, и отказывался отъ работы лишь неумѣлый. Замѣтно здѣсь одно, не лишенное значенія, постоянное правило: потѣшныя книги и тетради для царевича писались исключительно иконописцами.

Еще не минуло Петру и году, какъ изготовлена была для него потѣшная книга. Съ 10 по 13-е Мая 1673 года, Костромскіе иконописцы Василій Осиповъ, Василій Кузьминъ, Артемій Тимоѳеевъ, Аксенъ Іонинъ, Климъ Осиповъ и Ярославецъ Борисъ Ивановъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, „писали въ набережныхъ хоромахъ въ хоромы царевичу Петру Алексѣевичу потѣшную книгу", за что получили государева жалованья кормовыхъ денегъ, всего на три дня, противъ указу в-го г-ря и прежнихъ дачъ, по 2 алтына по 2 деньги человѣку на день, и того шти человѣкомъ на три дни рубль 8 алт. 4 деньги". 8 Января 1675 г. иконописецъ Тимоѳей Рязанецъ (или Рязанцевъ) писалъ

---

[6]) Тезоименитаго царевичу Алексѣю Петровичу.

[7]) Тезоименитаго царевичу Александру Петровичу, родившемуся 3 Окт. 1692 г. (новый годъ считался еще съ Сентября).

для царевича еще потѣшную книгу въ четверть листа; на матеріалы выдано было ему 24 алт. Въ 1676 г. написана была еще потѣшная книга. Судя по извѣстіямъ 2-го и 20 Іюня этого года, надобно думать, что писали ее вмѣстѣ иконописцы Никифоръ Бовыкинъ и Өедоръ Матвѣевъ. Въ 1680 г. опять работаетъ Тимоөей Рязанцевъ: Января 15-го ему дано 3 алт. 2 д. за шафранъ, которымъ онъ писалъ и расцвѣчивалъ потѣшныя тетради въ хоромы къ г. ц-чу Петру Алексѣевичу; а 17 Февраля заказаны ему новыя такія же тетради, и для этой цѣли выдано ему на $1/4$ ф. шафрану 1 р. 6 алт. 4 д.

Подъ этимъ же (1680) годомъ, 19 Марта, упоминается въ Сборникѣ объ оклейкѣ потѣшной книжки, сдѣланной неизвѣстно кѣмъ, о букварѣ и налоѣ учительномъ (стр. 229). Подъ 1682 г. Іюня 7, снова упоминается о налоѣ, „на которомъ учитца государь грамотѣ" (стр. 237). Значитъ, собственно-книжное ученіе (какъ уже замѣчено нами и выше) шло для Петра довольно туго, и если въ дѣтствѣ онъ пріобрѣталъ кой-какія свѣдѣнія научныя, то этимъ обязанъ былъ никакъ не книжному ученію, а именно потѣшнымъ книгамъ и тетрадямъ. „Разсматриваніе картинокъ, которыя издавна употреблялись для потѣхи царскихъ дѣтей, Петру послужило, вѣроятно (не вѣроятно, а дѣйствительно), первымъ источникомъ полезнаго образованія", замѣчаетъ М. П. Погодинъ. Фряжскіе листы, потѣшныя книги и тетради, особенно же то, что „любопытный ребенокъ хотѣлъ знать все, обо всемъ распрашивалъ, всякія объясненія на лету хваталъ, учители и дядьки не успѣвали отвѣчать на требованія, съ которыми онъ безпрестанно приставалъ къ нимъ: вотъ тѣ главные, первоначальные источники, которые „обогащали его въ дѣтствѣ, непримѣтно," свѣдѣніями историческими, географическими и всяческими" [8]).

*

Гораздо успѣшнѣе шла для Петра другая наука, наука практическихъ знаній, которую изучалъ онъ посредствомъ разныхъ потѣшныхъ издѣлій, изготовлявшихся тѣми же мастерами, иконописцами и живописцами и мастерами въ другихъ родахъ.

Особенно много потрудился въ дѣлѣ изготовленія для Петра игрушекъ живописецъ Иванъ Безминъ (или Безминовъ). Въ 1673 году онъ дѣлалъ для него двѣ кисти золотыя и ворворки (подвижные шарики на снуркахъ повыше кисти), обнизанныя жемчугомъ, по цѣнѣ 21 алт. 4 д.; тѣ кисти и съ снуркомъ золотнымъ привязаны къ цымбальцамъ маленькимъ потѣшнымъ. Въ слѣдующемъ году Безмину дано на золото, на серебро, на краски и на гульфарбу (гумерабикъ или вишневый клей) 5 р.; тѣмъ золотомъ и серебромъ и красками писалъ онъ 5 знаменъ маленькихъ по разнымъ тафтамъ, въ обѣ стороны, солнце и мѣсяцъ и звѣзды.... Въ 1675 г. дано ему на чепочку серебрянную да на серьги серебряныя съ каменьи рубль; велѣно ему Ивану сдѣлать „бабу деревянную, потѣшную, въ хоромы къ царевичу"..., „а чепь и серьги положить на тоё потѣшную бабу". Въ томъ же году Безмину заплачено за 200 листовъ золота, да за сто листовъ серебра 1 р. 23 алт. 2 д.; тѣмъ золотомъ золотилъ онъ Иванъ потѣхи царевичу... запасныя, статей со сто: булавъ, буздухановъ (тоже родъ булавы), ножиковъ, шестоперовъ (родъ булавы съ головкою, сдѣланною въ видѣ перьевъ стрѣлы), чекановъ (молотъ съ клевцомъ; клевецъ—знакъ военачалія въ видѣ остроконечнаго молоточка), топоровъ посольскихъ и простыхъ молотковъ, шариковъ". Черезъ

[8]) Семнадцать лѣтъ, стр. 18—19.

десять лѣтъ (въ 1685 году), тотъ же Безминъ дѣлалъ для царя Петра Алексѣевича налой точеный, столярской, мѣрою въ вышину $1^1/_2$ арш., въ ширину по размѣру, и „Февраля въ 8 день (1686 г.) тотъ налой росписанъ по черепашному и поданъ въ хоромы"…. Безмину, вмѣстѣ съ другимъ жалованнымъ живописцемъ Иваномъ Салтановымъ, 15 Апр. 1685 года, конечно, за многія ихъ работы, къ Свѣтлому Христову Воскресенью, вмѣсто объяри, дано жалованья по 10 р. человѣку" (стр. 273).

Другой живописецъ Доросей Ермолаевъ, въ 1675 г., писалъ для царевича столикъ, для чего куплено было четь фунта гульфарбы и четь фунта яри Веницейской на 1 р. 16 алт. 4 д. Въ концѣ этого года онъ „золотилъ пушечку съ станкомъ и съ колесцы, потѣшную, въ походъ въ село Преображенское", и кромѣ того золотилъ и красками росписалъ 5 древокъ, 5 прапоровъ тафтяныхъ, 4 топора круглыхъ, 3 топора съ обушками (обушекъ—знакъ военачалія), 2 топора простыхъ, 2 буздухана, 2 булавы, 4 ножика, 2 пары пистолей и карабиновъ; „тѣ потѣхи велѣно ему Доросею тѣмъ золотомъ и красками росписать: на прапорахъ звѣзды, на коймахъ травы, золотомъ и серебромъ по гульфарбѣ; древки и топоры и всякія потѣхи росписать по гульфарбѣ же цвѣтно"; тѣ потѣхи дѣланы для того же похода въ село Преображенское. Въ слѣдующемъ году онъ же Ермолаевъ золотомъ и красками писалъ для царевича потѣшныя игры: пару пищалей, пару пистолей, 3 булавы, 3 обушка, 3 топорка, 3 ножичка и барабанецъ маленькой. Въ 1685 г. Ермолаеву поручено было выаспидить зеленымъ аспидомъ (росписать подъ зеленый мраморъ) „шкатуну липовую съ перегородкою, въ перегородкѣ два ящичка вставныхъ…, а оправу желѣзную луженую—сдѣлать желѣзнаго прорѣзнаго дѣла мастеру Сафону Яковлеву…. И та шкатуна и оправа со всѣмъ противъ указу (т. е. согласно указу) сдѣлана и въ хоромы къ в. г-рю подана"…

Въ 1674 г. у торговаго человѣка Полуекта Елисеева куплены для царевича 9 лучковъ жильничковъ да 8 гнѣздъ северегъ (видъ стрѣлъ; еще встрѣчаются названія стрѣлъ—срѣзни и томары, подъ 1685 г., стр. 59). Иконописецъ Өедоръ Матвѣевъ серебрилъ два лука маленькихъ…; а въ слѣдующемъ году Декабря 1-го куплено сто листовъ сусальнаго золота въ Оружейную Палату и отданы… иконописцамъ (уже нами упомянутымъ): Михаилу Милютину, Никифору Бовыкину, Тимофею Рязанцу; а велѣно имъ тѣмъ золотомъ написать 4 лучка недомѣрочковъ, потѣшные…, „а чтобъ были тѣ луки цвѣтные"… Иконописецъ Өедоръ Нянинъ золотомъ и серебромъ написалъ царевичу барабанецъ; а живописецъ Иванъ Богдановъ золотомъ и красками писалъ набатъ (небольшіе бубны или литавры) потѣшный. Въ 1679 году живописецъ Карпъ Ивановъ красками и золотомъ написалъ для царевича „на Александрійскомъ листу 12 мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того какъ въ столовой въ подволокахъ (на потолкѣ) написано". Въ 1687 г. живописецъ Алексѣй Филиповъ поправлялъ живописное письмо въ хоромахъ в. г-ря Петра Алексѣевича, да въ хоромахъ в. г-ни Наталіи Кириловны.

Особенныя услуги своими трудами оказалъ Петру, какъ въ его дѣтствѣ, такъ и послѣ, жалованный живописецъ Иванъ Салтановъ. Это былъ выходецъ изъ Персіи, принявшій Православіе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, еще до рожденія Петра Великаго. Въ 1675 году онъ писалъ золотомъ разныя потѣшки, а въ 1676 году ему поручено было „росписать оконницу: въ кругу орла, по угламъ травы по слюдѣ, въ хоромы къ царевичу… на́-скоро, а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ въ сквозьё видно было, а съ подворья въ хоромы чтобъ не видно было"… Затѣмъ подъ

1694 и 1697 годами упоминаются работы, исполненныя подъ его досмотромъ, по порученію Петра, уже для цѣлей стратегическихъ.

Въ 1694 году Августа 2-го, по указу в-ихъ г-рей.... велѣно „написать къ в. г-рю Петру Алексѣевичу въ хоромы живописнымъ письмомъ, самымъ добрымъ мастерствомъ, 23 картины, противу Нѣмецкаго образца, бои полевые; длина всякой картинѣ къ свѣту по 2 арш. съ четвертью, вверхъ по $1^1/_2$ арш., и сдѣлать къ нимъ рамы съ гладкимъ дорожникомъ и вычернить противъ Нѣмецкаго образца... И тогожъ числа тѣ 23 картины розданы писать Оружейныя Полаты жалованнымъ живописцомъ: Михаилу Чеглокову, Лукѣ Смольянинову, Григорью Одольскому, Герасиму Костоусову, по четыре картины человѣку; живописнаго письма ученикомъ: Денису Щербакову, Александру Захарову, Савину Мелентьеву, по двѣ картины; Алексѣю Печкину одна картина; а написать имъ на тѣхъ картинахъ розные образцы, примѣняясь къ Нѣмецкимъ картинамъ; а у досмотру надъ ними того письма быть Ивану Салтанову“.... „Въ 1697 году Іюня 17-го, по указу в. г-ря... Петра Алексѣевича..., бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ приказалъ написать въ Оружейной Палатѣ на полотнахъ восемь картинъ морскаго ходу воинскихъ людей, примѣняясь къ заморскимъ Нѣмецкимъ картинамъ или къ Фряжскимъ листамъ [9]), самымъ добрымъ мастерствомъ, мѣрою къ свѣту: 4 картины вышина по 2 арш., ширина по аршину по три чети, 4-жъ картины вышина по $1^1/_2$ арш., ширина по аршину по 6 вершк. въ свѣту жъ; а у досмотру того дѣла быть Ивану Салтанову. И...тѣ картины велѣно писать живописцомъ лучшимъ мастеромъ, самымъ добрымъ мастерствомъ, примѣняясь къ иноземческимъ заморскимъ картинамъ и листамъ: Михаилу Чоглокову, Герасиму Костоусову, Григорью Одольскому, по 2 картины человѣку; Унбрановскому (Урбановскому?) да Савину Мелентьеву, по картинѣ человѣку“.

Далѣе подъ 1696 годомъ есть документъ, прямо указывающій, что живописцы, въ числѣ 10 человѣкъ, отправлены были, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ мастеровыхъ, изъ Москвы въ Воронежъ, къ корабельному дѣлу, т. е. были дѣятельными участниками въ знаменитомъ Азовскомъ походѣ.

„Великому г-рю.... бьютъ челомъ холопы твои Оружейныя Полаты живописцы Васька Познанской съ товарищи 10 человѣкъ. Посланы мы холопы твои на твою в-го г-ря службу на Воронежъ къ корабельному дѣлу, ради живописнаго письма, а твоего в-го г-ря жалованья намъ холопамъ твоимъ на нынѣшній на 204 годъ другой половины не выдано; а которые мастеровые люди посланы изъ Оружейныя Полаты на твои в. г. службу, и тѣмъ мастеровымъ людямъ другая половина все сполна... выдана, да имъ же мастеровымъ людемъ дано на подъемъ по 5 р. человѣку. Милосердый г-рь..., пожалуй насъ холопей своихъ... жалованья другую половину выдать противъ своей братьи...., государь, смилуйся“ (Марта 13 велѣно выдать изъ Приказа Большаго Дворца).

*

Нельзя не остановиться здѣсь на одной важной особенности, указывающей на нѣкоторое, для внимательнаго взгляда довольно уже замѣтное [10]), смягченіе или облагороженіе нравовъ, особенности, выражающейся,

---

[9]) Изъ этого смѣшенія понятій мы видимъ, что уже во времена Петра забыто было чисто-итальянское (Венеціанское), а отнюдь не Нѣмецкое, происхожденіе Фряжскихъ листовъ.

[10]) Напр. въ приведенныхъ выше документахъ 1696 и 1697 годовъ.

въ обозначеніи именъ лицъ большею частію въ полномъ видѣ, а не въ уменьшительномъ, тѣмъ менѣе въ уничижительномъ. Правда, сами себя эти лица (въ своихъ челобитьяхъ) все еще называютъ холопями, Васьками, Ивашками и т. п.; но въ указахъ государевыхъ и вообще въ оффиціальныхъ актахъ, особенно послѣ 1690 года, они называются уже обыкновенно полными именами. Исключенія рѣдки, да и тѣ относятся къ людямъ преимущественно низкаго званія, по понятіямъ того времени [11]).

*

На какой степени развитія стояли еще, во время дѣтства Петра, наши промышленныя искусства, и какіе дѣльные мастера въ разныхъ родахъ были у насъ тогда, кромѣ живописцевъ и иконописцевъ, и въ какихъ отношеніяхъ они могли быть и дѣйствительно были полезны Петру,—это можно видѣть изъ немногихъ примѣровъ.

Въ 1673 году, извѣстнѣйшій въ то время рѣщикъ по дереву, старецъ Ипполитъ дѣлалъ для Петра потѣшную лошадку, рѣзную, деревянную. Любопытна роспись что́ пошло на эту лошадку: „дерева 20 алт., клею 5 ф. по 2 гривны, гуляфной(?)водки да масла кропова(?) на 8 алт., гвоздей холодныхъ на 5 коп., свѣчъ на алтынъ, и всего по счету 64 алт.; а роспись писалъ старецъ Ипполитъ своею рукою.... Старецъ Ипполитъ денегъ рубль 30 алтынъ 4 д. взялъ и росписался“.

Кромѣ этой работы, старецъ Ипполитъ, по всей вѣроятности, дѣлалъ для Петра или вообще для Двора и другое многое, потому то въ 1697 г. старцу Ипполиту, рѣзныхъ дѣлъ мастеру, въ приказъ, полкосяка камки Китайской, 5 арш. сукна кармазину отпущено (стр 335).

Органистъ Симонъ Гутовскій дѣлалъ для царевича (въ 1674 и 1675 г.) цинбалы и страменты (которыя потомъ не разъ и починивалъ и дѣлалъ вновь), а переплечикъ Сава Аѳанасьевъ „оболокъ цинбальцы книжкою, сафьяномъ самымъ добрымъ алымъ, и навелъ печати золотомъ, а застежки сдѣлалъ изъ галуну“.

Немало поработалъ для царевича во время его дѣтства, Иванова приказу Полтева стрѣлецъ Прокофій Еремѣевъ, спеціалистъ по барабанной части, иногда такъ и титулуемый барабанщикомъ.

Въ 1673 г. дѣлалъ онъ Прокофій два барабанца, одинъ мѣрою въ четь аршина, другой въ три вершка.... Въ 1675 г. Янв. 4-го ему выдано за два набата, за дерево и за кожу, и за струны, и за кольца мѣдныя, и за клей 30 алт., за работу 30 же алт., всего 1 р. 26 ал.; дѣлалъ онъ Прокофій набаты въ подносъ къ в. г. царевичу...., къ празднику Рождества Христова. Въ Маѣ того же года барабанщику Прокофію Еремѣеву....10 алт., да за работу по указу 6 ал. 4 д.: дѣлалъ онъ барабаны въ хоромы къ... царевичу; тѣ барабаны изъ хоромъ выдавалъ и починивалъ думный дворянинъ Аврамъ Никитичъ Лопухинъ“.

Такъ какъ барабаны, особенно во время походовъ царевича на Воробьево, въ Коломенское, въ Измайлово, „пробивались немилосердо“, по вы-

---

[11]) Торговый классъ людей вообще, кажется, не пользовался въ то время большимъ уваженіемъ со стороны служилыхъ людей. Въ 1692 г. куплено на дѣло древокъ (для потѣхъ)... у торговаго человѣка у Васьки Степанова, 48 шестовъ сосновыхъ; на обивку кружковъ (къ древкамъ)—на площади у торговаго человѣка Ивашка Макарьева, 4 лоскута большихъ кожи черной, яловочной, 46 ремней бѣлыхъ, 500 гвоздей“ (I, 132—133).

раженію г. Забѣлина [12]), то Еремѣевъ едва успѣвалъ ихъ починивать. Въ Мартѣ 1682 г. онъ починивалъ два барабана потѣшныхъ, а въ Апрѣлѣ снова чинилъ „барабанъ кожи, и снуры наволокъ новые". 3-го Марта 1684 г. „изъ хоромъ выдалъ стольникъ Гаврила Ивановъ сынъ Головкинъ три барабана: одинъ большой, другой средній, третій малый, испорчены, кожи у нихъ испроломаны. А приказалъ ихъ починить, кожи наволочь новыя и того же числа тѣ барабаны отданы починить Семенова приказу Воейкова стрѣльцу Пронкѣ Еремѣеву.. И Марта въ 6 день стрѣлецъ Пронка Еремѣевъ тѣ барабаны починя, принесъ, кожи и снуры на нихъ положилъ новые.... 8 Марта снова выданы изъ хоромъ для починки два барабана большихъ, кожи у нихъ верхнія и нижнія проломаны, и струны изорваны.... 4 Сент. 1685 выданы изъ хоромъ в. г-ря... четыре барабана....; у двухъ кожи пробиты и въ починку не годятся, а у третьяго пробито немного, починить можно... Другой спеціалистъ по этому дѣлу былъ стрѣлецъ Годіонъ Ѳедоровъ. Въ 1683 г. онъ тоже немало пробитыхъ и проломанныхъ барабановъ починилъ заново (стр. 38).

Случалось, что „велѣно" было сдѣлать извѣстныя вещи, а въ Оружейной Палатѣ не оказывалось мастеровъ, которые могли бы исполнить эту работу. Въ такомъ случаѣ разыскивали мастеровъ-спеціалистовъ на сторонѣ, внѣ Оружейной Мастерской. 13 Янв. 1683 года, по указу... велѣно было „сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянныя потѣшныя... и посеребрить, на станкахъ и съ колесы окованными, на станкахъ коймы и въ кругахъ орлы, и клейма литыя оловянныя, и росписать ихъ зеленымъ аспидомъ и съ дышлы, да старой станокъ починить заново, который стоялъ въ Оружейной Палатѣ". Но оказалось, что „въ Оружейной Палатѣ станковъ, колесъ, каемъ и клеемъ (клеймъ) дѣлать не кому", а что прежде дѣлалъ ихъ Овчинныя слободы тяглецъ Григорій Тихоміровъ. Отдана была работа Тихомірову на подрядъ, и къ 16 Марта заказъ былъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно, по подрядной цѣнѣ за 4 рубля. Въ томъ же году, въ Іюлѣ выдано было изъ хоромъ... „16 пушекъ малыхъ, и въ томъ числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большія на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменьше тѣхъ, на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховыя съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большія, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдныя, двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ", для подѣлки новыхъ и для починки старыхъ станковъ. Но опять оказалось, что „въ Оружейной Палатѣ пушечныхъ станковъ дѣлать не кому", и сдѣлалъ ихъ опять тотъ же тяглецъ Тихоміровъ.

Въ Февралѣ тогоже года указано сдѣлать въ Оружейной Палатѣ „обухъ желѣзной, чтобъ былъ вѣсомъ малымъ чѣмъ больше фунта и навести волоченнымъ золотомъ, противъ прежнихъ, каковы дѣланы брату его государеву блаж. памяти в. г-рю Ѳедору Алексѣевичу". И ствольнаго дѣла мастеръ Григорій Вяткинъ сдѣлалъ обушекъ и навелъ золотомъ.— Но понадобилось еще сдѣлать къ этому обушку рукоять желѣзную тощую и по мѣстамъ позолотить и посеребрить ее. И другой мастеръ тоже ствольнаго дѣла, Василій Ѳедотовъ, исполнилъ въ совершенствѣ эту работу.

У раковиннаго ящика и съ черепахою, длиною въ поларшина, у обоихъ концовъ углы выпали, и во многихъ мѣстахъ раковина и черепаха тоже выпадала... Станочнаго дѣла мастеръ Петръ Кузовлевъ сва-

---

[12]) Дѣтскіе годы Петра Великаго.

залъ, что ему для починки этого ящика нужно 4 раковины Венецейскихъ, да два рога казлиныхъ; даны ему на эти матеріялы деньги 30 ал. 4 д., и ящикъ былъ починенъ заново.

1685 г. Декабря 11-го..., выдана изъ хоромъ „трость перцовая заморская, колѣнчатая, черенъ (набалдашникъ) костяной попорченъ, на немъ вырѣзана Нѣмка, на главѣ вырѣзанъ вѣнецъ тѣмъ образцомъ, какъ дѣлается изъ цвѣтныхъ перей"... Приказано у той трости черенъ, въ которомъ мѣстѣ попорчено, починить, да противъ тогожъ сдѣлать вновь „слово въ слово". Работа поручена гребенщику Петру Шешенину; и, „онъ Петръ тоё образцовую трость зачиня, принесъ въ Оружейную Палату, а про новой черенъ сказалъ, что слоновая кость къ такому дѣлу не годится"... Почему не годится, Шешенинъ не объяснилъ; но ему, какъ мастеру-спеціалисту, повѣрили на слово; новый черенъ такъ и не былъ сдѣланъ.

Съ 1684 года начались огненныя потѣхи, которыми Петръ такъ любилъ потѣшаться, и которыя впослѣдствіи самъ устраивалъ на святкахъ, на масляницѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Первымъ руководителемъ его въ этомъ искусствѣ былъ огнестрѣльный мастеръ изъ иностранцевъ Симонъ Зомеръ, прибывшій въ Россію изъ Бранденбургіи въ 1682 году принятый въ службу капитаномъ, а въ 1691 г. бывшій уже подполковникомъ. Въ 1683 г. Іюня 5-го, „в—іе г—ри... пожаловали Московскаго выборнаго, генерала думнаго Агѣева полку Алексѣевича Шепелева, капитана нововыѣзжаго иноземца, огнестрѣльнаго мастера Симона Зомера..., велѣли ему дать своего в—ихъ г—рей жалованья за выѣздъ, противъ его братьи нововыѣзжихъ иноземцевъ, портище (кусокъ) камки адамашки (изъ Дамаска) изъ Казеннаго Приказу". Іюня 28-го слѣдующаго года..., „за потѣшную, гранатную и огнестрѣльную стрѣльбу Іюня 19-го (этого же года), что̀ было въ селѣ Преображенскомъ", Зомеру пожаловано сукно Аглинское доброе, 5 арш. Марта 20-го 1691 г., Зомеру, уже подполковнику, „за его огнестрѣльную потѣшную работу", опять дано сукно кармазинъ, мѣрою 5 аршинъ.

*

Откуда бралъ Петръ пушки и порохъ для своихъ военныхъ экзерцицій, этотъ вопросъ задалъ себѣ и не рѣшилъ г. Устряловъ [13]). Указаніями, представляемыми сборникомъ, вопросъ этотъ рѣшается вполнѣ. Самое существованіе Пушкарскаго Приказа уже даетъ знать, что и до Петра въ Россіи были и пушкари и пушки; вопросъ только въ томъ, были ли у насъ до его времени пушки собственно-русскаго издѣлія? По всей вѣроятности были, хотя Сборникъ и не представляетъ намъ документальныхъ на этотъ предметъ подтвержденій. Первоначально пушки, полковыя и крѣпостныя, конечно, были заграничнаго и большею частію Голландскаго производства. Но такъ какъ и Пушечный дворъ (гдѣ лились пушки, пищали и проч.), и Пушкарскій и Ствольный Приказы, еще въ дѣтство Петра, существовали уже какъ учрежденія вполнѣ организованныя (Сбор., I, 71), и были не только пушечные мастера, но и ученики у нихъ, то съ достовѣрностью можно сказать, что и до Петра были пушки чисто-русскаго производства, хотя быть можетъ дѣлались и по образцамъ иностраннымъ. Но при Петрѣ это производство приняло несравненно бо̀льшіе размѣры, такъ какъ, по самому ходу военныхъ дѣйствій съ Турками и потомъ съ Шведами, являлась необходимость усиленія этого дѣла, а вслѣдствіе того и умноженія пушечныхъ и вообще оружейныхъ мастеровъ.

[13]) Ист. Петра Великаго, т. II, стр. 25.

Подъ 1686 г. (Сент. 4) находится важное извѣстіе, что Русскіе мастера лили пушки еще въ въ 1682 году. „По указу..., дано государева жалованье пушечнымъ мастерамъ Мартьяну Осипову да Якову Дубинкѣ, въ приказъ по 5 арш. сукна кармазину, да по дарогамъ (дороги—шелковая ткань, полосатая или клѣтчатая, иногда съ золотыми или серебряными травами, употреблялась на подкладку); да ученикамъ ихъ 31 человѣку по 5 арш. сукна Амбургскаго, а дано имъ государево жалованье за то, что они въ прошломъ 190 (1682) году вылили двѣ пушки большія, прозваніемъ одна — Новой Персъ витая, другая — Новой Троилъ (т. II., стр. 344). Первоначально Петръ пользовался тѣми пушками, какія оказывались подъ рукою въ Оружейной Палатѣ. Если колеса, станки и прочія пушечныя принадлежности оказывались попорченными, то они починивались знающими мастерами, и пушки пускались въ ходъ (Тихоміровъ). Когда же построился потѣшный городокъ, то Петръ забиралъ пушки не только изъ Оружейной Палаты, но и прямо изъ стрѣлецкихъ полковъ, вмѣстѣ съ барабанщиками, флейтщиками, простыми стрѣльцами и съ упряжью подъ артилерію изъ Конюшеннаго Приказа. Такъ въ Сентябрѣ 1688 г. Петръ вытребовалъ къ себѣ почти всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ Гордонова полка и перевелъ въ Преображенское значительное число стрѣльцовъ (Записки Гордона, II, 227).

Между тѣмъ на пушечномъ дворѣ производилась неустанная работа своимъ чередомъ. Тамъ выливались пищали, пушки, мортиры, и мастера получали частыя награды. 1685 г. 11-го Янв. государева жалованья пушечнаго дѣла мастеру Якову Дубинѣ, въ приказъ, 10 р. Февр. 9-го... пушечнаго дѣла ученику Мишкѣ Онофрѣеву за его работу многую... 5 р. 2-го Марта 1692 г. „пушечному мастеру Мартьяну Осипову, для своего государскаго пришествія, какъ онъ великій государь Петръ Алексѣевичь изволилъ быть на пушечномъ дворѣ у пушечнаго литья, что онъ Мартьянъ лилъ 12 пищалей, длиною по аршину по 3 вершка, ядромъ по 2 гривенки, да пушку верховую складную, гранатомъ полупудовую, за то пушечное мастерство въ приказъ, портище сукна кармазину, мѣрою 5 арш. дано"; а 7 Марта ему же дано опять 10 аршинъ камки желтой... Декабря 11-го того же года, по указу..., изъ Пушкарскаго Приказу... жалованья пушечному мастеру Евсевью Данилову за его пушечную многую работу, что онъ Евсевей въ нынѣшнемъ въ 201 году вылилъ на пушечномъ дворѣ большую пищаль, противъ образца Нѣмецкія Галанскія пищали, прозваньемъ „Левъ", длин. 4 арш. 6 верш., ядромъ 30 гривенокъ, въ приказъ, сукна кармазину 5 арш... Февр. 28-го 1695 г., по указу...., изъ Пушкарскаго Приказу...., жалованья опять тому же „пушечнаго дѣла мастеру Мартьяну Осипову за его пушечное мастерство, что онъ вылилъ двѣ пищали съ Галанскаго образца, прозваньемъ „Орелъ", ядромъ пудъ. „Лебедь", ядромъ 20 гривенокъ, сукна кармазину 5 арш... Въ 1698 г. тотъ же Осиповъ вылилъ на Пушечномъ дворѣ „два мозжера (мортиры, попольски: mozdzierz) на мѣдныхъ доскахъ по новому Нѣмецкому образцу и по чертежамъ, одинъ гранатомъ 3-хъ пудовой, другой полупудовой, за что дано ему „государева жалованья 2 сукна кармазину, мѣрою по 5 арш. портище"....

*

Что касается до пороху и свинцу, то Петру доставлялось то и другое совершенно въ достаточномъ количествѣ; по крайней мѣрѣ изъ документовъ Сборника не видно, чтобы изъ-за недостатка „зелья" или свинцу происходила когда нибудь остановка или задержка въ его огненныхъ потѣхахъ. Если иногда и случалось, что въ оружейной казнѣ оказывался

въ нихъ недостатокъ, то потребное количество покупалось у торговыхъ людей.

О расходѣ свинцу и пороху въ первый разъ (въ Сборникѣ) упоминается подъ 1684 годомъ: Іюня 21, для походу за в. г—ремъ.... понадобилось самопальнымъ пороху фунтъ, свинцу 2 ф., двѣ трещотки съ трубки (?), ветошей на 6 денегъ. Сент. 2-го, по указу... и по сказкѣ самопальныхъ Фрола Миронова, Якова Осипова, Якова Демина..., для походу въ Макарьевъ монастырь, что въ Колязинѣ, „къ пищалямъ винтованнымъ, золоченымъ, походнымъ"... понадобилось между прочимъ: 10 ф. пороху головнаго (?), полпуда свинцу..., кадиленка, чѣмъ лить пульки..., 2 ф. дроби Нѣмецкой. 12 Сент..., велѣно прислать..., въ походъ, въ село Воздвиженское..., пороху 5 ф., дроби свинцовой 3 ф., свинцу 5 ф.; а въ Оружейной Палатѣ... въ запасѣ нѣтъ. И того жъ числа, „по тому его в. г. указу куплено москательнаго ряду у торговаго человѣка у Тимоѳея Тихонова свинцу 5 ф., по 4 д. за фунтъ, и того 3 ал. 2 д., 3 ф. дроби Нѣмецкой по 6 д. за фунтъ, и того 4 ал.,—всего тал. 2 д.... Съ слѣдующаго 1685 г. веденъ былъ родъ журнала, въ которомъ подробно обозначались всѣ расходы на огнестрѣльную стрѣльбу... Въ этомъ году, съ 13 Февраля по 28 Сентября, разновременно и въ разные походы, въ Преображенское, Коломенское, Воробьево, употреблено больше 12 ф. пороху и 10 ф. свинцу и дроби (стр. 66—67). Марта 28-го 1686 г. Окольничій Т. Н. Стрѣшневъ приказалъ въ Оружейной Палатѣ для потѣхи в. г—рю...., держать въ запасѣ порохъ, пули, дробь разныхъ статей; и въ Оружейной Палатѣ пороху, пуль, дроби нѣтъ, а есть свинецъ.—(Приказано): 'Пуль разныхъ статей 5 ф. велѣть налить самопальнымъ. Пороху 2 ф. головнаго, фунтъ пистольнаго, 3 трещетки, пять затравокъ, тожъ число пыжовниковъ купить и держать въ запасѣ, и велѣть въ Оружейной Палатѣ быть понедѣльно днумъ человѣкамъ самопальнымъ безотходно" (стр. 69). Въ этомъ году съ 5 Февр. по 23 Окт. отправлено въ разные походы 10 ф. пороху и 24 ф. свинцу и дроби. Въ 1687 г. съ 11 Мая по 23 Ноября въ походы: въ Троицкій Сергіевъ, въ Преображенское и въ Савинскій монастырь,—4 ф. пороху и 30 ф. дроби и свинцу. Въ 1688 г. съ 3 Мая по 10 Сент., въ походы въ село Преображенское и въ два Троицкіе похода (а оттуда и въ Переславль-Залѣсскій) израсходовано 9 ф. пороху и 1 п. 2 ф. свинцу съ дробью.

На потѣшныя собственно стрѣльбы также не мало тратилось пороху и свинцу. Такія стрѣльбы особенно часто производились Петромъ въ Воскресенскомъ и на Прѣснѣ. Въ 1687 году 28 Янв. взяты были туда у торговаго человѣка Тимоѳея Петрова мѣдныя трубы къ ракетному наряду (стр. 282). Въ 1691 г. производилась тамъ же пальба гранатная и пушечная (въ цѣль), за что гранатнымъ мастеромъ и пушкарямъ, вмѣсто суконъ даны денежныя награды (всего 762 р.). Особенно интересна была стрѣльба тамъ же, 3 Февр. 1692 году: въ числѣ многихъ потѣшныхъ нововымышленныхъ дѣлъ была тамъ планета Сатурнусъ, производилась пушечная стрѣльба въ цѣль изъ большаго и изъ полковаго наряду..., и стрѣльба изъ пушки Ехидны. Гранатнымъ мастерамъ и пушкарямъ даны были опять значительныя награды (І, 129—131).

Кромѣ того, подъ 1686 г. есть замѣчательная записка о прострѣлѣ старыхъ мушкетныхъ стволовъ, изъ которой видно, что 22 Іюня отправлено было въ село Преображенское для прострѣла 850 стволовъ, Іюля 8-го — 1500, 15-го — 1000, 16-го — 300, Декабря 1-го („отпущено за нимъ в. г—ремъ въ походъ въ село Преображенское для прострѣлу") — 2050 стволовъ и 7-го Декабря 300 стволовъ („которые Декабря въ 1-мъ числѣ

не прострѣлились"). Немало, конечно, „зелья" и свинцу пошло и на этотъ прострѣлъ 4700 старыхъ стволовъ.

Значитъ, ни въ пушкахъ, ни въ порохѣ и свинцѣ, у Петра не было и не могло быть недостатка, и вопросъ, откуда бралъ онъ порохъ и пушки, рѣшенъ документально.

*

Вообще, слѣдя за ходомъ событій въ жизни Петра съ первыхъ годовъ его царствованія (1683, 1684, 1685 и т. д.), нельзя не замѣтить, что чѣмъ больше оказывалось у него дѣла, работы, тѣмъ болѣе возрастало число рабочихъ людей, художниковъ, мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ во всѣхъ родахъ. И такъ называемыя „свободныя искусства", на ряду съ другими мастерствами, плотничнымъ, кузнечнымъ, пушечнымъ и др., должны были нести потребную для Петра службу.—Ради военныхъ дѣйствій съ Турками, понадобились Петру боевыя, сухопутныя и морскія картины, и—свободные художники, волей-неволей, должны были списывать эти картины съ Нѣмецкихъ образцовъ, и притомъ самымъ добрымъ мастерствомъ. Художественнаго въ собственномъ смыслѣ пониманія дѣла тогда у насъ не существовало, да оно и не требовалось при тѣхъ практическихъ цѣляхъ и предпріятіяхъ, какими была переполнена труженическая жизнь Великаго Работника. Творческая мысль и творческая сила Петра царили тогда надъ всѣмъ его окружавшимъ, и всѣ иныя силы должны были служить только покорными орудіями для осуществленія того идеала, который наполнялъ умъ и сердце Преобразователя....

Самъ же Петръ, въ дѣлѣ мастерства, прошелъ всѣ степени, начиная съ ученика, простаго плотника, кузнеца, токаря до званія совершеннаго въ каждомъ родѣ мáстера, также какъ въ военномъ отношеніи, начавъ свою службу съ простаго солдата, въ 1696 г. подъ Азовымъ онъ дослужился до чина капитана, а морскую, начавъ съ шкипера, дошелъ до чина господина вице-адмирала (такъ титуловался Петръ въ 1714 году).

Еще въ Марта 1683 года Петръ купилъ, какъ мы уже видѣли, для своего личнаго употребленія, у каменщиковъ „кирки, молотки, лопатки желѣзныя", которыя взяты у нихъ въ хоромы государевы (стр. 255). Въ слѣдующемъ году 27 Іюня снова куплены у каменщиковъ „снасти, лопатки и молотки желѣзные" и взяты въ верхъ...

Весьма важныя, подъ этимъ же годомъ, мы находимъ указанія того, что двѣнадцатилѣтній Петръ учился печатному дѣлу.

„Ноября въ 16 день, изъ хоромъ в—го г—ря.... Петра Алексѣевича... выходилъ окольничій Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ и приказалъ изъ Серебряной Палаты къ нему в. г—рю въ хоромы взнесть на печать доску кованную красной зеленой мѣди гладкую, въ длину и въ ширину по 10 вершковъ. И въ Серебряной Палатѣ въ запасѣ никакой кованной мѣдной доски и мѣди нѣтъ.—(Помѣта): Купить. И по сей помѣтѣ куплена въ Серебряную Палату мѣдная доска противъ той вышеписанной мѣры, кована изъ красной мѣди, вѣсу 4 ф., котельнаго дѣла у мастера у Ивашки Андреева, цѣною по 3 алт. фунтъ; и того ему Ивашкѣ за тоё мѣдь доведетца денегъ дать 12 алтынъ. И та доска мѣдная къ нему в. г—рю въ хоромы подана; принялъ онъ же Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ" (стр. 51). А 18-го Ноября,... „села Преображенскаго токарю Ларькѣ Осипову къ дѣлу станка, чѣмъ печатаютъ листы, на лѣсъ (дано) 2 гривны" (стр. 269). Присоединивъ сюда изъ другаго источника (въ Сборникѣ этого документа нѣтъ) почти одновременное извѣстіе, относящееся къ тому же печатному дѣлу, мы получаемъ полное, документальное удостовѣреніе,

что Петръ, съ дѣтства, ознакомился не только съ этимъ дѣломъ, но и съ переплетнымъ мастерствомъ. Въ Трудахъ перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 г. (стр. IX, Москва, 1871) приведены слѣдующіе документы. Въ расходной книгѣ Печатн. Приказа № 91, подъ 6-мъ числомъ Декабря 1684 года, записано: „По указу..., иманъ изъ приказу книгъ печатнаго дѣла въ хоромы къ в. г—рю... Петру Алексѣевичу... станъ со всякими становыми снастьми; да къ тому стану мастеровые люди 6 человѣкъ; да въ хоромы куплено къ переплетному дѣлу бумаги волнистой, веревокъ, нитей, клею, книжныхъ досокъ на 6 алт. на 4 д“. Тамъ же находится извѣстіе, что Петръ посѣщалъ печатный дворъ и въ послѣдствіи: „1710 г., Генваря въ 18 день. куплена скляница ренскаго, да водки приказной(?), 1 1/2 ф. икры зернистой, 3 ф. семги, баранковъ...: въ вышеписанномъ числѣ изволилъ быть г—рь на печатномъ дворѣ“.

Изъ этихъ документовъ относительно печатнаго дѣла смѣло заключаемъ, что Русскій шрифтъ или, какъ обыкновенно его называютъ, гражданская азбука, которою впослѣдствіи замѣнена при Петрѣ церковно-славянская печать для книгъ свѣтскаго содержанія, обязана своимъ происхожденіемъ, по прямой линіи, лично самому же Петру, какъ спеціалисту этого мастерства.

Особенно любилъ Петръ токарное мастерство: 1684 г. Іюля 27 „привезено изъ похода изъ села Воробьева въ Оружейную Палату 6 мѣстъ снастей токарныхъ, да доска токарная жъ, деревянныя, мѣрою снасти по 10, 9, 8 и по 6 вершковъ, доска длиною 7 вершк...., и приказано сдѣлать противъ тѣхъ образцовъ снасти желѣзныя..., всего 18 мѣстъ, и тѣ снасти сдѣлавъ, прислать къ нему в. г—рю въ походъ въ село Воробьево, не замотчавъ (не замедливъ)“. Въ 1686 году. Окт. 23 сдѣлано „къ в. г—рю въ хоромы еще 20 мѣстъ снастей токарныхъ желѣзныхъ, и къ нимъ выточены ручки и отданы сабельнаго дѣла придѣльщикамъ Ѳирсу Иванову съ товарищи, а велѣно имъ тѣ черенья для укрѣпленія опоять мѣдью“...

Въ Іюлѣ 1717 г., въ бытность за границею, Петръ купилъ для себя въ Спа, у токарнаго мастера Матія Хруи, станокъ токарный за 7 червонныхъ 2 гульд. 5 талеровъ. Но онъ подарилъ Матію еще червонный за то, что у него точилъ на этомъ станку.

Со 2-го по 10 Сент. 1681 г. станочнаго дѣла мастера дѣлали къ нему в. г—рю въ хоромы „верстакъ столярской съ двумя выдвижными ящиками“...; 16-го дано „комнатному сторожу Минѣ Кузьмину на покупку всякой кузнечной снасти 5 р.; и та кузнечная снасть в. г—рю въ хоромы“...

Безъ помощи другихъ мастеровъ Петръ построилъ новую яхту, поднимавшую до 30 человѣкъ, которую спустилъ на воду 14 Марта 1691 г. и на которой катался потомъ всю эту весну по Москвѣ-рѣкѣ. А изучивъ искусство кораблестроенія, на практикѣ и въ теоріи, въ Голландіи и особенно въ Англіи (1697—1698 г.), онъ уже по всѣмъ правиламъ кораблестроительнаго искусства соорудилъ въ 1699—1700 гг. корабль „Божіе сему есть предвѣдѣніе“. Корабль этотъ заложенъ былъ 19 Ноября 1699, а на воду спущенъ Апрѣля 27-го 1700 г.; длина его была 118 футовъ, ширина 31 футъ, индеруимъ (глубина?) 9 ф. 9 дюймовъ, 58 пушекъ, дѣлалъ его царское величество“.

Замѣтимъ, что въ „Описи кораблей и галеръ“ Азовскаго флота (II, 320—323) Петръ является единственнымъ Русскимъ мастеромъ, строившимъ этотъ корабль: прочіе корабли всѣ дѣланы были иностранцами.

*

По смерти отца (29 Янв. 1676 г.), не оставляя ни потѣшныхъ книжекъ, ни потѣшныхъ игръ, Петръ, почти до самой смерти единокровнаго брата своего Ѳеодора, жилъ съ матерью и сестрою большею частью въ Преображенскомъ, „на просторѣ, среди полей и рощей, вдали отъ придворнаго тунеядства, праздношатанія, безпечности и закоснѣлыхъ обычаевъ“, какъ выражается М. П. Погодинъ [15]). Онъ потѣшался тамъ съ робятками и вмѣстѣ учился...

Съ первыхъ же дней воцаренія Ѳеодора, вдовствующая царица съ дѣтьми, конечно, почувствовала (а вѣроятно Милославскіе и дали почувствовать), что она какъ будто чужая въ царской семьѣ; а ссылка сперва Матвѣева, ея опекуна, въ Верхотурье, а потомъ въ Пустозерскъ, затѣмъ ссылка ея братьевъ, ясно дали ей сознать не только отчужденіе отъ царскаго дома, но и всю ея беззащитность и безпомощность.

Сборникъ представляетъ документъ, относящій къ первому же году царствованія Ѳеодора и имѣющій немаловажное значеніе въ томъ отношеніи, что даетъ хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе явное указаніе на фактическое отдаленіе царицы и дѣтей ея отъ другихъ членовъ царской семьи. 14 Декабря 1676 г. „по указу... Ѳеодора... взято изъ его государевы Мастерскія Полаты брата его государева ц—ча Петра Алексѣевича сундукъ съ платьемъ за хоромной печатью в. г—ни царицы и в. к. Наталіи Кириловны въ Мастерскую Полату; и съ того числа указалъ в. государь брату своему государеву ц—чу Петру Алексѣевичу кроенье платью быть въ Царицыной Мастерской Полатѣ; а что̀ къ тому кроенью надобно будетъ, и то имать изъ его государевы Мастерскія Полаты... И тотъ его государевъ указъ имянной писанъ в—ія г—ни царицы въ кроильной книгѣ“ (стр. 210).

Опредѣливъ къ Петру учителя (Зотова, 12-го Марта 1676 г.), назначивъ извѣстный окладъ жалованья прислугѣ царевича и его карламъ (въ 1681 г. упоминается ихъ четверо: Василій Родіоновъ, Никита Гавриловъ, Иванъ Кондратьевъ, Михайло Кондратьевъ) и передавъ въ полное распоряженіе мачихи гардеробъ царевича, Ѳеодоръ сложилъ за тѣмъ съ себя, по видимому, всякое попеченіе о братѣ...

Петръ одинокъ; о немъ какъ бы забыли при большомъ Дворѣ, и тутъ начинается вліяніе сосѣдней съ селомъ Преображенскимъ Нѣмецкой Слободы, вліяніе, ознаменовавшее себя глубокими, неизцѣльными язвами въ геніальной природѣ Петра Великаго.

Николай Астровъ.

---

[15]) Семнадцать лѣтъ, стр. 16.

ПОДВИГЪ МѢЩАНИНА ГЕРАСИМОВА.

Извѣстно, что, вслѣдствіе Тильзитскаго мира, наше правительство должно было присоединиться къ континентальной системѣ, придуманной Наполеономъ въ видахъ нанесенія бо̀льшаго вреда Англійской торговлѣ. Наша морская торговля была парализована или совсѣмъ прекращена. Англія, терпя тоже большіе убытки отъ прекращенія торговыхъ сношеній съ Европейскими державами, вооруживъ противъ Россіи Швецію, старалась вооружить противъ насъ и Данію. Но какъ эта держава продолжала находиться въ союзѣ съ Россіею, то Англичане бомбардировали Копенгагенъ, разгромили его, захватили весь флотъ Датскій и отвели его въ Англію. Въ это-то время непріязненныхъ отношеній Англіи къ Россіи и Даніи, одинъ мѣщанинъ города Колы, лежащаго, какъ извѣстно, на самомъ дальнемъ краю Русскаго Сѣвера, совершилъ подвигъ Русской удали и беззавѣтной отваги, достойный сохраненія въ памяти потомства. Нижеслѣдующее высочайшее повелѣніе, объявленное Военной Коллегіи военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли (27 Декабря 1810 г. за № 2581) выражаетъ, въ чемъ состоялъ подвигъ мѣщанина Герасимова.

Въ Государственную Военную Коллегію.

Кольскій мѣщанинъ Герасимовъ, бывъ отправленъ съ 8-ю матросами отъ Архангельскихъ купцовъ Поповыхъ, на кораблѣ Евплусѣ 2-мъ, въ Норвегію съ рожью, былъ захваченъ, 19-го прошлаго Августа, не доходя Нордкапа, Англійскимъ фрегатомъ. Англичане, ссадивъ четырехъ матросовъ на фрегатъ и поставивъ на кораблѣ караулъ изъ семи вооруженныхъ матросовъ при офицерѣ, повели его въ Англію и наконецъ, когда сильною бурею фрегатъ отнесло на весьма дальнее разстояніе, то Герасимовъ, заколотивъ въ каютѣ спавшихъ шесть человѣкъ непріятельскихъ матросовъ и офицера и сбросивъ остальнаго съ палубы въ море, приплылъ въ Датскій городъ Вардгузенъ и сдалъ тамошнему коменданту полоненныхъ имъ Англичанъ. За сей подвигъ Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ наградить его, Герасимова, знакомъ отличія военнаго ордена.

Во исполненіе сего предлагаю Государственной Военной Коллегіи таковой знакъ отличія, на основаніи высочайшаго именнаго указа 23-го Января 1809-го года, вытребовавъ изъ Капитула Россійскихъ орденовъ, доставить ко мнѣ для препровожденія къ министру полиціи.

Военный министръ Барклай-де-Толли.

(*Сообщено съ подлинной бумаги Г. Н. Александровымъ*).

ПРАДѢДЪ ЛЕРМОНТОВА.

Въ весьма рѣдкой книгѣ *Имянной списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ штабъ-оберъ-офицерамъ и кадетамъ*, ч. I. С.Петербургъ, 1761 г., изданной повелѣніемъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, который былъ начальникомъ Сухопутнаго Корпуса (книга эта имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда передана изъ Эрмитажной Библіотеки), на стр. 227, подъ № 731, находится слѣдующее указаніе о прадѣдѣ М. Ю. Лермонтова.

„*Юрья Лермонтовъ*, вступилъ въ корпусъ 1740 года, Маія 27 дня, а въ „1745 году за болѣзнью отставленъ изъ капраловъ подпоручикомъ, съ „таковымъ аттестатомъ: геометрію, практику, регулярную и иррегулярную фортификацію окончалъ учится съ атакою, чертитъ хорошіе чертежи, рисуетъ ландшафты красками и миніатюрою, разумѣетъ и говоритъ нѣсколько понѣмецки, началъ переводить съ Россійскаго на Нѣмецкій языкъ, учится танцовать“.

Въ томъ-же, 1740 году, какъ видно изъ названной книги, съ Юріемъ Лермонтовымъ поступили въ корпусъ слѣдующіе кадеты: князь Александръ Алексѣевичь Вяземскій, Петръ Ивановичь Мелисино, Иванъ Ѳеодоровичь Беклешовъ, Александръ Васильевичь Талызинъ, Михайлъ Васильевичь Бакунинъ, Григорій Соймоновъ, Ѳедоръ Ефимовичь Обольяниновъ, Иванъ Неплюевъ, Вильямъ Паткуль, князь Павелъ Шаховской, Михайлъ Ивановичь Мордвиновъ, Платонъ Ивановичь Орловъ, Андр. Ив. Ладыгинъ, графъ Петръ Александровичь Румянцевъ, Давидъ Михельзонъ, князь Петръ Яковлевичь Барятинской и др.

Въ статьяхъ г. В. Никольскаго „Предки М. Ю. Лермонтова (Русская Старина“ 1873 г., стр. 547—563 и 810—811) говорится, что этого прадѣда Лермонтова звали *Юрья Петровичь* (дѣдъ поэта былъ Петръ Юрьичь, отецъ опять Юрій Петровичь). Такъ какъ объ этомъ лицѣ въ названныхъ статьяхъ не приведено никакихъ свѣдѣній, кромѣ лишь того, что отца Юрья Петровича звали Петромъ Евтихіевичемъ (или опять таки Юрьевичемъ—двойственность имени не была рѣдкостью въ древней Россіи), то не будетъ лишнею выше приведенная выдержка изъ названной рѣдкой книги.

Григорій Данилевскій.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА О ПЕРВЫХЪ СУДЬБАХЪ МЕНШИКОВА.

Къ свѣдѣніямъ о происхожденіи и родственникахъ Меншикова слѣдуетъ присоединить загадочное письмо, писанное къ Меншикову въ 1704 году отъ какой-то Елены Фадемрехтъ. Она называетъ Меншикова своимъ сыномъ, посылаетъ ему *благословеніе* свое и тужитъ, что онъ не пишетъ къ ней. Чрезвычайно странно! Имя *Елены* не въ употребленіи у Нѣмцевъ. Со временемъ можетъ быть и откроется, кто была эта женщина, вѣроятно обитательница Нѣмецкой Слободы, съ которою такъ тѣсно связана первоначальная судьба Меншикова. Пушкинъ мѣтко назвалъ его *счастья баловнемъ безроднымъ*. Вотъ самое письмо Елены Фадемрехтъ:

Государь мой, милостивый батка и сынъ мой прелюбезнѣйшій, Александръ Даниловичъ.

Молю всегда Бога чрезъ сіе писаніе о долгоденственномъ и благополучномъ пребываніи тебѣ всегда пребыти. А наипаче прошу любезнѣйшаго моего сына, дабы положилъ извѣстить мнѣ о своемъ здоровьѣ, о немъ же я слышать всеусердно желаю.

А о мнѣ поволишь спросить, и я съ мужемъ и съ дѣтьми еще въ живыхъ обрѣтаюсь.

Печалую безмѣрно и болю сердцемъ, яко отъ многія туги лежу едва жива въ болѣзни моей лихорадкою, а отъ тебя милостиваго моего противъ своего писанія вѣдомости не имѣю.

Ты, мой государь милостивый, въ дальнемъ заѣздѣ служишь; а я тужу, потому что ты меня не обрадуешь, ни о чемъ ко мнѣ не пишешь.

Однакожъ я молю всегда всещедраго Бога, чтобъ намѣреніе ваше надъ непріятели Богъ исполнилъ и чтобъ вашъ страхъ надъ непріятели вездѣ былъ славенъ, а намъ бы о томъ слыша благодарить вышняго Творца, душею и сердцемъ радоватися. За симъ, яко сыну моему любезнѣйшему, милостивому и драгоцѣнному и милосердному и добродѣтельному, съ нижайшимъ поздравительнымъ поклоненіемъ благословеніе отсылаю. Елена Фадемрехтова.

Съ Москвы, Мая въ 5 день 1704 года.

Письмо хранится въ дѣлахъ Меншикова, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, книга 2, стр. LXVIII.

(Сообщено Г. В. Есиповымъ).

У ВСЯКАГО СВОЙ РАЙ.

СТАРИННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ С. А. НЕЕЛОВА.

Рай старой дѣвушкѣ женихъ,
Хорошій стихотворцу стихъ,
Кокеткѣ всякой комплиментъ,
Солдату первый позументъ,
Купчихѣ теплая лежанка,
А лакомкѣ варенья банка,
Обжорѣ Страсбургской пирогъ,
Скупому золота мѣшокъ,
Для пьяницы штофъ полный водки,
Браслеты, серги для красотки,
Для торгаша большой барышъ,
Для кошки пойманная мышь,
Для земледѣльца урожай,
Для мореходца вѣтръ попутный,
Для старца уголокъ пріютный,
Для всей природы красный Май.
Рай для приказнаго цѣлковый,
Жилетъ для франта, модный, новый;
Рай для Отечества герой.
А для меня мой рай земной—
Такъ это быть всегда съ тобой.

(*Сообщено Александромъ Гавриловичемъ Ермоловымъ*).

НЕИЗДАННОЕ ЧЕТВЕРОСТИШІЕ ПУШКИНА.

В. П. Аршеневскій сообщилъ мнѣ четверостишіе, написанное въ альбомѣ тетки его, княжны Анны Акинѳіевны Мещерской А. С. Пушкинымъ. Княжна имѣла обычай всегда праздновать день своего рожденія и слабость уменьшать свои года.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой, чтò годъ, то больше лѣтъ;
А ты, чтò годъ, то все моложе.

(*Сообщено Н. П. Барсуковымъ*).

ПРЕДМЕТНАЯ РОСПИСЬ

или

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТИ КНИГЪ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА *

(*Архивъ государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова*).

ЛИЧНЫЯ БУМАГИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1. Прошеніе Елисаветы Петровны къ императрицѣ Аннѣ. I, 4.

2. Письма Елисаветы Петровны къ гр. М. Л. Воронцову (1738—1758). I, 6.

3. Дворцовое хозяйство Елисаветы Петровны (1740—1741). I, 13.

4. Прошенія и письма родственниковъ Елисаветы Петровны (1738—1741). I, 29.

5. Письмо герцога Голштинскаго Карла Фридриха (отца Петра III-го) къ Елисаветѣ Петровнѣ (1732). IV, 521.

6. Прошенія и жалобы разныхъ лицъ Елисаветѣ Петровнѣ (1741). I, 43.

7. Прошенія и жалобы къ ней же лицъ духовныхъ (1739—1741). I, 57.

8. Письма къ ней же отъ Шуваловыхъ (1737—1740). I, 78.

9. Письмо графа П. И. Шувалова къ импер. Елисаветѣ съ жалобами на гр. М. Л. Воронцова (до Іюля 1744). IV, 187.

10. Выписки изъ иностранныхъ газетъ, сдѣланныя для имп. Елисаветы (1754). III, 648.

11. Переписка графа М. Л. Воронцова съ Терсье по поводу тайныхъ пересылокъ импер. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ. VI, 420; VII, 508.

12. Рѣшеніе импер. Елисаветы (о ссорѣ служителей Шведскаго посольства съ караульными солдатами, 1754). IV, 49.

13. Бумаги объ арестѣ Ламберта (1757). II, 210.

14. Донесеніе импер. Елисаветѣ объ Аллипрандіи, яко бы умышлявшемъ на жизнь ея (1747). III, 614.

15. Бумаги, касающіяся покушенія на жизнь импер. Елисаветы. Переписка гр. Брюля съ гр. М. Л. Воронцовымъ (1758). III, 684.

16. Записка Буассонье о состояніи здоровья импер. Елисаветы (1759). II, 633.

17. Четыре высочайшихъ рескрипта графу А. Б. Бутурлину (1760—1761). VII, 441.

---

*) Римская цифра означаетъ книгу, Арабская — страницу книги.

18. Снимки съ писемъ Елисаветы Петровны, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира. Приложены къ 1-й книгѣ.

*

19. Инструкціи для лицъ, назначенныхъ состоять при Великой Княгинѣ и Великомъ Князѣ, сочиненныя графомъ А. П. Бестужевымъ (1746). II, 98.

20. О желаніи Великаго Князя Петра Ѳедоровича имѣть копіи съ протоколовъ Конференціи. III, 697.

21. О Голштинскихъ дѣлахъ Великаго Князя Петра Ѳедоровича (1746). III, 616.

22. О Голштинцахъ Вестафаленахъ (1752). III, 619.

23. Письмо Голштинскаго оберъ-камергера Беркгольца къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину (1752). III, 636.

24. Дѣло Ливенскаго воеводы Щепеткова (1761). VI, 186.

25. Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы (матери Екатерины II-й) къ графу М. Л. Воронцову (1744—1759). I, 415.

ЛИЧНЫЯ БУМАГИ ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

26. Письмо святителя Димитрія Ростовскаго къ Ларіону Гавриловичу Воронцову. I, 1.

27. Переписка графа М. Л. Воронцова съ импер. Екатериною Второю. VII, 612.

28. Собственноручный служебный журналъ вице-канцлера графа М. Л. Воронцова за 1749 годъ (Извлеченія изъ реляцій нашихъ пословъ и резидентовъ). III, 1.

29. Письма и прошенія графа М. Л. Воронцова къ имп. Елисаветѣ и къ графу А. Г. Разумовскому (1739—1759). II, 605.

30. Цифирная азбука, данная М. Л. Воронцову при отъѣздѣ его въ чужіе края (1745). II, 112.

31. Изъ всеподданнѣйшихъ черновыхъ докладовъ графа М. Л. Воронцова импер. Елисаветѣ (1757—1758). IV, 507.

1) О преобразованіи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

2) О доставленіи Курляндіи Саксонскому принцу Карлу.

3) По дѣламъ Турецкимъ.

4) По дѣламъ текущимъ. IV, 104.

32. Чинопроизводство 1758 года, VI, 248.

33. Докладъ о пушкахъ (1760). VI, 248.

34. Просьбы объ увольненіи (1760 и 1761). VI, 248.

35. О чиновникахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1761). VI, 248.

36. Докладъ импер. Елисаветѣ о перлюстраціи писемъ и депешъ (1758). IV, 100.

37. Пункты къ разсужденію о вольности дворянства, сочиненіе графа М. Л. Воронцова. IV, 518.

38. Изъ писемъ графа М. Л. Воронцова и его супруги гр. Анны Карловны къ дочери ихъ баронессѣ А. М. Строгановой за границу (1761). IV, 459.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

39. Письма князя А. Д. Кантемира къ графу М. Л. Воронцову (1742—1744). I, 337.

40. Письмо братьевъ князя Кантемира къ нему же (1745). I, 395. Письма княжны Маріи Дмитріевны Кантемиръ къ графу М. Л. Воронцову (1747—1748). I, 399. Изъ дневника князя Антіоха Кантемира (1732) II, 551.

41. Письмо душеприкащиковъ князя Кантемира къ его наслѣдникамъ. I, 396.

42. Письма С. К. Нарышкина къ графу М. Л. Воронцову (1742—1761). II, 565.

43. Письма графа М. П. Бестужева къ графу М. Л. Воронцову (1743—1760). II, 215.

44. Отвѣтныя письма графа М. Л. Воронцова къ графу М. П. Бестужеву (1745—1749). II, 361.

45. Сказка о службѣ графа М. П. Бестужева (1754). II, 378.

46. Изъ писемъ Генриха Гросса къ графу М. Л. Воронцову (1744—1745). I, 403.

47. Письмо Н. А. Демидова къ графу М. Л. Воронцову (1748). IV. 193.

48. Письмо кавалера Дугласа къ графу М. Л. Воронцову (1758). VII, 504.

49. Письмо Киріака Кондратовича къ нему же. IV, 195.

50. Изъ переписки графа М. Л. Воронцова съ графомъ А. Г. Головкинымъ (1749—1760). III, 660.

51. Два письма графа М. Л. Воронцова къ архитектору Трезину (1753). IV, 197.

52. Письма М. В. Ломоносова къ графамъ М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ и письма графа М. Л. Воронцова къ М. В. Ломоносову (1753—1764). IV, 480.

53. Проэкты указа, писанные М. В. Ломоносовымъ. IV, 500; два стихотворенія М. В. Ломоносова, IV, 502, и письмо вдовы Ломоносова къ В. И. Крамаренкову (1765). IV, 504.

54. Письма и записки И. И. Шувалова къ графу М. Л. Воронцову (1754—1766). VI, 268.

55. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову (1758—1761). VI, 308.

56. Письмо И. И. Шувалова къ графинѣ А. К. Воронцовой (1766). VI, 306.

57. Переписка графа М. Л. Воронцова съ Н. И. Панинымъ (1747—1766). VII, 450.

58. Письма С. В. Салтыкова къ графу М. Л. Воронцову (1755). VII, 502.

59. Письма Ивана Даниловскаго къ графу М. Л. Воронцову (1754). VI, 242.

60. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову (1755—1758). VI, 193 и III, 147.

61. Письмо курьера Шокурова къ Ѳ. Д. Бехтѣеву (1757). III, 582.

62. Письмо полковника Дурова къ графу М. Л. Воронцову (1755). VI, 190.

63. Письма гетмана графа К. Г. Разумовскаго къ графу М. Л. Воронцову, съ приложеніями о Малороссійскихъ дѣлахъ (1757—1766). IV, 379; VI, 327.

64. Письма графа М. Л. Воронцова къ гетману графу К. Г. Разумовскому съ приложеніями (1757—1763). IV, 427.

65. Письмо Симолина къ графу М. Л. Воронцову (1758). VI, 474.

66. Три черновыя письма графа М. Л. Воронцова къ начальнику Тайной Канцеляріи графу А. И. Шувалову (1760). VI, 315.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

67. Перлюстрація писемъ, касающихся заговора маркиза Ботты (1743). II, 383.

68. Письмо графа М. Л. Воронцова къ графу Бестужеву о политическихъ дѣлахъ (1744). II, 69.

69. Мнѣніе графа М. Л. Воронцова объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Саксоніи (1744). II, 71.

70. Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи (перлюстрація депешъ его и писемъ) съ примѣчаніями графа А. П. Бестужева-Рюмина (1744). I, 455.

71. Всеподданнѣйшій рапортъ объ арестѣ маркиза Шетарди и его рекридитивъ (1744). II, 6 и 11.

72. Отвѣтъ на запросы маркиза Аржансона Даліону относительно маркиза Шетарди (1745). III, 673.

73. Слабѣйшее разсужденіе о войнѣ Пруссіи съ Саксоніею (1745). II, 94.

74. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Ферберѣ по поводу оскорбленія величества. Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи (1746). VI, 177.

75. По дѣлу Лестока:

1) Извѣтъ Голандскаго резидента Шварца о Лестокѣ (1744). III, 684.

2) Письмо графа Кейзерлинга къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину 17 Декабря 1748. III, 323.

3) Extrait des dépèches du comte de Bernis. III, 328.

4) Допросные пункты Ивану Лестоку (1748). IV, 160.

5) Письмо Лестока къ графу М. Л. Воронцову (1762). IV, 171.

6) Письмо графа М. Л. Воронцова къ Лестоку (1762). IV, 172.

76. О вербовщикѣ Штакельбергѣ (1748). III, 615.

77. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ капитана Фридриха Стакельберга (1754). VI, 184.

78. Записка подполковника Лейтрума о разговорѣ съ Фридрихомъ Великимъ (1754). IV, 46.

79. О числѣ Русскихъ войскъ въ 1755 г., стоящихъ въ Балтійскомъ краю. III, 657.

80. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ и его политическихъ похожденіяхъ (1751). IV, 23.

81. О Сербскихъ выселенцахъ (1752). IV, 59.

82. Секретная посылка Веймарна и Шпрингера по поводу политическихъ происковъ князя Рудольфа Кантакузена (1752). IV, 36; рапортъ Веймарна. VII, 512.

83. О бытности чужестранныхъ министровъ къ Царскомъ Селѣ (1754). III, 655.

84. О пріемѣ Турецкаго посла (1755). IV, 514.

85. О представленіи импер. Елисаветѣ графа Эстергази. VII, 438.

86. Письмо принца Конти къ Дугласу (1756). III, 573.

87. Письмо неизвѣстнаго лица къ Дугласу (1756). III, 578.

88. Сообщеніе Польскаго посла графа Понятовскаго о вознагражденіи за раззореніе земель Польскаго короля (1757). IV, 62.

89. О сношеніяхъ съ Англіею (1755 Вильямсъ). IV, 64.

90. О секретарѣ Русскаго посольства въ Польшѣ Ржичевскомъ и его католическомъ вѣроисповѣданіи (1754). IV, 52.

91. О конвенціи съ Англіею (1756). Докладъ гр. А. П. Бестужева. IV, 68.

92. О графѣ Кегловичѣ (цалованіе руки у Великаго Князя 1755). IV, 50.

93. Записка графа М. Л. Воронцова о конференціи его съ Цесарскимъ посломъ графомъ Эстергази (1757). IV, 86.

94. Письмо графа Воронцова къ одному изъ членовъ Св. Синода (1757). VI, 247.

95. Письмо архіепископа Сильвестра къ графу М. Л. Воронцову (1757). II, 195.

96. Секретное наставленіе капитану Кропотову при посылкѣ въ Китай (1762). VII, 568.

97. Донесенія полковника Бехтѣева о Калмыкахъ (1762). VII, 571.

СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

ПИСЬМА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХЪ И ДРУГИХЪ ЛИЦЪ КЪ КАНЦЛЕРУ ГРАФУ М. Л. ВОРОНЦОВУ.

98. Письма графа Вилима Вилимовича Фермора. VI, 336.

99. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу В. В. Фермору. VI, 350.

6) Отвѣтъ барона Лаудона на пункты графа Салтыкова.
7) Письмо барона Лаудона къ графу Салтыкову.
8) Росписаніе Русскихъ войскъ. IV, 125.

121. Докладъ Конференціи о графѣ Бутурлинѣ съ одобреніемъ его дѣйствій въ Семилѣтнюю войну (1760). IV, 517.

122. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина изъ Стригау 21 Августа 1761. VII, 423.

123. Секретная записка по дѣламъ Курляндскимъ съ примѣчаніями графа М. Л. Воронцова (1758). IV, 146.

124. Переводъ двухъ промеморій, врученныхъ канцлеру Цесарскимъ генераломъ маіоромъ Тилліе (1759). VI, 392.

125. Рапортъ генерала Костюрина о состояніи Русской арміи (1759). VII, 354.

126. О перемиріи съ Пруссіею и размѣнѣ плѣнныхъ. Бумаги генерала Яковлева (1760). VII, 367.

127. Записка графа М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ (1759). IV, 156.

128. Переводъ съ записки Французскаго посла маркиза Лопиталя (1759). VI, 407.

129. Переводъ съ меморіала маркиза Лопиталя (1759). VI, 413.

130. Предъявленіе Цесарскаго посла графа Эстергазія (1759). VI, 417.

131. Разсужденіе графа М. Л. Воронцова о нынѣшнемъ состояніи воюющихъ державъ (1760). IV, 174.

132. Письмо изъ Познани къ конференцъ-секретарю Д. В. Волкову отъ князя М. Н. Волконскаго (1761). VI, 330.

133. Письмо С. Ѳ. Апраксина къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1757), по арестованіи его. IV, 184.

134. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ маркиза Лопиталя съ приложеніемъ переписки объ отношеніяхъ Даніи въ Семилѣтнюю войну (1760). VI, 425.

ДНЕВНИКИ ДОКЛАДОВЪ.

135. Дневная записка Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1742 года (Генварь—Мартъ). I, 92.

136. Дневникъ всеподданнѣйшихъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1742 и 1743 годы съ рѣшеніями и отзывами императрицы Елисаветы Петровны. IV, 199.

137. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1744 годъ. VI, 1.

138. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ за 1746 годъ. VII, 1.

139. Тоже за 1747 годъ. VII, 242.

140. Тоже за 1748 годъ (Мартъ—Іюль). VII, 275.

141. Тоже за 1749 годъ (Май). VII, 281.
142. Тоже за 1750 годъ (Іюнь—Октябрь). VII, 284.
143. Тоже за 1751 годъ (Генварь—Іюль). VII, 287.
144. Тоже за 1752 годъ (Февраль—Ноябрь). VII, 305.
145. Тоже за 1753 годъ (Май—Сентябрь). VII, 319.
146. Тоже за 1754 годъ (Мартъ). VII, 333.
147. Тоже за 1755 годъ (Іюль). VII, 352.
148. Бумаги Елисаветинской Конференціи. 1756-й годъ. III, 331.
149. Доклады графа М. Л. Воронцова Петру Третьему. VII, 525.
150. Конференціи его же съ иностранными министрами при Петрѣ Третьемъ. VII, 552.

151. Тоже при Екатеринѣ Второй. VII, 577.

КАНЦЛЕРЪ ГРАФЪ А. П. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

152. Письма графа А. П. Бестужева къ графу М. Л. Воронцову (1742—1757). II, 1.

153. Письмо графа А. П. Бестужева къ графу А. Г. Разумовскому (1744). II, 48.

154. Письмо князя Б. Г. Юсупова къ графу А. П. Бестужеву (1744), II, 25.

155. Всеподданнѣйшія прошенія графа А. П. Бестужева и тайнаго совѣтника Фонъ-Бреверна по поводу Французскихъ интригъ (1744). IV, 368 и 370.

156. Прошеніе А. П. Бестужева о деревняхъ (1744). II, 13,

157. Мнѣніе графа А. П. Бестужева объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Саксоніи (1745). II, 76.

158. Письма генерала Кейта къ канцлеру графу Бестужеву (1746—1747). II, 579.

159. Мнѣнія канцлера графа Бестужева и другихъ членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о принятіи Англійскихъ субсидій (1747). IV, 1.

160. Письмо графа А. П. Бестужева-Рюмина къ графу А. Г. Разумовскому (1750). III, 679.

161. Письма графа Санти къ графу А. П. Бестужеву-Рюмину (1752). III, 638; (1753). II, 181.

162. Изъ писемъ графа А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу въ Копенгагенъ и Стокгольмъ (1745—1756). III, 584.

163. Письмо секретаря Веселицкаго о перлюстраціи съ примѣчаніями канцлера графа Бестужева (1753). IV, 189.

164. Письмо его же о фельдмаршалѣ Апраксинѣ. VII, 500.
165. Переписка канцлера графа Бестужева съ С. Θ. Апраксинымъ (1757). II, 194, 198; IV, 93.

ЛИЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ СОДЕРЖАНІЮ *).

*) Цифра при имени указываетъ на цифру содержанія, отпечатанную черниѣ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА.

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія тринадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВѢ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1875.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ,
ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составляютъ въ 1875 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близь церкви Св. Ѳеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863—1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой, у книгопродавца Ваганова.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи—3 р., для Швейцаріи и Италіи—2 р. 50 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.